

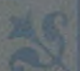

ИСТОРИЧЕСКИЙ СБОРНИК

ВОЛЬНОЙ РУССКОЙ ТИПОГРАФИИ В ЛОНДОНЕ

А. И. ГЕРЦЕНА И Н. П. ОГАРЕВА

КНИЖКА

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ СССР

ИСТОРИЧЕСКИЙ СБОРНИК ВОЛЬНОЙ РУССКОЙ ТИПОГРАФИИ В ЛОНДОНЕ

А.И. ГЕРЦЕНА
и
Н.П. ОГАРЕВА

книжки первая, вторая

1859,1861

факсимильное издание

книжка третья — комментарии и указатели

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
Москва
1971

ИСТОРИЧЕСКИЙ СБОРНИК ВОЛЬНОЙ РУССКОЙ ТИПОГРАФИИ В ЛОНДОНЕ

А. И. ГЕРЦЕНА *и* Н. П. ОГАРЕВА

книжка первая

1859

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

Москва

1971

Издание подготовлено Группой по изучению революционной ситуации в России конца 1850-х—начала 1860-х годов Института истории СССР АН СССР

Руководство изданием академика М. В. НЕЧКИНОЙ

Публикация текста под наблюдением Е. Л. РУДНИЦКОЙ

«Исторический сборник Вольной русской типографии в Лондоне» А. И. Герцена и Н. П. Огарева

книжка первая, 1859 г.

факсимильное издание

Оформление издания художника *Г. В. Дмитриева*
Подписано к печати 20/VIII 1970 г. Формат 70×90¹/₃₂.
Усл. печ. л. 6,87. Уч.-изд. л. 7,3. Тираж 4000 экз.
Бумага № 1. Тип. зак. № 1174. *Цена за 3 книги 3 руб.*
Издательство «Наука». Москва, К-62, Подсосенский пер., 21.

1-я тип. изд-ва «Наука». Ленинград, В-34, 9 линия, д. 12.

Publish'd September 17th 1799. by H. Humphrey No 27. St James's Street London.

The Magnanimous Ally. Painted at Petersburg 17[illegible]

ИСТОРИЧЕСКІЙ

СБОРНИКЪ

ВОЛЬНОЙ РУССКОЙ ТИПОГРАФІИ

ВЪ

ЛОНДОНѢ.

—

Книжка первая.

Съ приложеніемъ портрета Павла I публикованнаго въ Лондонѣ въ 1799.

LONDON

TRÜBNER & Co., 60, PATERNOSTER ROW.

1859.

Вольная Русская Типографія въ Лондонѣ будетъ время отъ времени издавать небольшими книжками *Историческій Сборникъ* разныхъ документовъ и статей, актовъ и писемъ, *невозможныхъ* для печатанія въ Россіи,—не смотря на улучшеніе ценсуры понятыми отъ каждаго министерства, ценсурными комитетами общественнаго спасенія, рядомъ нелѣпыхъ циркуляровъ отсталыхъ министровъ, тупыхъ ректоровъ и николаевскихъ воспоминаній.

Сборникъ нашъ будетъ ограничиваться прошлымъ вѣкомъ и нынѣшнимъ, предоставляя допетровскую Русь ея истиннымъ собственникамъ—Славянофиламъ и ихъ ученымъ соперникамъ. Къ тому-же въ воспоминаніяхъ о Руси Кіевской и Московской коса самаго ценсора *Елагина* не нашла бы ни травинки.

Въ *первой книжкѣ* читатели найдутъ документы, принадлежащіе къ четыремъ послѣднимъ царство-

ваніямъ. Изъ времени Павла I помѣщенъ единственный интересный эпизодъ его – царствованія — разсказъ о его смерти, написанный современникомъ.

Екатерининская эпоха въ этой книжкѣ является заступивши одной ногой въ гробъ; письмо императрицы къ Салтыкову важно потому, что бросаетъ свѣтъ на семейную жизнь императорской фамиліи. Екатерина съ отвращеніемъ пишетъ о *безчестномъ* и развратномъ поведеніи Константина Павловича. "Шведы, говоритъ она, безъ соблазна, содроганія и омерзѣнія не могли видѣть, что онъ дѣлалъ." Длинная, чопорная, и скучная предика Маріи Ѳеодоровны тому-же Донъ-Жуану Зимняго Дворца подтверждаетъ мнѣніе Екатерины.

Александровская и николаевская эпоха, совсѣмъ напротивъ, отражаются въ *первой* книжкѣ *Сборника* во всей своей противоположности и при томъ чрезвычайно характеристично.

Александръ былъ мечтатель и скептикъ, онъ желалъ много добраго, но не имѣлъ ни силъ, ни людей. Людямъ онъ не вѣрилъ. Съ/молоду окруженный перезрѣлой и растленной Екатерининской сералью, управлявшей государствомъ, постоянно въ соприкосновеніи съ людьми, "которыхъ онъ не хотѣлъ бы имѣть лакеями," какъ

онъ писалъ къ графу Кочубею,—откуда ему было взять эту вѣры.

Штейнгель * разсказываетъ въ своемъ письмѣ, какъ Энгельгардтъ, однажды, видя восхищеніе Александра войскомъ, замѣтилъ ему, что теперь "пора бы приняться за устройство гражданской части." Государь взялъ его за руку и *пожавъ* крѣпко, со слезами на глазахъ сказалъ: " Я это очень чувствую, но ты видишь—*кѣмъ* я возмусь".

Утомившись отъ пораженій, уставши отъ побѣдъ, и чувствуя "что не кѣмъ взять" Александръ поступилъ такъ какъ вообще у насъ поступаютъ непрактическіе помѣщики. Побился, побился съ крестьянами, да и свалилъ бремя на управляющаго: сѣки молъ, да собирай оброкъ, а я буду Штилингову "Побѣдную трубу" читать. По несчастію судьба подвернула нашему помѣщику—желчнаго гатчинскаго каптенармуса. Аракчеевъ продолжалъ павловскую традицію и предупредилъ Николая, какъ его предтеча. Онъ доказалъ старую истину, что добрыя желанія царей, если они не переводятъ ихъ въ добрые *законы*—ничего не значатъ. Но при всемъ этомъ Александръ былъ только *отрицательно* дуренъ. Его сердцу, его пониманію вѣрили, мощной потокъ середины екате-

* См. Письмо Штейнгеля къ Николаю, справится Стр. 111.

рининскаго царствованія — еще влекъ событія, и людей въ своемъ направленіи, раскаты грома французской революціи, недавно прервавшія барскій сонъ, еще бродили въ умахъ. Отвѣтомъ на эту возбужденность мысли и на внутренно доброе желаніе Александра являются нѣсколько человѣкъ, и между прочимъ величавый старецъ, мужъ рѣдкой правоты и высокой честности. Голосъ этого римскаго Сенатора, такъ странно попавшагося въ Сенатъ на Исакіевской площади, раздается во всѣхъ важныхъ дѣлахъ... то обращаясь къ царю, то къ его совѣтникамъ, то къ жалкому Сенату. Мужественная рѣчь Мордвинова, его тяжелые, взятые съ латинскаго обороты, поражаютъ сходствомъ съ государственными мудрецами древняго міра, и въ тоже время такъ и чувствуешь, что его намъ недостаетъ именно теперь. Когда онъ говоритъ : "Минута въ которую осмѣливаюсь призывать В. И. В. обратить все вниманіе на пользу Вашего народа, коего Вы отецъ, есть можетъ быть послѣдняя для предупрежденія ужаснаго, но неизбѣжнаго бѣдствія, грозящаго отечеству какъ въ лицѣ повелителя его, такъ равно и послѣднему подданному. Уже не время, Государь, предпочитать непредвѣдѣніе, скрывающее отъ насъ представляющіяся несчастія,—той мудрости, которая ищетъ ихъ преду-

предить, не время закрывать завѣсою будущее, и быть довольнымъ тѣмъ, что на минуту останавливаемъ совершеніе нашей судьбы; обратите взоры ваши на то, что происходитъ во внутренности Вашихъ владѣній, въ столицахъ Вашихъ, даже около собственной Вашей особы, горестными опытами удостовѣритесь, что одна измѣна можетъ скрывать бездну зіяющую предъ Вами и что только соединенныя усилія мудрости и осторожности, любви къ отечеству и усердія могутъ исторгнуть Россію изъ бездны, въ которую надменность, невѣжество, заговоры и вообще развращеніе нравовъ ее повергли".

Или:

"При вступленіи В. И. В. на престолъ блистательная будущность представлялась въ глазахъ націи; торжественное обѣщаніе управлять по духу и сердцу августѣйшей Вашей бабки обратили на Васъ всѣхъ взоры исполненные надеждами и содѣлали Васъ предметомъ всеобщей любви.

"И кто могъ безъ восторга взирать на юнаго монарха, врага роскоши и суетнаго тщеславія, начинающаго тѣмъ, что отдалъ себя перваго подъ караулъ священныхъ законовъ, возобновляющаго и умножающаго древнія преимущества сената, подтверждающаго права дворянства, окружающаго себя выполнителями, которые пріобрѣли общее уваженіе, идущаго надежными шагами и съ такими опорами по

пути, который ведетъ къ истинному величію! Уничтоженіе тайной экспедиціи, намѣреніе преобразовать гражданское уложеніе, безпристрастіе въ выборѣ правителей губерній, подтвержденіе терпимости въ вѣрѣ, строгая экономія во всѣхъ излишнихъ издержкахъ, неограниченная щедрость во всемъ томъ, что истинно полезно, прибавка жалованья офицерамъ, раздача призовъ защитникамъ отечества, построеніе городовъ, портовъ и каналовъ, улучшеніе всѣхъ человѣколюбивыхъ заведеній, одобреніе наукъ, торговли, промысловъ, искуствъ, великодушный покровъ всѣмъ утѣсненнымъ, прибѣгающимъ къ Вашему правосудію. Вотъ, Государь! права Ваши, коими вы снискали любовь подданныхъ въ первые годы вашего царствованія...и послѣ этихъ словъ онъ заключаетъ....." Государь, вотъ ужасное изображеніе критическаго нашего положенія, государство достигло почти до верху возможнаго несчастія, но средства къ исправленію всего еще въ Вашихъ рукахъ— сблизтесь съ Вашимъ народомъ!"*

* Въ мнѣніяхъ Мордвинова и въ письмѣ Штейнгеля много описокъ. Мы сильно просимъ, чтобъ особы имѣющіе доброе намѣреніе посылать намъ списки, были бы вполнѣ добры и свѣряли бы ихъ. Мы были въ необходимости исключить нѣсколько мѣстъ совершенно лишенныхъ смысла.

Ред.

Александръ умеръ. На Исакіевской площади стояло каре, охраняя зараждавшуюся будущность Россіи. Все носящее эполеты было на площади съ той или другой стороны; одинъ желтый, исхудалый старичишка, трепещущій отъ ужаса, и замаранный свѣжей кровью засѣченыхъ Клейнмихелемъ и Жеребповымъ, прятался потерянный въ залѣ Государственнаго Совѣта; этотъ подлый трусъ былъ — Аракчеевъ. "На него жаль * было смотрѣть: ни одна душа не останавливалась промолвить съ нимъ слово," говоритъ Статсъ-Секретарь Марченко, " Увидавъ меня, Аракчеевъ спросилъ: что батюшка, есть *ли* утѣшительныя вѣсти? Я ему сказалъ,—что число строптивыхъ увеличивается и пр. Аракчеевъ *съ ужасомъ* отошелъ отъ меня, услыхавъ въ первый разъ о ранѣ нанесенной Милорадовичу—о которой зналъ весь городъ".

Наконецъ Николай Павловичъ, по словамъ Корфа, побѣдителемъ взошелъ на лѣстницу Дворца, и императрица встрѣтила его за *новаго человѣка.* Онъ сѣлъ прочно на свой тронъ, и еще прочнѣе посадилъ въ казематы своихъ враговъ.

Изъ этихъ то казематъ одинъ изъ колодниковъ пишетъ ему письмо. *Письмо Барона Штейн-*

* Стр. 70, 71

геля — очень замѣчательно, какъ анахронизмъ. Штейнгель вообразилъ, что такого человѣка какъ Николай можно *урезонить*, можно навести на уступки, на доброту сердца, хоть на пониманье. Письмо это подписанное 12 Января 1826 года, явнымъ образомъ принадлежитъ *александровской* эпохѣ и оттого такъ не идетъ по адрессу.

Государственная литература николаевская сложилась не скоро, для растлѣнія мысли, языка цѣлаго поколѣнія потребно было много времени, много ссылокъ, много Клейнмихелей. Точный исходъ этой литературы, можно считать съ рѣчи самаго Николая, произнесенной въ Варшавѣ, это въ своемъ родѣ окопчанное произведеніе. Начать съ того, что людямъ, которые не могутъ отвѣчать —сказать что они *лгутъ*, и кончить тѣмъ, что пригрозить уничтоженіемъ цѣлаго города, если они начнутъ говорить — это chef-d'œuvre, напоминающій другіе возрасты человѣчества: Батыя, Чингисъ-Хана, Китайскіе прокламаціи во время послѣдняго возстанія. Оригинальнаго, особенно принадлежащаго Николаю тутъ одно: на востокѣ и югѣ, во времена библейскихъ войнъ и народныхъ переселеній, тигриное краснорѣчіе это употреблялось вождями упоенными побѣдой, полководцами привыкнувшими лить кровь рѣками и

подвергать свою жизнь мечу — у нихъ чувства грубѣютъ, въ ихъ дикомъ изступленіи отзывается перенесенная опасность, раны, трудъ.....а Николай былъ по преимуществу *штатской военный*. Послѣ *защиты* Зимняго Дворца, о которой онъ написалъ самъ въ своемъ формулярѣ, нигдѣ не умѣлъ командовать ни одной дивизіей. Въ турецкую кампанію Дибичь не хотѣлъ принять начальства, а Витгенштейнъ не хотѣлъ его продолжать, потому что Николай и Михаилъ Павловичь были на лице и, не имѣя никакаго понятія о войнѣ—мѣшали. И такъ у Николая кровавое краснорѣчіе это не было искаженной натурой, дурной привычкой кондотьера —а врожденное свойство дурнаго сердца, его истинная натура.

Ну и посмотрите въ нашемъ *Сборникѣ* на отраженіе, на подражателя, на *шаржу*.

Холопъ его Бибиковъ—прощается рѣчью съ Кіевскимъ Дворянствомъ *; это Цицеронъ николаевской эпохи, каждое слово—палка, сосновая, сухая сучковатая палка! нахальство, кровь въ глазахъ, желчь въ крови, безопасная злоба, дерзость безъ границъ раболѣпіе безъ стыда.....все что мы ненавидимъ въ офицерѣ и писарѣ — возведенное въ генералъ-адъютантскую степень. Какъ же было не сдѣлать министромъ—этого заплечнаго генералъ губернатора.

Людей пробы такой развѣ теперь только остается Муравьевъ, заливающій à la Biron холодной водой мужиковъ вмѣстѣ съ недоимкой.

Бибиковъ публично сказалъ студентамъ въ Кіевскомъ Университетѣ: " У меня держите ухо востро, дѣлайте что хотите, пейте, гуляйте, ходите въ публичные дома, мнѣ дѣла нѣтъ. Но если вы осмѣлитесь хулить правительство, да заниматься политическими бреднями, прошу не пѣнять".

Волнами грязь, густая, вонючая — Николай нашелъ свою клоаку.

Жандармскій Полковникъ не вынесъ этого, написалъ въ Петербургъ. Отъ Орлова запросъ по высочайшему повелѣнію — правда ли? (Точно въ *Колоколѣ*) — Правда отвѣчаетъ клоака и объясняетъ свое нравственно-правительственное употребленіе публичныхъ домовъ съ педагогической цѣлью. Николай прочелъ—и написалъ:" Совершенно согласенъ." Всякое слово ослабитъ это высочайшее сочувствіе. Исторія этого не забудетъ, Марія Бредау можетъ внести эту резолюцію въ свой альбомъ "вольнаго обращенія".

Между письмомъ Штейнгеля довѣрчивымъ и добрымъ и бранью николаевскаго дворецкаго мы помѣстили кроткій, духовный плодъ изъ вертограда насажденнаго благочестивѣйшей десницей православнаго

Императора Николая Павловича: смиренный доносъ *возсоединеннаго*, но неуспокоившагося Іосифа Архіепископа Виленскаго, просящаго о повшехномъ гоненіи коронныхъ чиновниковъ, костно пребывающихъ въ лживомъ живоначальной истины—по западному лжетолку пониманій..... Симашка извѣстный злодѣй, удивляться нечего.

Но что даетъ особенный рельефъ дѣлу, это то, что Московскій Митрополитъ Филаретъ вдругъ ни къ селу, ни къ городу — испугавшись страшной мысли что какимъ нибудь злочудомъ западныя лже-церкви, императоръ Александръ II не знаетъ этого доноса — *еще разъ его донесъ*!

Вотъ что значило тридцать лѣтъ святительства при Николаѣ. Въ царствованіе Александра I Филаретъ писалъ кудрявыя, масонско-мистическія проповѣди, былъ какимъ то якобинцемъ въ богословіи, такъ что его катехизисъ былъ запрещенъ синодомъ; а черезъ тридцать лѣтъ николаевскаго царствованія онъ восхотѣлъ суетно совмѣстить бѣлый клобукъ съ жандармскимъ аксельбантомъ и сталъ писать уже не толкованіе на *книгу бытія*, которую никакъ не разтолкуешь, а доносы подъ диктантъ *возсоединеннаго* Симашки. Какъ будто Филаретъ у себя на Патріаршихъ Прудахъ или въ Вифаніи и не зналъ какъ благокротко возсоединяли уніатъ *земскими ваіями и заушеніями*!

Я думаю право и Варрава и разбойникъ съ *лѣвой* стороны, лучше этихъ пастуховъ какъ неотстававшаго такъ и возсоединеннаго стада.

Чтобъ не оставить читателей подъ подавляющимъ впечатлѣніемъ попа — ренегата, губернатора — палача, митрополита—донашивающаго чужіе доносы; чтобъ разсѣять сырой и удушливый воздухъ изъ петропавловскаго склепа, гдѣ схороненъ Николай, мы помѣстили въ концѣ статью—"*Объ отношеніяхъ Россіи и Австріи*" * Она принадлежитъ къ той рукописной литературѣ, которая такъ внезапно явилась во время крымской войны и при восшествіи Александра II на тронъ. Пусть эта статья заключитъ *первую книжку* Сборника—надгробнымъ порицаніемъ узкой политики Николая и упованіемъ полнымъ надежды—на другое время, на которое мы и *сами все еще уповаемъ!*

29 Марта 1859.
Лондонъ, Вольная Русская Типографія.

Искандеръ.

---

* Больно намъ было въ этой статьѣ видѣть высокомѣрный отзывъ о 14 Декабря. Это безполезно и показываетъ отсутствіе того декорума, который понимается d'emblée теплымъ сердцемъ.

I

ПИСЬМО

*Императрицы Екатерины великой къ графу Н. И. Салтыкову.**

Графъ Николай Ивановичь! Я хотѣла сегодня говорить съ моимъ сыномъ и разсказывать ему все дурное поведеніе Константина Павловича, дабы всѣмъ родомъ сдѣлать общее дѣло противу вертопраха и его унять, понеже поношеніе нанести можетъ всему роду, буде не уймется, и я при первомъ случаѣ говорить сбираюсь, и увѣрена, что Великій Князь со мною согласенъ будетъ: я Констан-

* Въ числѣ рукописей, принадлежавшихъ любителю древностей Московскому соляному приставу Меншикову находилось это собственноручное письмо императрицы Екатерины II доставшееся ему изъ дому князя Салтыкова. Князь М. А. Оболенскій выпросилъ его у Меншикова и поднесъ оное чрезъ государ. канцлера императору Николаю 1 (въ 1848 г.), который и оставилъ подлинникъ у себя. Копія списана изъ дѣлъ Моск. Г. архива М. И. Д.

тину конечно потакать никакъ не намѣрена. А какъ Великій Князь уѣхалъ въ Павловское, и нужно унять хоть Константина какъ возможно скорѣе, то скажите ему отъ меня и именемъ моимъ, чтобъ онъ воздержался впередъ отъ злословія, сквернословія и безпутства; буде онъ не захочетъ до того допустить, чтобъ я надъ нимъ сдѣлала примѣръ. — Мнѣ извѣстно безчинное, безчестное и непристойное поведеніе его въ домѣ генералъ-прокурора, гдѣ онъ не оставлялъ ни мущину, ни женщину безъ позорнаго ругательства, даже обнаружилъ и къ вамъ неблагодарность, понося васъ и жену вашу, что столь нагло и постыдно и безсовѣстно имъ произнесено было, что не токмо многіе изъ нашихъ, но даже и Шведы безъ соблазна, содроганія и омерзѣнія слышать не могли. Сверхъ того, онъ со всякою подлостію вездѣ, даже и по улицамъ, обращается съ такой непристойной фамильярностію, что я того и смотрю, что его гдѣ ни есть прибьютъ къ стыду и крайней непріятности. Я не понимаю, откудова въ немъ вселилось таковый подлый sansculotisme, предъ всѣми уничижающій. Повторите ему, чтобъ онъ исправилъ поведеніе свое и во всемъ поступалъ прилично роду и сану своему, дабы въ противномъ случаѣ, естьли еще посрамитъ оное, я бъ не нашлась въ необходимости взять противу того строгія мѣры. Пребываю къ вамъ доброжелательна.

Екатерина.

Августа 29 1796.

II

ПИСЬМО

Императрицы Маріи Θеодоровны къ В. Князю Константину Павловичу.

(1803).

Легко вамъ будетъ повѣрить, мой любезный сынъ Константинъ Павловичь, сколь глубоко огорчилась я, читая письмо ваше, естьли вы вспомните содержаніе онаго, которое писала я къ вамъ прошедшаго года съ изображеніемъ душевнаго смущенія и скорби моей, также и моего желанія; тогдашнимъ отвѣтомъ вашимъ, нынѣ вновь мною прочтеннымъ, вы меня въ опасеніяхъ моихъ успокоили. Въ соотвѣтствіе писанія матери вашей вы начертали въ немъ самыя сіи слова, кои изъ письма вашего выписываю: *что принадлежитъ до развода молчу и повинуюсь, таковъ есть долгъ мой*. Вы тогда довольствовались удаленіемъ жены вашей и пребываніемъ ея у своихъ родителей. Ничто съ того времени не перемѣнилось, а васъ однакожъ я вижу обращающимся паки къ сей пагубной и опасной мысли о разводѣ. Симъ растворяются всѣ раны сердца моего. Но при всемъ томъ, мой любезный К. П., не смотря на скорбь, которую я чувствую, занимаясь печальною сею мыслію, я изображу вамъ мое по сему предмету мнѣніе, какъ онъ мною видится и наконецъ объявлю вамъ условія,

на которыхъ нѣжная моя къ вамъ любовь можетъ склонить меня заняться мыслію о вашемъ разводѣ.

При самомъ началѣ приведу я вамъ на память пагубныя послѣдствія для общественныхъ нравовъ, также и огорчительный и для всей націи опасный соблазнъ произойти отъ того долженствующій, ибо по разрушеніи брака вашего послѣднѣйшій крестьянинъ, отдаленнѣйшей губерніи, не слыша болѣе имени великой княгини при церковныхъ молебствіяхъ провозглашаемаго, извѣстится о разводѣ вашемъ. Его почтеніе къ таинству брака и къ самой вѣрѣ поколеблется; тѣмъ паче, что съ нимъ неудобно войти въ изслѣдованіе причинъ, возмогшихъ подать къ тому поводъ. Онъ предположитъ, что вѣра для императорской фамиліи менѣе священна, нежели для нихъ, а таковаго мнѣнія довольно, чтобъ отженить сердца и умы подданныхъ отъ государя и всего императорскаго дома. Сколь ужасно вымолвить, что соблазнъ сей произойдетъ отъ императорскаго брата, обязаннаго быть для подданныхъ образцемъ добродѣтелей! Нравы, уже и безъ того растлѣнные, испорченные, придутъ еще въ вятщее развращеніе чрезъ пагубный примѣръ стоящаго при самыхъ ступеняхъ престола, занимающаго первое по Государѣ мѣсто. Повѣрь мнѣ, любезный К. П. единою прелестію неизмѣняющейся добродѣтели можемъ мы внушить народамъ сіе о нашемъ превосходствѣ увѣреніе, которое обще съ чувствованіемъ благоговѣйнаго почитанія утверждаетъ спокойствіе въ имперіи. При малѣйшемъ же хотя въ одной чертѣ сей добродѣтели нарушеніи, общее мнѣніе

ниспровергается, почтеніе къ Государю и къ Его роду погибаетъ, безпорядки, въ царскомъ домѣ происходящіе, разглашаются, любовь подданныхъ погасаетъ и престолъ потрясается. Ваше мѣсто обязываетъ васъ полнымъ самаго себя пожертвованіемъ для государства, коего польза и все превышающій непреложный долгъ созидать благо онаго возбраняетъ чисто, подобно вамъ, вышнюю степень въ имперіи занимающему, утѣшенія, всѣмъ безъ изъятія членамъ общества дозволяемыя—намъ же, дабы несодѣяться чрезъ примѣръ нашъ опасными, отказанныя. Сихъ размышленій въ отношеніи ихъ къ пользѣ государственной, достаточно было на то, чтобы откинуть и самую возможность вашего развода. Но изъ за сего обратитесь къ самому себѣ и вопросите совѣсть свою, оправдаетъ ли она вѣтренность, горячность, вспыльчивость при началѣ несогласія между вами и великой княгинею существующаго, оказанныя вами, вопреки сильнѣйшихъ моихъ представленій; при возвращеніи вашемъ изъ инспекціи, въ послѣднюю осень царствованія покойнаго отца вашего, когда я въ присутствіи брата вашего просила, умоляла васъ жить въ супружескомъ съ женою дружелюбіи, вы противу всѣхъ стараній матери вашей остались непреклонны. Спросите, говорю я сами у себя—укоризны сердца вашего дозволяютъ ли вамъ помыслить о разводѣ. Углубитеся въ тѣ важныя разсужденія, которыя я вамъ представила и взвѣсьте ихъ, разсмотрите въ подробности ихъ слѣдствія и потомъ отвѣтствуйте сами себѣ, съ правотою совѣсти,—строгій вы тамъ отчетъ

вышнему существу дать долженствуете,—отвѣтствуйте, какая причина побуждаетъ васъ желать обнародованіе развода; тогда когда оный съ согласія вашего брата и съ моего въ тайнѣ почти существуетъ чрезъ отлученіе отъ васъ великой княгини, съ которою вы уже никакого сношенія не имѣете? Но при семъ вещей положеніи мы по крайней мѣрѣ до сихъ поръ избѣгали явнаго соблазна. Почто же итти еще далѣе, когда всѣ выше приведенные доводы и внутреннее чувствованіе совѣсти вамъ упрекающей, налагаетъ на васъ непреложный долгъ довольствоваться настоящимъ положеніемъ? Отвѣчайте себѣ съ искренностью на вопросъ сей!

Не выдавайте мнѣ, любезный мой Константинъ Павловичъ, за истинную,—суетную сію причину, будто вы думаете, что честь ваша требуетъ разрушенія вашего союза, ибо я вамъ со всею публикою отвѣтствовать буду, что чрезъ сіе оскорблена бы была добрая слава той, которая носитъ имя ваше, что было бы не простительно и сверхъ того, явно показавъ себя легкомысленнымъ и равнодушнымъ на счетъ репутаціи жены своей, какъ вы то сдѣлали, говоря объ ней въ передней комнатѣ отца вашего, въ чемъ и сами мнѣ признались.

Послѣ сего уже не можно толь скоропостижно перемѣнить вашъ образъ мыслей безъ того, чтобы не подвергнуть себя посмѣянію, или не заставить сомнѣваться въ вашей правдивости; ибо никто вами убѣжденъ не будетъ. Впрочемъ повѣрьте мнѣ, любезный мой Константинъ Павловичъ, не станемъ

входить ни въ какія разсматриванія взаимнаго поведенія и предадимъ его забвенію.

Послѣднимъ письмомъ вашимъ, которое я нѣсколько разъ перечитывала, вы испрашивая моего на разводъ вашъ съ супругою согласія, утверждаете желаніе свое на томъ, что здоровье ваше будто бы въ упадокъ приходящее, того требуетъ. И такъ я должна предполагать, что здоровье ваше паче всего заставляетъ васъ желать сего пагубнаго развода и что вы хотите, положа конецъ вашему теперешнему состоянію, отстать отъ зловредныхъ вашихъ обычаевъ. Буде подлинно вы симъ побуждаемы, и естьли строго испытавъ себя, не смотря на всю силу и важность моихъ представленій, вы скажете мнѣ, что желаете развода съ тѣмъ единственно, чтобы опять жениться и примѣромъ безпорочнаго и счастливаго союза загладить соблазнъ, разрушеніемъ перваго брака причиненный: тогда хотя и останется навсегда въ сердцѣ моемъ чувствованіе скорби, сею жестокою необходимостью въ немъ произведенное; но въ томъ одномъ и единственномъ случаѣ дозволяю я разсматриваніе сего предмета, когда вы предварительно и съ непремѣнностью опредѣлите выборъ, васъ достойный, дабы учинить оный соотвѣтственно рожденію вашему. Поѣзжайте въ чужіе края; въ пребываніе ваше у разныхъ дворовъ владѣтельныхъ князей Германіи изберите себѣ невѣсту, во всѣхъ отношеніяхъ вамъ достойную. Какъ скоро утвердитесь въ вашемъ выборѣ и получите отъ императора и отъ меня дозволеніе, тогда на разводъ вашъ я изъявлю свое со-

гласіе; на семъ только условіи признаю я возможность онаго—когда выборъ вашъ утвержденъ будетъ, ибо соблазнъ въ тужъ минуту долженъ быть заглаженъ новымъ союзомъ, но союзомъ соотвѣтственнымъ законамъ, почитаемымъ отъ особъ, вамъ подобныхъ, кои обязаны избирать въ супруги породою себѣ равныхъ.

Не изрѣченіе развода возвратитъ вамъ здоровье, но житіе порядочное и союзъ, закономъ одобряемый. И такъ повторяю вамъ, любезный мой Константинъ Павловичъ, что на семъ токмо одномъ и единственномъ условіи вы можете получить отъ меня дозволеніе. Молодой человѣкъ лѣтъ вашихъ смотритъ токмо на настоящую минуту; но та, отъ которой вы жизнь приняли, которая есть и всегда будетъ лучшимъ вашимъ другомъ, за васъ простираетъ взоръ свой въ будущее, и хочетъ спасти васъ отъ раскаянія и несчастія, и отнявъ у васъ и у потомства вашего возможность порицать тѣхъ, кому провидѣніе ввѣрило старанія о благѣ вашемъ. О великій боже! кто паче матери имѣетъ долгъ пещись объ ономъ! вотъ мои намѣренія, мой любезный Константинъ Павловичъ, они непоколебимы: всѣ совокупно должности мои чинятъ оныя на всегда непремѣнными, ибо они основаны на обязанностяхъ моихъ къ государству, драгоцѣннѣйшему праху покойнаго отца вашего и къ самимъ вамъ. Соблюдать ихъ наисвятѣйше обѣщаюсь предъ вами и предъ моею совѣстію.

Марія.

III

ПИСЬМО

Мордвинова къ императору Александру I.

Государь,

Минута, въ которую осмѣливаюсь призывать Ваше императорское величество обратить все вниманіе на пользу Вашего народа, коего Вы отецъ, есть можетъ быть послѣдняя для предупрежденія ужаснаго, но неизбѣжнаго бѣдствія, грозящаго отечеству какъ въ лицѣ повелителя его, такъ равно и послѣднему подданному. Уже не время, Государь! предпочитать непредвѣдѣніе, скрывающее отъ насъ представляющіяся несчастія, той мудрости, которая ищетъ ихъ предупредить, не время закрывать завѣсою будущее, и быть довольнымъ тѣмъ, что на минуту останавливаемъ совершеніе нашей судьбы; обратите взоры ваши на то, что происходитъ во внутренности Вашихъ владѣній, въ столицахъ Вашихъ, даже около собственной Вашей особы, горестными опытами удостовѣритесь, что одна измѣна можетъ скрывать бездну зіяющую предъ Вами и что только соединенныя усилія мудрости и осторожности, любви къ отечеству и усердія могутъ исторгнуть Россію изъ бездны, въ которую надменность, невѣжество, заговоры и вообще развращеніе нравовъ ее повергли.

Наконецъ обнародованъ сей миръ, бывшій столь долгое время тайною для націи; Вашъ новый сою-

зникъ поспѣшилъ открыть въ публичныхъ листахъ бѣдствія, которыя онъ скопилъ надъ нашими главами. Блистательный вѣкъ славы, въ которомъ Русскіе давали законы, хотя уже и протекъ; но сыны Россіи, хотя уже и потерявшіе столь лестныя надежды, обычныя ихъ юнымъ лѣтамъ, охотно бы пожертвовали послѣднею каплею ихъ крови, нежели столь постыднымъ образомъ преклониться подъ иго того, который имѣетъ предъ ними одно преимущество —то, что умѣлъ воспользоваться слабостію, измѣною и невѣжествомъ.

Никогда не дерзнулъ бы я быть гласомъ, открывающимъ Вашему Величеству сіи ужасныя истины, если бы не имѣлъ вмѣстѣ съ ними предложить и утѣшенія, услаждающія ихъ жестокость. Всеобщее негодованіе, столь ясно выражающее духъ націи, открывая опасность, обнаруживаетъ средство и доказываетъ Вашему Величеству все, что Вы можете ожидать отъ великодушнаго Вашего народа, позволя ему сопутствовать Вамъ по блистательнымъ стезямъ, проложеннымъ знаменитыми предками вашими.

Удостойте, государь! усердіе мое позволеніемъ Вашимъ исполнить священную обязанность говорить Вамъ съ тою откровенностію и безпристрастіемъ, которыхъ имѣете Вы право ожидать отъ Вашего вѣрноподданнаго, позвольте представить въ настоящемъ видѣ положеніе государства Вашего, напомнить обѣщанія, коими вы польстили отечеству, и показать вамъ плоды, которые оно отъ оныхъ получило.

При вступленіи Вашего Императорскаго Величества на престолъ блистательная будущность представлялась

въ глазахъ націи; торжественное обѣщаніе управлять по духу и сердцу августѣйшей Вашей бабки обратили на Васъ всѣхъ взоры исполненные надеждами и содѣлали васъ предметомъ всеобщей любви.

И кто могъ безъ восторга взирать на юнаго монарха, врага роскоши и суетнаго тщеславія, начинающаго тѣмъ, что отдалъ себя перваго подъ караулъ священныхъ законовъ, возобновляющаго и умножающаго древнія преимущества сената, подтверждающаго права дворянства, яко первой подпоры престола, окружающаго себя выполнителями, которые пріобрѣли общее уваженіе, идущаго надежными шагами и съ такими опорами по пути, который ведетъ къ истинному величію! Уничтоженіе тайной экспедиціи, намѣреніе преобразовать гражданское уложеніе, безпристрастіе въ выборѣ правителей губерній, подтвержденіе терпимости въ вѣрѣ, строгая экономія во всѣхъ излишнихъ издержкахъ, неограниченная щедрость во всемъ томъ, что истинно полезно, прибавка жалованья офицерамъ, раздача призовъ защитникамъ отечества, построеніе городовъ, портовъ и каналовъ, улучшеніе всѣхъ человѣколюбивыхъ заведеній, одобреніе наукъ, торговли, промысловъ, искуствѣ, великодушный покровъ всѣмъ утѣсненнымъ, прибѣгающимъ къ Вашему правосудію. Вотъ, государь! права Ваши, коими вы снискали любовь подданныхъ въ первые годы вашего царствованія.

При сихъ-то счастливыхъ преднадѣяніяхъ Вашимъ манифестомъ 1802 года учреждающееся министерство, которое по существу дѣлъ хотя и было раздѣ-

лено на разные департаменты, но соединено въ общій комитетъ подъ благотворнымъ вліяніемъ воли монарха, которая должна быть душею правленія и средоточіемъ всѣхъ властей; таковое министерство не представляло ничего, кромѣ лестнаго надеждамъ народнымъ; особенныя инструкціи, гласно обнародованныя, изглаживали до малѣйшаго подозрѣнія въ непредвидѣніи дѣлъ.

Но Вашему Величеству болѣе всѣхъ извѣстно сколь много отдалилось сіе учрежденіе отъ смысла перваго его основанія, и самый опытъ показалъ сколь нужна твердость въ государственныхъ постановленіяхъ и коль опасны въ таковыхъ случаяхъ неполныя мѣры, принятыя нерѣшительно и обезображенныя недовѣренностію, которыя несогласіями, недостаткомъ соображеній и средствъ не соотвѣтствуютъ болѣе первому предмету.

Если Ваше Величество удостоитъ обратить свой взоръ съ пружинъ правленія на ихъ дѣйствія, какая ужасная картина всеобщаго разстройства въ государствѣ представится отеческому Вашему сердцу:— моровая язва, приближающаяся къ нашимъ границамъ и угрожающая распространиться даже во внутренности государства, возмущеніе народа въ Астрахани, прекращеніе внѣшней и внутренней торговли, товары, остановленные въ Макарьевской ярмаркѣ, непослушаніе Уральскихъ народовъ, явное неповиновеніе работниковъ на желѣзныхъ заводахъ въ Перми; крестьяне нѣмецкіе ожидаютъ лишь перваго знака къ возмущенію, жиды, притѣсненные въ гражданскомъ ихъ существованіи безъ всякой осно-

вательной причины и побуждаемые внѣшнимъ влiянiемъ, готовы все предпрiять противъ правительства, которое съ ними одними нарушаетъ правило терпимости вѣры, въ коемъ оно дало примѣръ другимъ нацiямъ; Польскiе крестьяне и ихъ господа, ободренные прилипчивымъ примѣромъ вольности, дарованной смѣжнымъ соотечественникамъ, Крымскiе татары, упоенные фанатизмомъ, готовые соединиться съ Турками; необыкновенная дороговизна въ столицахъ, голодъ въ пограничныхъ губернiяхъ, недостатокъ рукъ и скота, похищенныхъ отъ земледѣлiя рекрутскими наборами и милицiей, и отъ сѣвера до юга во всѣхъ губернiяхъ всѣ классы подданныхъ, дворяне, духовные, купцы и земледѣльцы, движимые одинакимъ чувствомъ отчаянiя и возмущенiя; финансы, истощенные двумя несчастными войнами, патрiотическiя пожертвованiя, истраченныя безъ всякой пользы, чрезмѣрное умноженiе ассигнацiй безъ нужды, соблазнительная роскошь въ строенiи домовъ въ столицахъ, наругающаяся бѣдности въ губернiяхъ, и источники государственныхъ доходовъ, истощенные даже и у крестьянъ не истинными нуждами отечества, нося удовлетворенiя ненасытной алчности всякаго рода грабителей, явно ободряемыхъ систематическою терпимостiю.

Армiя потеряла прежнiй духъ свой, огорченная потерею безполезно пролитой крови, безъ опытнаго начальника, къ которому бы могла имѣть истинное довѣрiе, презирая тѣхъ, коихъ одна личная благосклонность монарха подтверждаетъ противъ всеобщаго мнѣнiя; вновь укомплектованная рекрутами,

безъ повиновенія, безъ правилъ настоящаго устройства и наконецъ имѣя недостатокъ попеременно въ оружіи, въ военныхъ припасахъ и въ провіантѣ.

Милиція, обманутая въ справедливой довѣренности и къ торжественнымъ обѣщаніямъ Монарха, призыванная единственно на время войны и употребленная на укомплектованіе арміи, какъ обыкновенные рекруты.

Морская сила еще въ жалостнѣйшемъ положеніи, нежели армія! Состоящая въ одномъ Сенявинскомъ флотѣ и заслуживающая свое наименованіе одними безполезними и чрезмѣрными издержками; Сенявинъ, заслужившій своимъ достойнымъ поведеніемъ общее одобреніе народа, уважаемый какъ воспитанникъ Мордвинова и притѣсняемый равно какъ и онъ.

Департаментъ иностранныхъ дѣлъ обнаружился миромъ, теперь обнародованнымъ, но имѣя хотя то одно достоинство, что будучи управляемъ иностранцемъ, который оставилъ покрайней мѣрѣ отечеству утѣшеніе, что не имя Русскаго покрыто будетъ вѣчнымъ посрамленіемъ.

Духовенство навлекло на себя презрѣніе народное ненавистію и ругательствомъ, которыхъ правительство отъ него требовало, чтобы оно произносило противъ врага отечества, и отринутое самимъ правительствомъ.

Ежели внутреннее положеніе Россіи возбуждаетъ справедливое опасеніе, равно и внѣшнія отношенія ея не представляютъ ничего утѣшительнаго. Она

не имѣетъ болѣе союзниковъ, ибо она ихъ всѣхъ обольстила тщетнымъ надѣяніемъ на свои силы и потомъ оставила безъ всякой защиты.

Государи и народы: Англія, Австрія, Швеція, Пруссія, короли: Неаполитанскій, Сардинскій, фамилія Бурбоновъ, Греки, Черногорцы, Славяне, республика Семи соединенныхъ островов имѣютъ неоспоримыя права намъ дѣлать равные упреки. Между тѣмъ война съ Турками еще не совсѣмъ кончена, продолжается въ Персіи; Англія и Швеція угрожаютъ важными безпокойствами. Наполеонъ наслѣдуя обыкновенной своей методѣ, пронырствами своими стараясь привести въ растройство всѣ части въ государствѣ, готовъ снова напасть на насъ съ открытою силою. Его средства увеличиваются безпрестанно, а мы лишаемся способовъ противиться ему. И такъ отрекшись отъ прежняго достоинства нашего, потерявъ прежнихъ союзниковъ и надежду когда либо кончить войну побѣдою, предстоятъ намъ вѣчныя безпокойства, пожертвованія и опасности.

Вотъ, Государь! ужасное, но вѣрное изображеніе критическаго нашего положенія. Государство достигло, почти до верху возможнаго несчастія: но средство къ поправленію всего еще въ вашихъ рукахъ. Первѣйшее преимущество наслѣдія, полученнаго вами отъ предковъ Вашихъ, есть и будетъ всегда превыше обстоятельствъ среди самыхъ величайшихъ бѣдствій. Петръ Великій сдѣлалъ прочное основаніе своей славѣ и благосостоянію народному. Государь! будьте столькожъ велики,

какъ Ваши предки; кормило правленія требуетъ героя въ настоящихъ обстоятельствахъ. Государь! украсьте себя добродѣтелями, наслѣдственными Вашей фамиліи. Первѣйшая изъ нихъ и наинужнѣйшая теперь для Васъ есть та, въ коей августѣйшая Ваша бабка подавала вамъ непрестанный примѣръ; она состояла въ безпредѣльной привязанности и совершенной довѣренности къ своему народу, и въ предпочтеніи его предъ всѣми прочими народами; отдалите отъ себя толпу иностранцевъ, подобныхъ хищнымъ врагамъ въ день печали, питающихся ранами государства и собирающихся для попиранія нашихъ труповъ. Вы ничего не должны ожидать хорошаго, какъ отъ истинно Русскихъ; сблизьтесь съ Вашей націей, одушевитесь духомъ ея, будьте сильны ея силою, мужественны ея мужествомъ, гордитесь ея славою, и признательное потомство можетъ еще причислить Васъ къ числу великихъ нашихъ государей.

Положитесь болѣе всего на дворянство, на сію твердую подпору государства, на сіе сословіе, которое себѣ поставляетъ единымъ преимуществомъ проливать кровь за отечество, признавать государя своимъ покровителемъ и гордиться его довѣренностію. Въ сей-то взаимной довѣренности государя къ дворянству и дворянства къ государю найдете Вы надежные способы соединить членовъ правленія, наполнить ихъ однимъ духомъ и стремленіемъ къ одному предмету; тогда каждый гражданинъ поставитъ себѣ священною обязанностію и честію всѣми силами содѣйствовать къ

всеобщему благу, тогда прекратятся всѣ гнусныя пронырства и правительство воспріиметъ ту дѣятельность, то единство и счастливое согласіе во всѣхъ частяхъ, безъ коихъ самый величайшій геній не можетъ ничего предпринять спасительнаго къ благу государства.

IV

МНѢНІЕ

Адмирала графа Мордвинова въ Государственномъ Совѣтѣ по поводу учрежденія откуповъ.

Во всю жизнь мою я пламенѣлъ желаніемъ зрѣть въ полномъ счастіи отечество мое и въ немерцающей славѣ всеавгустѣйшихъ монарховъ моихъ. Если бы пламень сихъ чувствованій, когда уже стою я при дверяхъ гроба, имѣя 84 года, и могъ погаснуть и оставалась бы одна только искра прежней моей горячности, то и тогда не умолчалъ бы высказать правду предъ тѣмъ, коего твердой волѣ предвѣчныя судьбы предоставили на пространнѣйшей площади шара земнаго устроить благоденствіе многочисленнѣйшаго народа.

Сколь торжественно для каждаго благомыслящаго человѣка видѣть во всякомъ цѣловальникѣ, сто-

ящемъ за винною стойкою, невольное покушеніе на обманъ и злоухищреніе; ибо само правительство побуждаетъ его на сіи пороки, предоставивъ ему право пользоваться только каплями, падающими изъ чарки, держимой дрожащею рукою піющаго пьяницы, — видѣть въ цѣловальникѣ представителя благочестивѣйшаго великаго государя, продавшаго ему за деньги такое право, видѣть въ каждомъ человѣкѣ, выходящемъ изъ кабака, упоеннаго огненнымъ напиткомъ, съ тѣломъ разслабленнымъ и съ духомъ, уготованнымъ на всякое злодѣяніе, видѣть умирающаго человѣка отъ излишняго упоенія симъ гибельнымъ напиткомъ, видѣть погрязшими въ семъ развратѣ не одну тысячу, но сотни тысячъ людей, уставомъ виннымъ побуждаемыхъ къ тому, видѣть тощіе доходы, государственнымъ казначействомъ получаемые, и знать, что главною причиною сего существеннаго недостатка для блага имперіи есть винный уставъ, поощряющій ежегодно распространеніе пьянства въ народѣ, — все сіе возбраняетъ мнѣ утвердить подписью моею то, что я нахожу совершенно вреднымъ и для милліоновъ народа и для всего государства.

V

МНѢНІЕ

Адмирала Мордвинова по происшествію, бывшему въ Кіевской губерніи и по суду, произведенному надъ помѣщикомъ Протопоповымъ.

(1817).

Когда государственный совѣтъ удостоилъ вниманія своего примѣчанія, кои я въ послѣднемъ онаго засѣданіи сдѣлалъ, на рѣшеніе правительствующаго сената по происшествію бывшему въ Кіевской губерніи и слѣдствію, учиненному надъ надворнымъ совѣтникомъ Протопоповымъ, то я прошу дозволенія изслѣдовать и причины, кои могли дать поводъ къ необычайному произнесенію наивеличайшаго въ законахъ нашихъ наказанія надъ отцомъ за любовь его къ сыну, въ такое еще время, когда и самый доносъ противъ его достаточно оправданъ не былъ. И поелику доносъ первоначально проистекъ отъ пойманныхъ разбойниковъ, а потомъ отъ тѣхъ, кои при третьемъ слѣдствіи взяли деньги, удержали ихъ въ рукахъ не малое время (21 день), и потомъ о полученіи ихъ объявили, то всѣ таковые расказы и объявленія могутъ достовѣрнѣе быть приняты за клевету, нежели за искренное похищеніе правды, что самое, особо прилагаемая здѣсь изъ дѣла выписка утвер-

дить можетъ, которая лучше можетъ дать истинное о семъ дѣлѣ понятіе, нежели то, что могъ и о чемъ имѣлъ я время написать.

Народовъ просвѣщенныхъ уголовные уставы начинаются прещеніемъ противъ клеветниковъ, открывается съ оныхъ судъ обиженнымъ, излагается казнь на лживаго даже и неосторожнаго доносчика. Злоумышленный обвинитель пріемлется въ разумѣ устава первымъ въ общежитіи злодѣемъ, яко нарушителемъ общаго спокойствія, врагомъ правды, гонителемъ невинности. Прочія изложенныя въ оныхъ законопреступленія исчисляются послѣ сего начальнаго, вчиняющаго первый раздоръ въ обществѣ. Таковое положеніе уголовныхъ законовъ утвердилось горестными примѣрами вѣковъ, ибо народы отъ клеветы не оградившіе невинность были всегда несчастны. Небреженіе огражденія сего уничтожало личную безопасность, взаимную довѣренность, благость народовъ, порождало страхъ въ домахъ, молчаніе на сборныхъ мѣстахъ, истязанія и пытки въ судахъ. Тогда тайна царствовала, обвинители и обвиняемые судимы были при запертыхъ окнахъ и заклепаныхъ дверяхъ, или мракѣ ночномъ. Въ таковымъ состояніи вступивши на престолъ Титъ нашелъ Римъ. Первый достойный сего императора подвигъ ознаменовался воспрещеніемъ по всей имперіи принятія доносовъ, изреченіемъ казни доносчиковъ.

Мудрые преемники его Траянъ, Антонинъ, Маркъ Аврелій подтвердили законъ сей, и сей

законъ сдѣлался начальнымъ для всѣхъ прочихъ въ Европѣ уставовъ.

Императоръ Іустиніанъ, собравши всѣ римскаго права изящныя постановленія въ одинъ уставъ, начинаетъ оный опредѣленіемъ въ чемъ состоитъ слава владыкъ земныхъ.

Онъ начинаетъ уставъ сими словами: La majesté d'un prince ne doit pas seulement briller par la force des armes, il faut encore, qu'elle soit redoutable par l'autorité des lois; ainsi que l'état soit bien gouverné en temps de paix et en temps de guerre, que l'Empereur devienne dans les combats victorieux de ses ennemis, qu'il réprime par la sagesse de ses lois l'injustice des calomniateurs; et enfin pour se rendre autant recommandable par sa justice, que grand par ses victoires.

Іустиніанъ соединяетъ славу оружія противъ внѣшнихъ враговъ со строгостію законовъ противъ внутреннихъ и сію строгость обращаетъ первоначально на клеветниковъ.

Мудрость римскаго уложенія проникла до самыхъ отдаленнѣйшихъ и даже не подвластныхъ римской державѣ народовъ. Въ Россіи древній законъ предавалъ доносителей трое-кратному тѣлесному истязанію, прежде нежели прикасался къ обвиняемому, и хотя таковое испытаніе, правда, было грубо и порочно, дикимъ и непросвѣщеннымъ народамъ токмо свойственно; но указуетъ оно на начало праведное, воспрещающее доносы и первую пытку опредѣлившее доносчику.

Но горестнѣйшія времена народовъ были тѣ,

когда злобные доносчики не были наказуемы, когда отъ происковъ своихъ получали они награду, или великія отъ доносовъ стяжали себѣ выгоды, паче же когда невинность закономъ истязающимъ была оправдываема, закономъ же вознаграждающимъ была забываема.

Петръ Великій при самомъ началѣ просвѣщенія Россіи издалъ строгій указъ противъ доносчиковъ и предписалъ правила къ воздержанію ихъ и отклоненію самыхъ доносовъ, по возбужденію страстей легко размножающихся и всегда дерзновенныхъ, когда они не обузданы будутъ страхомъ праведнаго наказанія. Сей великій благоустроитель Россіи, отъ прозорливости коего ничто не скрывалось, усмотрѣлъ, что пороки въ правительствахъ подобно какъ и въ людяхъ часто возрастаютъ и укореняются скоро, если при началѣ не будутъ исправлены, и что они возобладать могутъ всѣми, подобно какъ частнаго человѣка, дѣяніями правителей.

Онъ призналъ, что самодержавное правительство по составу требуетъ внимательнѣйшаго противъ всякаго зла остереженія, что такое правительство есть изъ всѣхъ другихъ слабѣйшее, когда не ограждено оно на всѣхъ степеняхъ своихъ величіемъ добродѣтели, отъ коихъ заимствуетъ и блескъ и силу и неизмѣнную власть свою, а потому и не умедлилъ обратить бдительнаго вниманія своего на соблюденіе правды въ судахъ, яко на начало перваго вообще благоустройства.

Нѣмы да будутъ льстивые, глаголющіе на пра-

веднаго беззаконія, слово царя пророка, поучающаго правдѣ духомъ святыни его.

Но зло часто преуспѣваетъ; за доносами назначаются слѣдственныя коммиссіи, коихъ самое назначеніе есть уже отступленіе отъ законнаго порядка и правосудія; назначеніе часто не осторожное тѣмъ, что члены въ сей коммиссіи рѣдко опредѣляются правительствомъ способные, ибо люди честные и кроткіе отъ выбора всегда уклоняются, заступаютъ же ихъ мѣста пронырливые, тѣ, у коихъ личные виды возбуждаютъ желаніе быть въ оныхъ членами; а часто содѣлываются таковыми сочинителями доноса тайные наставники доносчика; достигши до своей цѣли и будучи отъ высшаго правительства уполномочены и всегда довѣряемы, ничто не претитъ ихъ самовольству; по роду своего осужденія поставя себя внѣ законовъ, предаются они страстямъ и нерѣдко самыя гнусныя управляютъ ихъ судомъ и расправою; присылаемые для исправленія разстроеннаго порядка начинаютъ обыкновенно сами разрушать законы; тамъ, гдѣ оный существовалъ, водворяется истинный безпорядокъ и царствуетъ. Надобно быть на мѣстахъ, чтобы видѣть, какъ на высшія степени ложь и клевета тогда смѣло восходятъ, какъ уловляется невинность и какъ дерзость ободряемая глаголетъ на праведнаго беззаконія. Когда-бы донесенія и приговоры слѣдственныхъ коммиссій прошедшаго времени внимательно прочтены были, то познались-бы та истина, что каждая изъ нихъ оставила слѣды внутренной вражды, безъ затрудни-

тельнаго разбора и долговременнаго безпокойства для правительства.

Главные въ Россіи примѣры убѣдительно вѣщаютъ, что слѣдственныя коммиссіи не исцѣляли никакого зла, но порождали вмѣсто мнимаго и въ началѣ хитро вымышленнаго—существенное. Повѣствованіе каждой бывшей коммиссіи есть повѣсть горестнѣйшая тѣхъ странъ, гдѣ они существовали, предаваемая жителями въ память потомственную; это зло не единовременное, не протекшее токмо, но нанесшее печальныя слѣдствія и на будущія времена; толь дѣла сихъ коммиссій всегда были враждебны и разстроеніе блага обширно и долговѣчно.

Въ недавнія времена во Франціи ничего такъ не страшились, какъ возстановленія слѣдственныхъ коммиссій, яко лютѣйшаго порожденія бывшей кровавой революціи и самовластнаго беззаконнаго правленія; въ мнѣніяхъ о злотворныхъ дѣйствіяхъ таковыхъ коммиссій никакой народъ не разнствовалъ, вездѣ онѣ изглаждали правду, возмущали пороки, злословили благочинныхъ, карали невинныхъ.

Посему премудрый Соломонъ еще въ древнія времена описываетъ клевету и послѣдствія оной словами разительными: "Преподобный нечистъ у злодѣевъ, нечестивъ-же мужъ безстыдно стоитъ лицемъ: изжени отъ сонмища губителя и изыдетъ съ нимъ преніе, егда бо сядетъ въ сонмищи всѣхъ безчеститъ."

Таковое всеобщей чести поруганіе порождаетъ

развратъ въ нравственности, какъ народной, такъ и самаго правительства; естественное послѣдствіе отъ уваженія доносовъ есть взаимное недовѣріе и отчужденіе любви, хранительницы общественныхъ связей и державы властей.

Разумъ благородныхъ законовъ и мнѣніе всѣхъ народовъ мрачную опустили завѣсу на времена и дѣянія судовъ, вслѣдствіе доносовъ бывшихъ и предали воспоминаніе оныхъ праведной и всеобщей ненависти.

Я привелъ всѣ сіи общія разсужденія, чтобъ показать сколь дѣянія доносовъ зловредны и сколь легко при уваженіи оныхъ возникнуть могутъ жесточайшіе въ судахъ приговоры.

Правительствующій сенатъ приговориваетъ къ лишенію чиновъ, дворянскаго достоинства и къ ссылкѣ въ Сибирь отца, пекущагося о защищеніи сына своего, устрашеннаго угрозами доноса, коихъ, вѣроятно, укротить онъ не могъ инымъ способомъ, какъ тѣмъ, что единое смиряетъ сердца людей, чуждыхъ благости и снисхожденія. Обвиняемый не скрываетъ, что далъ деньги присланнымъ для новаго слѣдствія по доносу противъ сына его, яко бы ломалъ онъ ноги у пойманныхъ имъ съ крестьянами своими дезертировъ, когда за три года о томъ не зналъ никто и примѣтить того не могъ; но когда страшные доносы и грозныя предстоятъ послѣдствія, то кто во спасеніе ближняго сердцу лица не употребилъ бы всѣхъ зависимыхъ отъ него способовъ, кто въ огражденіе сего лица не послѣдовалъ-бы внутреннему гласу чувствъ, природою въ насъ вліянныхъ, кои всегда живы въ

сердцахъ непорочныхъ и коихъ законы человѣческіе истребить не могутъ и ослаблять не должны. Если бы его начальныя для всѣхъ частныхъ и общественныхъ добродѣтелей направленія искажены были и воспрещено было-бы страхомъ мучительныхъ казней онымъ слѣдовать, то не злымъ дѣламъ, но добрымъ положена была-бы преграда, всякому злу величайшее одобреніе, тогда было бы вѣрнѣе сказать что нѣтъ и закона таковаго, который бы возбраняя священныя права человѣковъ между собою, связи и обязанности, дерзновенно расторгалъ бы законъ Божій. Издревле дочь, питавшую сосцами своими отца, осужденнаго на смерть глада, почтили дарами и похвалою, а не казнили ее за любовь дочернюю, и сей не есть единственный въ бытописаніяхъ примѣръ безмолвія законовъ противъ преступниковъ, возбужденіемъ нѣжной любви нарушившихъ оные. Еще въ недавніе времена жена покрывшая мужа своего платьемъ своимъ вывела изъ темницы, оставаясь въ оной сама вмѣсто его, но не была сочтена она преступницею и свободно была выпущена изъ заключенія, коему добровольно себя предала. Такъ во всѣхъ земляхъ доселѣ нигдѣ не отклонялись отъ должнаго благоговѣнія къ законамъ природы и всегда уважаемо было все то, что ими оправдано быть могло. Въ предлежащемъже дѣлѣ, кто могъ-бы произнести хулу на поступокъ, во спасеніе сына своего учиненный? Кто не одобривъ оный, отрекся-бы безъ внутренной укоризны и безъ оскорбленія благороднѣйшихъ чувствъ и правъ естественныхъ, долженствующихъ во всѣхъ поступкахъ и сужденіяхъ служить основаніемъ? Но здѣсь и самое

намѣреніе въ видѣ величайшаго преступленія судимое, не доказано, и не могло даже быть подозрѣваемо; ибо ни отецъ, ни сынъ не были причастны въ дѣлѣ, о коемъ слѣдствіе производимо было, за которое однако приговариваютъ къ наказанію, достойному токмо чуждаго всякія добродѣтели, и какъ-бы сдѣлавшаго ближнему своему ущербъ, или уязвленіе величайшее, или-бы возмутившаго всеобщее спокойствіе. Обвиненный утверждаетъ, что подарилъ 5000 рублей отъ избытка богатства своего и слѣдуя не отстраняемому праву располагать дарами своими по волѣ и ограждать себя законами, кои не воспрещаютъ быть милостиву и щедру въ подаяніяхъ и наградахъ безъ изыскиванія даже причинъ побуждающихъ къ онымъ, до таинства коихъ и прикасаться никогда не должно; ибо въ противномъ случаѣ и самые благія могли-бы почтены быть злоупотребительными. Власть, дозволяющая себѣ испытывать сердца, угадывать сокровенныя оныхъ движенія и подвергать по волѣ своей намѣренія, никогда дѣлъ человѣческихъ праведно судить не можетъ; ибо можетъ быть всегда обманута и обману можетъ быть сама причиною. Предубѣжденіе и мысль покоренная подозрѣнію могутъ всему дать ложный видъ.

Будучи пораженъ произнесеннымъ отъ правительствующаго сената приговоромъ, я не могу иначе оный почесть, какъ предосудительнымъ для правительства въ вѣка и при царствованіи всеавгустѣйшаго монарха нашего, являющаго любовь и милосердіе ко врученнымъ отъ всевышняго творца народамъ, яко чадамъ его, коихъ человѣколюбивыми

примѣрами наставляетъ вседневно да судятъ и они по закону и по правдѣ и управляютъ ближними, яко братьями своими.

За симъ я заключаю, что надворный совѣтникъ Протопоповъ долженъ быть освобожденъ отъ всякáго наказанія и дальнѣйшаго преслѣдованія и чувствую изливающуюся слезу сокрушенія подъ огорченіемъ тяжкимъ семидесятилѣтнему старцу (сіи лѣта написаны въ приговорѣ) отцу причиненномъ. Сынъ-же израненый при защищеніи отечества противъ внѣшнихъ враговъ, и при гражданскомъ служеніи, по приглашенію самаго правительства, противъ внутреннихъ разбойниковъ не меньшей опасности подвергавшій жизнь свою и чуждый всякаго соучаствованія съ отыскиваемыми по жалобѣ одного изъ главнѣйшихъ разбойниковъ виновниками, заслуживаетъ по мнѣнію моему похвалу и всеобщее къ нему почтеніе.

Что же касается до прочихъ подсудимыхъ по сему дѣлу, то какъ дальнѣйшее изслѣдованіе могло бы заключиться единственно въ томъ, что поступили они съ вооруженными разбойниками снисходительно и ласково и при поискѣ и поимкѣ не оказано имъ никакихъ насильствій и уязвленій, о чемъ никто достовѣрно изслѣдовать не могъ, когда не приняты были во уваженіе донесенія мѣстныхъ начальствъ о многочисленности разбойниковъ, осаждавшихъ селенія, дѣлавшихъ открытою силою нападеніе и грабежи, угрожавшихъ поджогами и смертоубійствами, —почему оныхъ всѣхъ надлежало бы оставить равно свободными отъ всякихъ впредь розысковъ, изъ

коихъ ничего новаго познать невозможно будетъ кромѣ того, что для поимки защищавшихся оружіемъ разбойниковъ великія усилія должно было употребить.

Я кончу сіе общимъ примѣчаніемъ: разбойники пойманы были въ 1816 году, о ломаніи у коихъ рукъ и ногъ никто не слыхалъ. Земскіе чиновники, городничій и штабъ-лекарь и множество свидѣтелей подъ присягою показали, что истязаній таковыхъ на тѣлѣ ихъ не примѣтили и не было; но по истеченіи нѣкотораго времени возгарется сердоболіе къ главнѣйшему изъ разбойниковъ Кирдяну и плацъ-маіоръ въ Кіевѣ, случайно занимавшій мѣсто коменданта, требуетъ, чтобы новое слѣдствіе произведено было и убѣдительною къ требованію причиною поставляетъ показаніе Кирдяна и заключаетъ сими словами: подтверждаетъ о семъ Кирдянъ, сіе должно открыться по доказательствамъ его.

Сей-же самый плацъ-маіоръ является потомъ изслѣдователемъ и судьею селеній помѣщика Протопопова, принятелемъ денегъ кои удерживаетъ при себѣ не малое время и наконецъ обвинителемъ въ лиходательствѣ; при семъ послѣднемъ слѣдствіи, уже военною коммиссіею произведенномъ, являются новые свидѣтели: инвалиды, рядовые солдаты, цырюльники и евреи, кои утверждаютъ, что два года тому назадъ были ломаны ноги у Кирдяна, что сіе слышали они лично, и достойно примѣчанія то, что всѣ они однимъ оканчиваютъ, что увѣчія сіи учинены были селенія Журминца помѣщикомъ, нѣкоторые изъ нихъ и именуютъ его Протопоповымъ.

Три слѣдствія одно за другимъ послѣдуемыя, великія настоянія и продолжительное время преслѣдованія, великое довѣріе къ словамъ разбойника и малое къ удостовѣреніямъ и присягѣ чиновниковъ и простолюдянъ, не примѣченныхъ ни въ какихъ прежде злодѣяніяхъ, упорство въ отысканіи свидѣтелей, кои-бы сказать могли, что руки и ноги у Кирдяна переломаны, то что каждый зрячій самъ видѣть могъ, осмотръ рукъ и ногъ цырюльниками, а не лекарями. Сіи два гражданскія слѣдствія оправдывающія, третіе военное обвиняющее, сей новый рядъ инвалидовъ, гарнизонныхъ солдатъ и евреевъ, свидѣтельствующихъ о бывшемъ въ отдаленной отъ города деревнѣ, въ 150 верстахъ отстоящій, происшествіи и чудное согласіе при допросахъ отвѣтовъ ихъ, иныхъ, упоминавшихъ—какъ называютъ деревню, другихъ—какъ называютъ помѣщика оной, и всѣхъ, потому-что слышали лично отъ Кирдяна, утверждающихъ, что ломалъ тѣ руки и ноги помѣщикъ Протопоповъ,—не доказываетъ ли все сіе нѣчто нескромное, нѣчто недовѣрчивое, тайное недостаточное краснорѣчіе. Вмѣсто показанія рукъ и ногъ его, не забота о рукахъ и ногахъ его, не состраданіе къ пойманному злодѣю, не ревность къ открытію правды возбуждали чувства и порождали усердіе въ отысканіи великихъ преступниковъ, огорчившихъ и уязвившихъ Кирдяна, котораго если бы и убили на мѣстѣ, то виновниковъ убіенія его едва ли бы долженствовало отыскивать столь настоятельно и упорно.

VI

МНѢНІЕ

Адмирала Мордвинова, поданное въ государственный совѣтъ, при случаѣ разсмотрѣнія росписи о доходахъ и расходахъ на 1821*-й годъ* 20*-го Февраля* 1821 *г.*

Роспись доходовъ и расходовъ государственныхъ, представляя состояніе народа въ отношеніи обладаемымъ имъ богатствомъ, установляетъ мѣру повинностей, налагаемыхъ на каждаго, отдѣленіемъ части изъ стяжаній его въ составъ общественнаго сокровища, которое и долженствуетъ овое направлять на удовлетвореніе однихъ существенныхъ нуждъ государства, соблюдая притомъ всю правильность въ раздѣленіи доходовъ.

Часть назначаемая изъ стяжаній каждаго, тогда бываетъ умѣренною и праведною, когда ни у кого не отъемлетъ необходимо потребнаго для собственнаго его благосостоянія. Для сего первѣйшимъ предметомъ при установленіи мѣры повинности должно быть предохраненіе, чтобы частныя хозяйства и капиталы не могли потерпѣть какого-либо разстройства, а тѣмъ паче истощенія. Правило сіе великой есть важности, какъ потому, что отъ состоянія частныхъ хозяйствъ и капиталовъ зависитъ и состояніе источниковъ, обогащающихъ общественное сокровище, такъ въ особенности по

настоящему времени, когда необыкновенное усматривается между Европейскими народами соревнованіе въ стяжаніи другъ предъ другомъ преобладающей силы, обрѣтаемой надежно въ изобиліи денежныхъ запасовъ.

При таковой дѣятельности Европейскихъ народовъ необходимо нужно для удержанія себя въ равновѣсіи съ оными, пещись не только о сохраненіи капиталовъ въ цѣлости, но и о постепенномъ ихъ приращеніи. Отъ сего существенно зависитъ возвышеніе и пріумноженіе внутреннихъ преимуществъ и способовъ, а внѣ предѣловъ государства политической власти первенство.

За тѣмъ распредѣленіе доходовъ на потребности государственныя тогда почесться можетъ правильнымъ и дѣйствительной цѣли соотвѣтственнымъ, когда при назначеніи всякаго расхода тщательно измѣряются пользы, послѣдовать отъ онаго могущія.

Въ сихъ видахъ вездѣ принимается роспись государственныхъ доходовъ и расходовъ, почему и составляетъ она первый финансовый законъ.

Разсмотреніе закона, объемлющаго всѣ сословія народа и непосредственно дѣйствующаго на благосостояніе каждаго и всѣхъ вообще, подвержено всегда продолжительному вниманію: ибо вѣрность и праведность росписи зависитъ отъ глубокихъ и безошибочныхъ соображеній, отъ точности опредѣленія, что трудами каждаго сословія производится, отъ способовъ къ стяжанію предоставленныхъ каждому отъ изобилія, самою природою источникамъ присвоеннаго, отъ степени просвѣщенія, отъ

числа и сложности капиталовъ и отъ мѣры отверстія дѣятельности путей свободы. Настоящее мирное положеніе Россіи дозволяетъ и обязываетъ неукоснительно обратить вниманіе на ходъ дѣлъ финансовыхъ, на всѣ статьи доходовъ и расходовъ государственныхъ, и каждую изъ нихъ приведя въ ту соразмѣрность, которая-бы согласна была съ естественнымъ, гражданскимъ и политическимъ нынѣшнимъ состояніемъ государства, отъ всего тѣла и отъ частей онаго отнять препоны, воспрещающія ходу, и дать оному успѣшное и быстрое теченіе къ достиженію высшей степени своего благосостоянія, укрѣпляя и направляя естественныя и нравственныя ихъ силы, доброты и достоинство.

Долженствовало-бы въ сихъ соображеніяхъ разсмотрѣть и нынѣ представленную роспись; но краткое время, предоставленное отъ одного засѣданія до другаго, не дозволяетъ войти въ подробное разсмотрѣніе всей росписи. Едва достаточно оно для поверхностнаго разсужденія и по одной изъ содержимыхъ статей; на сей разъ избираю ту, которая наиболѣе другихъ всегда меня поражала. Въ представленной отъ министра финансовъ на разсмотрѣніе государственнаго совѣта росписи доходовъ и расходовъ наступившаго 1821 г. назначено всего съ небольшимъ 5 милліоновъ рублей на все министерство юстиціи, на всѣ подвѣдомственные оному департаменты и суды высшіе и нисшіе, коихъ число большое, служеніе важное, бдѣнію коего

предоставлено охраненіе частныхъ и общественныхъ правъ, и власть коихъ объемлетъ собственность, честь, спокойствіе, жизнь, всю правду земли русскія, царства наипространнѣйшаго въ мірѣ.

Въ Европѣ нѣтъ государства самаго малѣйшаго, едва могущаго равняться съ единою изъ областей Россіи, которое-бы свыше сего не оцѣняло правосудія своего.

По россійской имперіи доходы государственные простираются до 450 милліоновъ рублей, изъ коихъ на содержаніе всѣхъ мѣстъ правосудія и расправы удѣляется съ небольшимъ одна сотая часть. Часть малая, но долженствующая дѣлима быть между множествомъ лицъ, и множества сего удовлетворить необходимымъ потребностямъ въ содержаніи.

Признано, что большая половина чиновниковъ суда и расправы получаетъ казеннаго жалованья меньше, нежели простой работникъ отъ труда своего получаетъ. А какъ несоразмѣрность награды за трудъ уничтожаетъ и право на требованіе вѣрности онаго, то правительство не пекущееся о внутреннемъ довольствѣ дома чиновника, приставленнаго къ суднымъ и народорасправнымъ дѣламъ служителю такой части государственнаго состава, которую изъ первыхъ почесть должно, не дающее способовъ, достаточныхъ для удовлетворенія первыхъ нуждъ человѣка, для выполненія первыхъ обязанностей отца семейства,—не можетъ ожидать отъ него, чтобы изшедъ изъ дома глада и нищеты, съ душою скорбною и негодованіемъ на

повсечасно испытуемую самимъ имъ лично несправедливость, возсѣлъ онъ на мѣсто свое съ духомъ бодрымъ, разсудкомъ крѣпкимъ, сердцемъ спокойнымъ и держалъ вѣсы правосудія рукою твердою и недрожащею.

Жалуются на повсемѣстное въ судахъ лихоимство; но можно-ли искоренить его тамъ, гдѣ существуетъ житейскій недостатокъ и можетъ-ли преступленіе быть въ томъ, что естественнымъ правомъ оправдано быть должно и чего гражданскіе законы воспретить не въ состояніи? Ибо и служителямъ правосудія, равно какъ и всякому другому человѣку, пристанище, пища и одежда необходимо потребны, а получаемые ими отъ казны оклады жалованья недостаточны къ доставленію имъ оныхъ. Слѣдственно, что невозможно, того и ожидать не должно.

Доколѣ правосудіе въ Россіи достаточно не будетъ вознаграждено удовлетвореніемъ всѣхъ необходимыхъ нуждъ исполнителей онаго, то правда не возсядетъ на судѣ: ибо правду водворить не можно тамъ, гдѣ скудость обитаетъ. Она не совмѣстна съ нищетою, коея первое дѣйствіе есть охлажденіе сердца и ослабленіе умственныхъ способностей.

Производившееся доселѣ у насъ приставникамъ суда и расправы скудное жалованье доказываетъ или недостатокъ въ государственныхъ доходахъ или неправильное распредѣленіе оныхъ.

При всемъ быстромъ и великомъ приращеніи доходовъ государственныхъ съ 1810-го отъ 110 милліоновъ рублей въ 1820 до 450 милліоновъ, ми-

нистръ финансовъ показываетъ и на нынѣшній годъ недостатокъ въ доходахъ.

Но доколѣ доходы государственные отыскиваемы будутъ то въ пораженіи капиталовъ, то въ ослабленіи правъ собственности, то въ прикосновеніи къ тощимъ доходамъ сельскаго хозяйства, умаляя то, что уже мало, доходы государственные надежно и безвредно на будущія времена возрасти не могутъ.

Я принимаю смѣлость привести на видъ нѣсколько изъ тѣхъ источниковъ, кои обогащая народъ, обогатили-бы вмѣстѣ съ тѣмъ и государственное казначейство. Они могутъ быть:

Въ возстановленіи святости словъ закона: контракты суть святы и ненарушимы, и въ пріобщеніи подрядчиковъ и поставщиковъ въ число полезныхъ служителей государства, коихъ вѣрность служенія зависитъ отъ самаго правительства, когда праведно съ ними поступаемо будетъ.

Въ допущеніи заведенія частныхъ банковъ, безъ коихъ финансы нигдѣ не процвѣтали, иначе со всѣми усиліями и противоборствіемъ не возмогутъ управить всѣмъ народнымъ сокровищемъ, ни успѣшно, ни полезно присвоивая себѣ то, что природа отказала и что предоставила она дѣйствію единой частной пользы.

Въ присвоеніи собственному своему рукодѣлію выгодъ, уступленныхъ чужеземному въ уничтоженіи личныхъ повинностей, въ ободреніи всего, что можетъ усугублять капиталы.

Въ распространеніи торговыхъ и промышленныхъ

правъ на всѣ лица, безъ различія гильдейскихъ раздѣленій.

Въ учрежденіи Третейскаго суда между казною и частными людьми, въ обязательства съ оною входящими.

Въ возстановленіи древняго закона, по дѣламъ суднымъ между казеннымъ имуществомъ и частныхъ людей аппеляціоннымъ производствомъ оныхъ и проч.

Отъ сихъ источниковъ хотя и невозможно опредѣлить мѣру стяжанія для государственнаго казначейства доходовъ, но многіе милліоны или сбережены будутъ, или не въ продолжительномъ времени пріумножены быть могутъ. Достовѣрно то, что богатство народное отъ благотворнаго дѣйствія означенныхъ здѣсь мѣръ возрастая, возраститъ и доходы государственные.

Но два источника представляютъ возможность неукоснительнаго и знатнаго приращенія въ доходахъ.

Первый заключается во введеніи срочнаго служенія въ войскахъ, проэктъ коего въ 1811 г. принятъ былъ съ уваженіемъ и одобренъ комитетомъ гдъ. предсѣдателей государственнаго совѣта, но не воспріялъ своего дѣйствія, какъ думать должно, по причинѣ наступившихъ тогда вскорѣ военныхъ дѣйствій. Въ томъ проэктѣ доказательно изложены были полезнѣйшія слѣдствія отъ уничтоженія безсрочнаго служенія солдатъ, съ отмѣною нынѣ существующаго образа набора рекрутъ, яко зла, по одной токмо необходимости допущеннаго, хотя отмѣною умедляемаго, но признаваемаго не иначе,

какъ отдѣленіемъ многочисленной части народа по лѣтамъ, красотѣ и крѣпости силъ тѣлесныхъ, составляющей изящнѣйшій цвѣтъ государства, той части, которая едва составляетъ ½ милліона душъ.

За отмѣну нынѣшняго рекрутства съ радостью всѣ ревизскія души заплотятъ по 3 рубл. что составитъ около 60 милліоновъ рублей: ибо отдача рекрутъ обходится не менѣе 5 руб. съ каждагò, не говоря уже о сопряженной съ тѣмъ вѣчной потерѣ сына, брата, а нерѣдко даже и отца семейства и остановкѣ сельской внутренней промышленности во все продолженіе рекрутскаго набора.

За тѣмъ пока наступитъ то благопріятное для Россіи время, что можно будетъ нынѣ содержимое ею число войска уменьшить до такой мѣры, какую народонаселеніе безъ отягощенія и ущерба выносить можетъ, то вторымъ источникомъ, предполагающимъ знатное береженіе въ расходахъ, послужить можетъ учрежденіе въ полкахъ постоянныхъ въ мирное время отпусковъ въ домы половиннаго числа на цѣлый годъ; но дабы при возобновленіи отпусковъ полки не нашлись въ томъ положеніи, что всѣ ихъ люди состояли-бы изъ возвратившихся изъ домовъ, въ упрежденіе сего неудобства должно назначать въ году два отдѣленія отпусковъ и въ каждое увольнять одну четвертую часть полкà.

Не предстоитъ никакого сомнѣнія, чтобы тѣмъ было бы сбережено болѣе 60 милліоновъ рублей ежегодно.

Совокупностію предположительныхъ мѣръ не

токмо знатно обогатится государственное казначейство, но избытокъ онаго можетъ быть обращенъ на все, что полезно государству, на все, что къ народному благоденствію споспѣшительно, и не токмо вознаградится недостатокъ и возстановится въ Россіи правосудіе, но потечетъ Волга чрезъ Донъ въ Средиземное море и совершатся постепенно другія высокія намѣренія и долгоожидаемыя предположенія великихъ нашихъ государей: Петра, Екатерины и Августѣйшаго Александра, счастливо устроившаго всеобщій миръ. Да возможетъ онъ подъ сѣнію онаго совершить все потребное къ счастію своего народа, коего благословеніе перейдетъ въ сердца отдаленнѣйшаго потомства. Россія далеко еще отстоитъ отъ той высшей степени, на которую вступленіе сама природа ей указуетъ и безъ достиженія коей благоденствіе многочисленныхъ народовъ ея не можетъ сочтено быть совершеннымъ.

Земля ея по роскошеству даровъ своихъ готова награждать много и ко всему способна, но плодородіемъ своимъ пользуетъ мало. Въ нѣдрахъ ея скрываются богатства многія, но оныя остаются не испытанными, ожидаютъ еще попеченія и труда къ извлеченію ихъ изъ глубины земли на пользу общую. Тучныя, но не проходимыя болота и цвѣтущія, но безплодныя степи покрываютъ пространныя области, изведеніемъ коихъ изъ дикаго и безобразнаго состоянія имперія получила-бы новое значительное приращеніе въ различныхъ имуществахъ многоцѣнныхъ. Великія протекаютъ въ Россіи рѣки, но отъ береговъ, простирающихся тысячами верстъ несутъ онѣ къ исходамъ

своимъ ограниченную часть произведеній. Да и сія малая часть идетъ въ обмѣнъ чуждаго, во множествѣ къ намъ привозимаго издѣлія, которое по превосходcдву цѣны увлекаетъ отъ насъ денежные капиталы и для собственнаго еще рукодѣлія и промышленности недостаточные. Рукодѣлія вездѣ еще въ младенческомъ состояніи—ремесла и художества занимаютъ малую только часть народа, желающаго трудиться, но лишеннаго полезныхъ для себя и для общества упражненій. Науки не обогатили еще всѣхъ сословій народа въ достаточной мѣрѣ тѣми знаніями, которыя къ земледѣлію, ремесламъ, художествамъ и торгамъ относятся и даютъ произведеніямъ человѣческихъ рукъ совершенство. Въ городахъ обитаетъ скука, собственность въ зданіяхъ не обезпечена, казенными постоями притѣснена и страждущая часть жителей въ тюрьмахъ одержима болѣзнями, не призрѣна въ той мѣрѣ, какой-бы человѣколюбіе требовало; сообщенія на сушѣ и на водахъ еще изрѣдка токмо устроены, мѣстами трудны и медленны, мѣстами преграждены и невозможны. Труду и промышленности обстоятъ многія препинанія и останавливаютъ ихъ на путяхъ сообщенія. Народъ Россійскій способный ко всему, ревнующій отличить себя во всѣхъ родахъ издѣлій, преодолѣваетъ многое, но многое преодолѣть не можетъ безъ пособій правительства, отъ твердой и рѣшительной воли коего единственно зависитъ отъятіе всѣхъ къ успѣшному дѣйствію препонъ.

Сей быстрый и поверхностный только взглядъ, сіе слабое начертаніе неудобствъ, покрывающихъ

пространное лице Россіи достаточны уже къ воспламененію желанія и усилій на преобразованіе оныхъ и предзнаменуютъ подвиги великіе и многомощные, долженствующіе нѣкогда совершиться и прославить виновниковъ благотворенія, о скорѣйшемъ же совершеніи коихъ радѣть должны наипаче присные совѣтники, составляющіе верховную думу великаго нашего государя.

Я представляю мои разсужденія не въ видѣ опорочиванія росписи доходовъ и расходовъ на текущій уже годъ, но какъ нѣкоторыя оныхъ разсмотрѣнія, и соглашаюсь на утвержденіе оной, кромѣ той статьи, которая касается до губерній на особыхъ правахъ по винокуренію состоящихъ, какъ не благоразсуждено было ни сообщить записки по сему предмету министра финансовъ, ниже дать объясненіе въ чемъ именно она состояла, а объявлено было государственному совѣту, чтобъ онъ не разсуждалъ, а подписалъ предварительно изготовленный журналъ одобренія: то по сей статьѣ не могу дать ни мнѣнія ни согласія моего на оную мысль, что когда все касающееся до правъ и единаго частнаго лица подвергаемо всегда бываетъ внимательному сужденію государственнаго совѣта, то прикосновеніе къ совокупнымъ правамъ многихъ и великихъ областей, составляющихъ знатную часть имперіи, не долженствовало-бы конечно быть въ тайнѣ отъ свѣденія государственнаго совѣта.

VI.

ПИСЬМО

Графа Ѳ. Ростопчина къ императору Александру.

Москва 5 Апрѣля 1812 года.

Ваше императорское величество
всемилостивѣйшій государь!

Служа отечеству и престолу вашего императорскаго величества слишкомъ тридцать лѣтъ къ удовольствію народа и монархіи, имѣлъ счастіе пользоваться довѣренностію и при достохвальномъ поведеніи за старостію и слабостію здоровья назадъ тому, болѣе десяти лѣтъ по желанію моему отставленъ отъ службы и проживалъ до днесь въ столицѣ Москвѣ. Нынѣ избранъ тамошнимъ дворянствомъ и удостоенъ Вашего Величества депутатомъ, для представленія вамъ гибельнаго зрѣлища всего государства замысловъ противъ возлюбленной особы вашей умышленныхъ, почти уже совсѣмъ совершенныхъ, тамо васъ окружающими.

Государь! позвольте по долгу сына отечества, избраннаго и удостоеннаго первѣйшимъ сословіемъ по вѣрности къ престолу Вашему сказать откровенно, съ соболѣзнованіемъ, открыть Вашему Величеству бездну предъ вами раскрытую, въ которую окружающіе Васъ ввергнуть желаютъ, и тѣ именно слѣдующіе: осыпанные милостями Вашего Величества,

изведенные изъ праха въ теченіи краткаго времени секретарь Вашъ Сперанскій, съ Магницкимъ суть первыя лица, которыя, обольстивъ, склоняютъ къ себѣ неистовыхъ умышленниковъ Г. Г., Р., Н., М., М., Т., Р., Вол., Оре., Го., губернатора Вейдемейера, Яблонскаго, Биженча и прочихъ къ нимъ прикосновенныхъ, о коихъ по важности лично донесу вашему императорскому величеству. Проданы Вы сообщниками своими мнимому Вашему союзнику Наполеону, который успѣлъ въ своемъ желаніи и чрезъ посредство ихъ удалилъ войска Ваши изъ всей Финляндіи и даже Петербурга въ извѣстный вамъ край, чрезъ что открылъ себѣ самый благополучный путь къ Петербургу. Уже разбойничья его шайка собрана въ Стральзундѣ, гдѣ производитъ поспѣшную постройку разнаго рода судовъ и прочихъ принадлежностей, по окончаніи коихъ намѣренъ, ни мало не мѣшкавъ, перебраться черезъ заливъ и рѣки на твердую землю. Трофеи его въ польской Помераніи развѣваются, куда уже привезена ему богато-убранная карета, въ которой намѣренъ онъ обще съ своею супругою проѣхаться чрезъ Ригу въ Петербургъ. Разбойничья его орда, состоящая въ Стральзундѣ и Помераніи изъ 17,000 ожидаетъ ежеминутнаго повелѣнія двинуться на пагубу нашего отечества.

Государь, внемли гласу справедливости, которая происходитъ отъ единаго усердія къ отечеству и особѣ твоей, дозволь приблизиться мнѣ къ столицѣ и прервать дѣйствія злоумышленныя, хищными увѣреніями тебя окружающія. Я знаю все по-

дробно, даже гдѣ хранится переписка Наполеона съ обнадеженными умышленниками, или избери орудіемъ Александра Балашова, который хотя и участвовалъ въ ономъ дѣлѣ, но принужденно для узнанія истины. Первый онъ открылъ сіе великое и ужасное дѣло въ Москвѣ 28 Февраля изъ документовъ, кои отъ него будутъ отобраны и Вашему Величеству представлены. Послѣдній случай засѣданія въ верховномъ совѣтѣ, гдѣ представлена выписка о новыхъ налогахъ, противъ которой Вы первый произнесли, что народъ такъ уже претерпѣлъ прошедшее время, а ежели еще сіе выпустить, то должно неминуемо ожидать противъ себя народнаго возмущенія.

На сіе секретарь Вашъ Сперанскій первый подалъ голосъ въ опроверженіе, представляя на видъ, что время и обстоятельства требуютъ пособія вашему кабинету для польской арміи, долженствовавшей дѣйствовать обороною и что сіе есть единое средство, а ежели его не сдѣлаютъ, то во-первыхъ не льзя приступить къ дѣлу, а во-вторыхъ и успѣху ожидать не можно, не имѣя достаточной на то суммы въ наличности. Удаленная армія въ Польскомъ краю подъ видомъ опасенія и нападенія Бонапарта, въ дополненіе коей какъ изъ столицы вашей вся гвардія, такъ изъ Финляндіи почти все войско, доказываютъ умыселъ занять васъ обороною въ Польшѣ и чрезъ Курляндію пропустивъ врага во внутренность, безъ всякой препоны, не истинно ли сей обманъ. Подъ видомъ патріотизма онъ хочетъ дѣйствительно противъ особы Вашей всѣ сословія ослабить и вынудить народъ произвести стра-

шное требованіе, какъ сіе случилось въ Италіи и Швейцаріи. Не онъ ли былъ орудіемъ въ прошедшее время, когда Ваше Величество, при Тильзитѣ обманутые, заключили миръ, миръ для Россіи самый невыгодный, бремя коего и тяжесть Вы уже испытали, отъ котораго финансы Ваши опустѣли и способы къ поправленію ихъ исчезли. Чиновники, кои въ семъ важномъ дѣлѣ могли бы съ пользою для государства быть полезными, чрезъ посредство его, подъ видомъ опасныхъ, оклеветаны предъ вашимъ императорскимъ величествомъ. Не удивляйся сему, Монархъ! Злато и бриллiанты, чрезъ французскаго посланника ему доставленные, ослѣпили глаза его и удалили отъ вѣрности къ отечеству и къ особѣ твоей. И такъ, Ваше Величество, время заняться исправленіемъ монархіи и критическаго ея положенія, и выбрать людей къ сему важному дѣлу есть искуство, коимъ одарена была августѣйшая Ваша бабка, а по наслѣдству принадлежитъ и Вамъ.

Открытіе сихъ важныхъ происшествій служитъ къ спасенію Вашего Величества и всего государства отъ ига иновѣрца. Письмо сіе есть послѣднее и если останется не дѣйствительнымъ, тогда сыны отечества необходимостію себѣ поставятъ двинуться въ столицу и настоятельно требовать какъ открытія сего злодѣйства, такъ и перемѣны правленія.

VII.

СМЕРТЬ ИМПЕРАТОРА ПАВЛА I.

(отрывокъ изъ дневника современника)

11 Марта 1801.

Только что Павелъ I наслѣдовалъ Екатеринѣ, первая мысль всѣхъ тѣхъ, которые знали хорошо Русскую исторію и природныя качества новаго государя, была та, что монархъ этотъ не сохранитъ долгое время бразды правленія; рожденный съ жестокимъ характеромъ, который хотя бы и могъ быть укрощенъ, воспитаніемъ болѣе рачительнымъ, Павелъ сверхъ того страдалъ отъ притѣсненій властолюбивой матери и подозрѣвалъ въ своей супругѣ намѣренія подобныя тѣмъ которыя возвысили Екатерину II. Этотъ царь имѣлъ безпрестанно предъ глазами своими опасности, которымъ могъ бы подвергнуться онъ по причинѣ народной приверженности къ Маріи Ѳедоровнѣ. Онъ смотрѣлъ не иначе на дѣтей своихъ какъ на наслѣдниковъ могущихъ у него оспорить престолъ. Вступивъ спокойно на престолъ этотъ, который мать постоянно не хотѣла отказать ему, Павелъ I имѣлъ тогда только небольшое число приверженцевъ, недовольныхъ прошедшимъ царствованіемъ. Между тѣмъ нѣкоторые умныя распоряженія, безпрестанныя доказательства величайшаго вниманія

къ справедливости, мудрыя усмотрѣнія, поведеніе вообще достойное похвалы, а нѣкоторыя черты высказывавшія душу благородную и возвышенную, вскорѣ пріобрѣли новому императору привязанность Русскихъ и уваженіе иностранныхъ державъ. Но этотъ государь, который подъ надзоромъ матери ревнивой къ своей власти, сносилъ иго ея съ большимъ нетерпѣніемъ, какъ скоро освободился отъ него, то склонности его получили съ самаго начала гибельное направленіе. Верховная власть была у него ничто иное, какъ возможность безпрепятственно предаваться строптивости капризовъ своихъ, и черезъ это самое правленіе его ознаменовалось совершенною противуположностью всякаго порядка вещей, и прямымъ забвеніемъ своего сана.

Уже прошло много времени съ тѣхъ поръ, какъ потеряли совсѣмъ надежду привести императора на путь здравый. Паленъ, который раздѣлялъ съ нимъ безгранично силу верховнаго владычества, увидѣлъ наконецъ необходимость положить границу мучительной власти, которая ежечасно высказывалась въ его жестокихъ и безчеловѣчныхъ дѣйствіяхъ.

Этотъ главный начальникъ внѣшнихъ дѣлъ, полиціи и военный губернаторъ Петербурга, рѣшился наконецъ посовѣтоваться съ великимъ княземъ Александромъ, о способахъ остановить гибельныя слѣдствія. Онъ объяснялъ великому князю все то, что подобное теченіе дѣлъ можетъ произвести какъ внѣ такъ и внутри государства. Онъ настроилъ в. князя помышлять о перемѣнѣ отъ опасностей, въ успѣхѣ которой онъ былъ вполнѣ увѣренъ по способамъ исполненій, которыми онъ могъ распологать.

Г. Паленъ по своей должности былъ извѣщенъ обо всемъ что происходило, могъ дѣйствовать немедленно, и располагать исполненіемъ безъ отсрочки. в. князь отвѣчалъ ему при первомъ его открытіи "что онъ не можетъ не согласиться съ нимъ въ несправедливостяхъ императора, но что императоръ отецъ его, и будучи сыномъ, онъ не можетъ никогда рѣшиться, чтобы лишить его верховной власти, какія бы несчастія ни могли произойти отъ продолжительнаго его царствованія."

Нѣсколько мѣсяцевъ послѣ, жестокость правленія болѣе возрасла. Г. Паленъ, снова заговорилъ объ этомъ съ в. княземъ, онъ нашелъ его уже менѣе прежняго удаленнымъ отъ тѣхъ намѣреній, которыя онъ внушалъ ему, но все еще удерживаемаго почтеніемъ къ отцу своему, которое имѣло всю личину болѣзни къ власти этого монарха. Между тѣмъ велѣніями Павла болѣе 26 именитыхъ лицъ были скрыты по казаматамъ въ первомъ мѣсяцѣ 1801 года. Графъ Паленъ повторялъ снова свои представленія съ большими просьбами. В. князь вынужденный этими обстоятельствами, наконецъ согласился съ нимъ, но съ сожалѣніемъ и прежде получивъ обѣщаніе не покушаться на жизнь императора, но удовольствоваться его арестомъ, потребовать отъ него актъ отрѣченія и перевести подъ крѣпкимъ карауломъ въ Петропавловскую крѣпость.

Одно неожиданное происшествіе ускорило исполненіе этого предпріятія. Г. Паленъ былъ извѣщенъ, что Павелъ, который съ нѣкотораго времени казалось началъ имѣть подозрѣніе, подписалъ самъ противу свое-

го обыкновенія одну депешу. Г. Паленъ одинъ только имѣлъ право на эту подпись, онъ велѣлъ остановить какъ будто изъ презрѣнія курьера, который несъ ему бумагу и узналъ истинное содержаніе депешей этихъ ввѣренныхъ курьеру. Впослѣдствіи узнали, что предметомъ содержанія ихъ былъ вызовъ въ Петербургъ двухъ лицъ, которыхъ императоръ долженъ былъ сослать по причинѣ ихъ безчеловѣчія въ исполненіи его приказаній.

Согласно показаніямъ, эти двѣ особы назывались Линднеръ и Аракчеевъ. Первый бывшій военный губернаторъ Петербурга, а другой комендантъ крѣпости должны были явиться снова къ своимъ должностямъ. Императоръ полагалъ, что они могутъ ему пособить въ удаленіи своей фамиліи, заточить императрицу и двухъ сыновей, и тѣмъ избавиться наконецъ отъ всѣхъ тѣхъ, которые казались ему подозрительными. Г. Паленъ съ депешами отнятыми у курьера, явился къ Павлу и объявилъ ему, что безъ сомнѣнія кто нибудь попытался обмануть его подписавъ подъ его руку бумаги, которыя онъ одинъ былъ обязанъ вручить подъ собственною своею отвѣтственностію фельдъ-егерю. Смущенный императоръ отвѣчалъ, что это онъ самъ имѣлъ свои причины для подписанія депешей, "и такъ я поспѣшу возвратить ихъ курьеру" отвѣчалъ Г. Паленъ.

Думаютъ, что Паленъ покорный приказаніямъ своего государя почувствовалъ въ этотъ разъ болѣе нежели когда нибудь необходимость предупредить его немедленнымъ исполненіемъ предпринятыхъ мѣръ. "Вы помните, что произошло въ 1762 году?" спросилъ нѣсколькими днями прежде

императоръ своего министра. "Да государь, я былъ тогда сержантомъ гвардіи," отвѣчалъ Паленъ. Я думаю, продолжалъ Павелъ, не захотятъ ли и нынѣ повторить прошедшія сцены?" "Можетъ быть, точно государь, отвѣчалъ Паленъ, что нѣсколько человѣкъ составили планъ этотъ; но не такъ то легко нынче привести это въ дѣйствіе, какъ прежде; войско не было какъ теперь въ рукахъ государя, полиція не была въ такомъ совершенствѣ какъ въ нынѣшнее время, а наконецъ отецъ вашъ не былъ коронованъ, а вы были." Императоръ казалось углубился въ эти размышленія и кончилъ разговоръ, въ коемъ Паленъ показалъ свой умъ, присутствіе духа и смѣлость. Между тѣмъ подозрѣнія императора увеличивались съ каждымъ днемъ. Въ одинъ вечеръ онъ повторилъ нѣсколько разъ, будучи въ худомъ расположеніи духа, г-жѣ Гагариной, у которой онъ находился: "Я вижу что пора нанести великій ударъ." Онъ говорилъ тоже самое своему оберъ-шталмейстеру Кутайсову прибавя: "послѣ этого мы заживемъ съ тобой какъ два брата."—Этотъ великій ударъ, состоялъ въ заточеніи императрицы въ Холмогоры, отстоящее въ 80 верстахъ отъ Архангельска, мѣсто дикое, пустынное, гдѣ несчастная фамилія Ульриха Брауншвейгскаго томилась въ продолженіи долгихъ лѣтъ. Шлюссельбургъ долженъ былъ служить мѣстомъ заключенія великаго князя Александра; Петропавловская крѣпость была назначена в. князю Константину. Паленъ и нѣкоторые другіе должны были погибнуть на эшафотѣ.

Госпожа Гагарина пораженная грозными словами

императора имѣла простоту сказать: "Я не придумаю что онъ понимаетъ подъ великимъ ударомъ— который хочетъ нанесть"—всѣ сіи слова переданы были Палену, который въ свою очередь сообщилъ ихъ в. князю Александру. В. князь вынужденный опасностію согласился на все съ договоромъ сохранить отца его. Не смотря на трудность вѣрнаго поручительства въ этомъ обстоятельствѣ, Паленъ обѣщалъ между тѣмъ сохранить дни Павла во всякомъ случаѣ. Этотъ замыселъ долженствовалъ совершиться 10 (22) Марта, но в. князь настоялъ чтобъ отложили его до слѣдующаго дня, потому что въ этотъ день дворцовые караулы долженъ былъ занять батальонъ Семеновской, которымъ самъ лично командовалъ в. князь Константинъ и который былъ преданъ императору. Паленъ согласился на желаніе в. князя. Михайловской замокъ построенный Павломъ на мѣстѣ стараго лѣтняго дворца—огромное, но безъ вкуса построенное зданіе, окруженное бастіонами. Напрасно императоръ укрѣплялъ его каждодневно чтобъ найти тутъ вѣрное убѣжище противу мщенья тѣхъ, которыхъ оскорблялъ онъ. Паленъ такъ какъ и другіе начальники знали всѣ его проходы. За нѣсколько часовъ до исполненія замысла Паленъ прибавилъ число заговорщиковъ, присовокупивъ къ нимъ нѣсколько молодыхъ людей извѣстныхъ фамилій, которые въ тотъ день были разжалованы и тѣлесно наказаны самымъ жестокимъ образомъ за проступки которые едва ли были достойны одного выговора. Паленъ лично самъ, выпустилъ изъ крѣпости этихъ несчастныхъ и повелъ ихъ ужинать

къ генералу Талызину, начальнику Преображенскаго полка, который равно какъ и генералъ Депрерадовичь командиръ Семеновскаго, вовлекли въ заговоръ почти всѣхъ своихъ офицеровъ ; не смѣя довѣряться еще солдатамъ, они надѣялись на ихъ послушаніе.

Утромъ роковаго дня, прогуливаясь на лошади, на Суворовской площади, сопровождаемый любимцемъ своимъ Кутайсовымъ, Павелъ былъ остановленъ однимъ человѣкомъ, низшаго класса который подавалъ ему письмо. Лошадь императора начала въ это время бѣситься и онъ не могъ его взять самъ, велѣлъ отдать Кутайсову; оно заключало въ себѣ наибольшія подробности заговора ; но Кутайсовъ идя обѣдать къ государю, перемѣнилъ свое платье и такимъ образомъ забылъ прочитать его.

Платонъ Зубовъ, послѣдній любовникъ Екатерины II и генералъ Бенигсенъ были главами сего заговора. Они начальствовали одною партіею соумышленниковъ, а Паленъ командовалъ другою. Обѣ толпы насчитывали около 50 человѣкъ, изъ коихъ большая часть была въ пьяномъ видѣ.

Въ назначенный часъ, около полуночи—съ 11 на 12 (22 на 23) приблизились они ко дворцу Михайловскому или вѣрнѣе къ воротамъ его ведущимъ въ садъ. Имъ отказываютъ входъ. "Насъ звалъ императоръ, сказали они, сегодня у него военный совѣтъ о войнѣ." Часовой обманутый присутствіемъ многихъ генераловъ исполняетъ ихъ требованія. Они всѣ тихо идутъ по компатамъ и останавливаются въ караульной залѣ. Зубовъ и

Бенингсенъ, отправились вслѣдъ за адъютантомъ Аргамаковымъ, который ежедневно докладываетъ рапорты императору. Онъ ихъ провелъ по лѣстницѣ, которая прямо вела въ прихожую, гдѣ находились на часахъ у императора два гусара и также одинъ лакей.

Проходя по коридору, чрезъ которой надо было достигнуть двери, они были остановлены часовымъ, который имъ закричалъ: "остановись тамъ, кто идетъ? Бенингсенъ ему отвѣчалъ: "замолчи несчастный, ты видишъ куда мы идемъ." Часовой понявъ о чемъ идетъ дѣло, наморщивъ брови, закричалъ:" "рундъ проходи!" такимъ образомъ, даже если-бы императоръ и услыхалъ этотъ шумъ, онъ могъ-бы прямо увѣриться что это былъ обходъ рунда. Послѣ этого происшествія адъютантъ Аргамаковъ продолжалъ идти съ наивеличайшею поспѣшностію и тихонько постучалъ въ дверь комнаты камердинера: этотъ не отворяя спросилъ его, что ему надобно? "Я иду докладывать рапортъ свой." "что развѣ глупы вы, теперь только полночь." Что ты говоришь ужъ шесть часовъ утра. "Отворяй скорѣе или въ противномъ случаѣ ты навлечешъ на меня большую непріятность отъ государя," камердинеръ отворилъ наконецъ, но увидя вошедшихъ въ комнату: семь или восемь человѣкъ съ обнаженными шпагами въ рукахъ—спрятался въ уголъ комнаты. Одинъ изъ гусаръ болѣе смѣлый, хотѣвшій съ храбростію сопротивляться—получилъ въ голову сабельный ударъ и тотчасъ-же повалился, но успѣлъ извѣстить государя, закричавъ: "измѣна!"... Другой убѣжалъ. Та-

кимъ-то образомъ Зубовъ и Бенингсенъ проникли въ спальню императора. Зубовъ, не найдя Павла въ постелѣ, закричалъ: "великій Боже! онъ спасся!" Бенингсенъ, болѣе храбрый, сдѣлавъ тщательный обыскъ, отыскалъ императора за панелью одной ширмы. Тогда онъ подходитъ къ нему, салютуетъ своею шпагою и объявляетъ, что онъ арестованъ, по приказанію императора Алексанвра I, — что его жизнь будетъ сохранена, но чтобы онъ не дѣлалъ ни малѣйшаго сопротивленія. Павелъ не отвѣчалъ ничего; при свѣтѣ лампады можно было видѣть все замѣшательство и ужасъ, которые выражались на его лицѣ. Бенингсенъ, не теряя времени, сдѣлалъ вѣрный осмотръ въ его комнатахъ; одна только дверь была въ ней, ведущая въ покои императрицы, другая комната, въ которой находился гардеробъ, была безъ прохода; остальныя двѣ были наполнены различными бумагами и тутъ хранились войсковыя знамена, также и великое множество шпагъ, принадлежавшихъ арестованнымъ офицерамъ. Въ то время, какъ Бенигсенъ запиралъ эти двери, клалъ ключи отъ нихъ въ карманъ свой, Зубовъ безпрестанно повторялъ императору по русски: "государь! вы арестантъ императора Александра." "Какъ арестантъ?" отвѣчалъ императоръ; минуту спустя онъ прибавилъ: "чтоже сдѣлалъ я вамъ?" "Въ продолженіе четырехъ лѣтъ вы тиранили насъ" отвѣчалъ ему одинъ изъ заговорщиковъ.

Императоръ былъ въ спальномъ колпакѣ и на своей рубашкѣ имѣлъ только фланелевую фуфайку; онъ стоялъ передъ злодѣями съ голыми ногами; они

же были въ надѣтыхъ на головахъ шляпахъ и съ обнаженными шпагами въ рукахъ.

Но въ ту минуту, когда заговорщики входили къ Павлу, въ то время, когда они все болѣе надѣются на Палена, этотъ идетъ ко дворцу съ полкомъ гвардіи. Ежели предпріятіе будетъ имѣть успѣхъ, то онъ идетъ способствовать ему, ежели же нѣтъ, то онъ идетъ для защиты императора.

Между тѣмъ Платонъ Зубовъ началъ читать актъ отреченія; Павелъ старался снова его тронуть; онъ обращается больше всѣхъ къ Зубову, напоминаетъ ему его неблагодарность и всю его дерзость. Ты больше не императоръ, отвѣчаетъ тотъ, Александръ нашъ государь." Оскорбленный этою дерзостію Павелъ ударилъ его; эта отважность останавливаетъ ихъ и на минуту уменьшаетъ смѣлость злодѣевъ. Бенингсенъ замѣтилъ это, говоритъ и голосъ его ихъ оживляетъ: "дѣло идетъ о насъ, ежели онъ спасется, мы пропали."

Тогда Николай Зубовъ, первый поднявъ руку на своего государя, переломилъ ему правую руку, и подалъ своею смѣлостью злодѣямъ поводъ въ ихъ предпріятіяхъ. Еслибы Павелъ сохранилъ хоть немного присутствія духа, онъ могъ бы спастись или по потаенной лѣстницѣ, находившейся за его кроватью или чрезъ покои императрицы; но страхъ его совершенно уничтожилъ, и, при первомъ шумѣ, онъ бросился подъ постель свою, безъ всякаго размышленія, можетъ быть, онъ не смѣлъ появиться предъ императрицею, думая, что такой заговоръ не могъ быть иначе составленъ противъ него, какъ съ согла-

сіемъ и подъ покровительствомъ ея, которую, какъ онъ зналъ, народъ столько же любилъ, какъ его ненавидѣлъ.

Въ то мгновеніе, когда они были заняты Павломъ, былъ слышанъ нѣкоторый шумъ; встревоженный Зубовъ бросился тотчасъ къ в. к. Александру. Покои этого государя находились внизу, подъ самыми комнатами отца. Онъ былъ тогда съ в. к. Константиномъ, братомъ своимъ и съ двумя великими княгинями; одна изъ нихъ супруга его, а другая супруга брата. Константинъ, не былъ извѣщенъ объ этомъ секретномъ дѣлѣ до самаго роковаго вечера; хотя и не любилъ онъ Павла, однако боялись какой-нибудь нескромности съ его стороны. Эти четыре лица ожидали съ величайшимъ безпокойствомъ окончанія этого происшествія; приходъ Зубова увеличилъ еще болѣе ихъ безпокойство.

Съ своей стороны Бенингсенъ, оставаясь въ комнатѣ Павла съ малымъ числомъ заговорщиковъ, былъ въ большомъ затрудненіи; не такъ бы было выгодно ему, еслибы Павелъ вооружился шпагой, чтобы защищаться! Но несчастный царь не произнесъ ни одного слова и оставался постоянно недвижимъ.

Ему плевали въ лицо, таскали по полу и такимъ образомъ увеличивали его смертный часъ; по безчеловѣчной жестокости, убійцы били его по самымъ секретнымъ частямъ тѣла.....

Г. Бенингсенъ одинъ только избѣгалъ участія въ ихъ поступкахъ; онъ повторялъ только Павлу: "не защищаться!" Едва Бенингсенъ вышелъ на одну

минуту, чтобъ засвѣтить свѣчу въ ближайшей комнатѣ, какъ, входя, замѣтилъ Павла уже лежащаго и задушеннаго шарфомъ, который снялъ съ себя его адъютантъ Аргамаковъ.

Павелъ защищался уже весьма слабо; только онъ успѣлъ продернуть руку между шеей и шарфомъ, и сказалъ по французски: "Messieurs, au nom du ciel... épargnez moi.....laissez moi le temps de.....prier.... Dieu....." Это были послѣднія слова его. Бенигсенъ, видя, что Павелъ не подавалъ уже никакого признака жизни, положилъ трупъ на постель, и закрылъ голову его одѣяломъ. Капитанъ гвардіи Майковъ, войдя съ тридцатью солдаттами, получилъ приказаніе занять всѣ входы въ комнатахъ покойнаго государя и ни кого не пускать туда. Послѣ этихъ распоряженій, Бенигсенъ поспѣшилъ объявить вел. князю, какою цѣною онъ вступилъ на престолъ. Александръ предался отчаянію и величайшей горести. Когда Паленъ, которому назначено было смотрѣніе надъ главнымъ выходомъ и пресѣчь сообщеніе съ покоями Павла, въ какомъ бы то ни было случаѣ, узналъ что в. князь былъ уже извѣщенъ объ участи, постигшей его отца, то явился къ новому императору. Онъ пришелъ въ то самое время, когда тотъ кричалъ внѣ себя: "скажутъ, что я убійца отца; мнѣ обѣщали не посягать на его жизнь; я самый несчастный человѣкъ въ мірѣ!"

Паленъ, болѣе занятый утвержденіемъ трона новому императору, нежели оплакиваніемъ умершаго, сказалъ: "Не угодно ли вамъ будетъ вспомнить, что императоръ не можетъ вступить въ права верховной

власти, какъ съ объявленіемъ народнымъ; минута слабости можетъ имѣть гибельныя слѣдствія; не нужно терять ни одного мгновенія, чтобъ явиться къ войску.—А моя мать, что съ нею будетъ? прервалъ Александръ. "Государь, отвѣчалъ Паленъ, я пойду къ ея величеству."

Въ самомъ дѣлѣ, онъ поспѣшилъ явиться къ императрицѣ, онъ попросилъ главную даму двора, графиню Ливенъ извѣстить ея величество обо всемъ случившемся.

Всего замѣчательнѣе, что эта ужасная сцена, происходившая такъ близко подлѣ покоевъ императрицы, не прервала сна ея. Разбуженная графинею Ливенъ, она подумала тотчасъ, что ее хотѣли приготовить къ новости о кончинѣ дочери, Эрцъ-герцогини Венгерской. "Нѣтъ, государыня," сказала ей графиня, "ваше величество должны пережить наибольшее несчастіе.....Императоръ сейчасъ скончался отъ апоплексическаго удара." Нѣтъ, нѣтъ, вскричала она, онъ убитъ! "И такъ, надобно вамъ признаться, сказала графиня Ливенъ.

Тогда императрица, одѣвшись съ поспѣшностію, бросилась въ комнату Павла. Она нашла въ залѣ, отдѣлявшей его покой отъ императорскихъ, капитана гвардіи Семеновскаго полка, Полторацкаго, командовавшаго тритцатью человѣками, которыхъ генералъ Депрерадовичь послалъ туда для занятія караула. Полторацкій объявилъ императрицѣ, что она не можетъ идти далѣе. Государыня настаивала, спрашивала: "развѣ онъ не узналъ ее? И отъ кого онъ получалъ эти приказанія?" Офицеръ отвѣчалъ, что

онъ имѣетъ честь ее знать, но что приказанія эти были ему отданы отъ его полковника. Не взирая на то, императрица хотѣла пройти мимо часовыхъ, но они поставили ей штыки. Послѣ того государыня, оборотившись къ Полторацкому, дала ему пощечину, и упала безъ чувствъ въ кресла. Двѣ в. княжны Марія и Екатерина сопровождали мать свою, онѣ напрасно старались успокоить ее. Императрица спросила стаканъ воды, одинъ солдатъ вырвалъ его изъ рукъ лакея, который несъ и оборотившись къ императрицѣ подалъ ей и выпивши напередъ нѣсколько капель сказалъ: "вы можете смѣло пить тутъ нѣтъ яду; покамѣсть еще вы не подали къ этому повода!" Наконецъ императрица возвратилась въ свои покои; Паленъ пришелъ за нею чтобы проводить къ сыну; съ большимъ трудомъ она вошла въ себя; впрочемъ она имѣла еще довольно твердости, чтобы оспоривать права свои; она утверждала, что послѣ коронованія своего, она настоящая самодержавная императрица и потому ей должно присягать въ вѣрности. Императоръ уже потерялъ драгоцѣнное время слишкомъ надѣясь на мать; найдя ее въ этой рѣшимости онъ обратился къ Палену и сказалъ ему: "вотъ новое замѣшательство, котораго мы не ожидали." Паленъ не обращая на то вниманія убѣдилъ императора немедленно ѣхать. Та самая карета, которая была приготовлена для перевезенія Павла въ крѣпость, послужила для переѣзда Александра изъ Михайловскаго замка въ зимній дворецъ, гдѣ онъ долженъ былъ получить присягу отъ первыхъ чиновъ имперіи. Паленъ и Зубовъ—стали

за каретой: баталіонъ гвардіи провожалъ ее. Бенигсенъ остался возлѣ императрицы матери, стараясь отвлечь ее отъ намѣреній, которыя она замышляла. И не безъ труда уговорили Марію Ѳедоровну отказаться отъ своихъ требованій, такъ очаровательны прелести верховной власти, что и середи этой ночи ужаса, они долго превозмогали еще въ женщинѣ такой добродѣтельной всевозможныя опасности, страшный конецъ ея мужа, чувства матери и совѣты осторожности и разсудка. Наконецъ дали почувствовать императрицѣ, что ей надо признать императоромъ сына ея; съ той минуты все пошло, какъ будто Павелъ умеръ естественною смертью, хирургъ *Ветъ* и медикъ *Штафъ*, сдѣлали вскорѣ вскрытіе тѣла Павла и показали въ ученыхъ выраженіяхъ причины, которыя произвели смерть Павла. Онъ былъ набальзамированъ, выставленъ въ продолженіи двухъ недѣль на своей парадной постели и наконецъ похороненъ 23 Марта (4 Апрѣля) въ Петровскомъ соборѣ со всѣмъ должнымъ великолѣпіемъ. Надо замѣтить что всякій разъ, когда необходимость церемоніи заставляла Александра приближаться къ остаткамъ отца своего, ужасъ и скорбь изображались во всѣхъ чертахъ его.

Что касается до убійцъ—Павла, они были всѣ удалены, многіе изъ нихъ были разосланы по губерніямъ Сибири.

Г. Паленъ былъ самъ принужденъ оставить Петербургъ и вотъ случай, который послужилъ предлогомъ его удаленія (здѣсь рукопись прерывается и

внизу страницы, другимъ позднѣйшимъ почеркомъ приписано слѣдующее...)

"Павелъ I император. всерос. былъ сынъ Петра III и "Екатерины II род. 1754 Сент. 20 дня. Вступилъ на "престолъ 1796 года Ноября 6 дня. Коронованъ "1797 года Апрѣля 5-го дня. Скончался въ С. Петер- "бур. 1801 года Марта 11 на 12-е, царствовалъ 4 года "4 дня. Спустя нѣсколько времени послѣ смерти Па- "вла..." (На семъ словѣ окончательно прерывается рукопись.)

VIII.

ЗАПИСКА

Статсъ-секретаря, тайнаго совѣтника Марченко о событіяхъ совершившихся при восшествіи на престолъ императора Николая I.

По полученіи извѣстія о кончинѣ императора Александра I-го, собранъ былъ ночью государственный совѣтъ и распечатана духовная, по силѣ которой за отреченіемъ его высочества Великаго Князя Константина Павловича, надлежало вступить на престолъ его Императорскому Высочеству Великому Князю Николаю Павловичу; но онъ тутъ же отозвался, что отрѣченіе Великаго Князя не есть отрѣченіе Императора, что духовная не была въ

свое время сдѣлана гласною манифестомъ и что онъ, сохраняя коренной законъ о наслѣдіи, самъ первый принесетъ присягу императору Константину; что и исполнено на другой день рано по утру въ большой церкви Зимняго Дворца.

Сей рѣшительный, безпрекословно правдивый и благородный поступокъ,—представлялъ однако въ самомъ началѣ недоумѣніе и даже опасеніе, какъ присягать Совѣту, Синоду и Сенату, имѣющимъ равныя экземпляры духовной — Александра на сохраненіи, когда воля его должна быть священна до обнародованія новаго императора? какъ безъ манифеста сего послѣдняго, приводить Россію къ присягѣ? какъ оправдываться въ утайкѣ духовной, когда Константинъ Павловичъ не вступитъ на престолъ? какъ сокрыть ее, ежели онъ вступитъ, когда въ совѣтѣ она оглашена уже и можетъ быть вскрытъ также въ Москвѣ конвертъ, хранившійся въ Успенскомъ соборѣ? Словомъ, понимали, что дѣло какъ то неладно, но шагъ сдѣланъ: Совѣтъ, Синодъ. и Сенатъ пошли въ свои церкви и присягнули; отъ своего имени, безъ манифеста; рѣшился сенатъ сдѣлать предписаніе о повсемѣстной присягѣ Императору Константину, и мы оставались 16 дней безъ повелителя. Ибо изъ Варшавы отъ Константина Павловича не было манифеста, а Николай Павловичъ оставался здѣсь послѣ присяги, въ своей сферѣ. Положеніе столицы при полномъ спокойствіи, было непонятно: первые дни всѣ поражены были ужасною мыслію о неожиданной потерѣ Александра, но когда, скорбь

начала слабѣть, разнеслась шопотомъ молва о духовной; стали судить о скорой присягѣ, о медленномъ пріѣздѣ сюда Цесаревича и проч.

Городъ не зналъ тогда, что Константинъ Павловичъ, получивъ прямо изъ Таганрога извѣстіе о кончинѣ Александра І-го, тотчасъ подтвердилъ отрѣченіе отъ престола письмами къ матушкѣ и брату Николаю Павловичу, которыя получены здѣсь по учиненіи уже присяги. Отъ этого завязалась семейная переписка бывшая тайною двора и наконецъ отправленъ въ Варшаву его высочество Великій Князь Михаилъ Павловичъ, о чемъ такъ же немногіе знали, но въ теченіи послѣдней недѣли, два слуха прошли по городу: 1) Сенатъ, предписавъ о повсемѣстной присягѣ, донесъ о томъ Императору Константину Павловичу. Служившій въ сенатѣ за оберъ-прокурорскимъ столомъ Никитинъ выхлопоталъ, чтобъ его послали съ этимъ донесеніемъ въ Варшаву; только Никитина изъ Бѣлостока не пропустили далѣе, а депеши отправили къ Константину Павловичу. Это расказывали со смѣхомъ, потому что будто наложница М. Ю. князя Лобанова получила 10-тысячь руб. съ Никитина за то, что бы старикъ М. Ю. послалъ его вмѣсто обыкновеннаго сенатскаго курьера. 2) Пріѣхавшіе съ Рижскаго тракта сказывали, что его высочество Великій Князь Михаилъ Павловичъ не поѣхалъ въ Варшаву, а живетъ на почтовой станціи за Нарвою.

Къ симъ непостижимостямъ прибавилось еще прибытіе изъ Грузина графа Аракчеева. Съ Сентября мѣсяца, когда зарѣзана старая любовница его

Настасья, онъ жилъ въ деревнѣ и сбросивъ съ себя служебныя обязанности, занимался истребленіемъ дворни своей и личнымъ вліяніемъ на уголовный судъ и Новгородскаго губернатора Жеребцова, изгнаннаго послѣ за излишнюю ему угодливость изъ службы; но предчувствіе ли, тайныя ли извѣстія при увѣренности сколь онъ ненавидимъ въ военномъ поселеніи, заставили его переѣхать въ С. Петербургъ и запереться такъ, что непустилъ даже къ себѣ военнаго генералъ-губернатора графа Милорадовича, пріѣзжавшаго съ порученіемъ отъ Николая Павловича. Потеря духа его была столь велика, что кстати расказать здѣсь анекдотъ о полицеймейстерѣ Чихачевѣ: онъ былъ адъютантомъ графа Аракчеева, чрезъ него получилъ и мѣсто полицеймейстера, исполнялъ всѣ его коммиссіи, словомъ былъ и домашній человѣкъ и пріятель такой руки, что часто графъ посылалъ ему сказать по утру, что сего дня будетъ у него обѣдать. Чихачевъ, видѣвшій графа въ послѣдній разъ въ Грузинѣ въ день похоронъ Настасьи, (когда, о подлость величайшая! архимандритъ Фотій въ надгробной рѣчи утѣшалъ Аракчеева предвѣстіемъ, что зарѣзанная поступила въ сонмъ великомучениць), узнавъ ночью о пріѣздѣ графа, поспѣшилъ поутру заѣхать къ нему, но въ три пріема получилъ одинакій отвѣтъ: что рѣшительно не велѣно ни объ комъ докладывать. Вечеромъ часу въ 10-мъ графъ Милорадовичъ призываетъ Чихачева и даетъ читать формальное отношеніе графа Аракчеева, коимъ проситъ воспретить Чиха-

чеву безпокоить его, ибо надѣется, что онъ не состоитъ подъ надзоромъ полиціи.

Все это и слухи, что въ Грузинѣ, при бытности полковника Тизенгаузена, исполняются уголовные приговоры съ ужасною жестокостію, занимало публику разсказами и догадками.

Надобно было прекратить недоумѣнія и толки, день ото дня возраставшія и Николай Павловичъ рѣшился возсѣсть на престолъ. 13 Декабря ночью собранъ былъ совѣтъ, въ которомъ его высочество предъявилъ всю переписку свою съ братомъ и проэктъ манифеста писаннаго, какъ тогда говорили, Карамзинымъ. Проэктъ одобренъ и тутъ же въ самую полночь подписанъ новымъ императоромъ. 14е число было понедѣльникъ, обыкновенный день общаго собранія совѣта и положено въ ночномъ засѣданіи собраться по утру въ 9 часовъ для присяги. По пріѣздѣ въ совѣтъ, нашелъ я дворцовую повѣстку, что въ 2 часа назначено поздравленіе императора и по этому отпустилъ карету домой до 4 часа. По съѣздѣ членовъ, пошли мы въ придворную церковь, присягнули, подписали имена свои на листѣ и въ 10 часовъ явились по дорогѣ изъ церкви съ поздравленіемъ къ императору, принявшему насъ въ комнатахъ великокняжескихъ (въ корридорѣ окнами къ адмиралтейству), а отъ него чрезъ комнату на лѣво къ вдовствующей императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ. По возвращенію въ совѣтъ, помѣщавшійся тогда въ комнатахъ бывшаго оберъ-гофмаршала Толстаго

(въ корридорѣ окнами на дворъ) открыто было засѣданіе; но какъ нѣкоторые старики члены стали жаловаться на усталость и что въ два часа надобно опять быть на ногахъ, то докладъ дѣлъ отмѣненъ и всѣ разъѣхались; я же по неволѣ остался во дворцѣ, отпустивши карету домой, и располагая походить съ часъ времени въ эрмитажѣ, вышелъ въ корридоръ. Едва отворилъ дверь, на встрѣчу мнѣ графъ Милорадовичъ щегольски одѣтый и всегда веселый; "Я сей часъ былъ съ рапортомъ у новаго императора (сказалъ онъ) о благополучномъ состояніи столицы; всѣ мѣста присягнули уже, да и весь городъ можно сказать, потому что съ утра пробиться нельзя въ церквахъ." На вопросъ же мой о войскѣ, отвѣчалъ, что и оно присягнуло, только въ конной артиллеріи подъ Смольнымъ что-то случилось, но это вздоръ и тамъ теперь Великій Князь Михаилъ Павловичъ. Вмѣстѣ съ симъ предлагалъ ѣхать съ нимъ въ театральную школу на пирогъ къ директору театровъ Г. Майкову, который въ тотъ день былъ имениникъ, но я, бывши въ мундирѣ, не принялъ его приглашенія, сколько онъ ни настаивалъ. Оно однако родило мысль во мнѣ выпить рюмку мадеры и съѣсть кренделекъ для того, что ранѣе 4 часа нельзя было отдѣлаться изъ Дворца и я воротился въ совѣтъ. Ожидая пока камеръ лакей подастъ мадеры, подхожу къ окну и удивляюсь, что императоръ въ парадной формѣ учитъ егерей или Финляндцевъ стоявшихъ тогда въ караулѣ. Надобно знать, что будучи великимъ княземъ, когда разводъ былъ его полковъ,

императоръ всегда самъ вводилъ людей въ сошки на дворцовомъ дворѣ, дѣлая маневръ этотъ два, а иногда и три раза, и потомъ своими руками свертывалъ знамя и завязывалъ знаменный чехолъ. Въ сіе время входитъ помощникъ статсъ-секретаря Свиньинъ (теперешній сенаторъ) и говоритъ, что онъ не могъ проѣхать: вездѣ войско, народъ валитъ на площадь и онъ воротился, что бы пережда̀ть. Слышавши отъ графа Милорадовича, что гвардія присягнула уже, слѣдовательно каждая часть въ своемъ полку, я подумалъ, что сборомъ ея предъ дворцомъ начнется поздравленіе императора, вспомнилъ какъ Александръ I-й въ 1801 году явился на балконѣ, покрытомъ малиновымъ бархатомъ, народу и гвардіи, состоявшей тогда не болѣе какъ изъ 7-т. челов. и присягнувшей на площади,— и указалъ Свиньину на государя занимающагося гауптвахтою; но каково было удивленіе мое, когда я увидѣлъ, что по командѣ его какъ на ученьи, начали солдаты заряжать ружья и насыпать порохъ на полки. Послѣ этого императоръ повелъ людей въ ворота на площадь, а съ гауптвахты бѣжали за нимъ караульные офицеры, обнажая на дворѣ уже свои шпаги. Хотѣлось выйти на площадь, но неуклюжій губернской мундиръ мѣшалъ ; я послалъ домой курьера за фракомъ, а между тѣмъ поручилъ придворному лакею пройти по комендантской лѣстницѣ къ эксерциргаузу и узнать что дѣлается? Онъ воротился съ отвѣтомъ, что государь стоитъ съ командою снятою съ гауптвахты между дворцовыхъ воротъ и фонарикомъ; около него толпа на-

роду. Онъ читалъ имъ манифестъ и послѣ сказалъ: "вы видите теперь, что я не отнимаю престолъ у брата." Вѣсть сія не обѣщала добраго и я пошелъ въ фонарикъ. Здѣсь увидѣлъ слѣдующую картину: конная гвардія съ командиромъ своимъ Орловымъ (Алексѣемъ Өедоровичемъ) на рысяхъ скакала изъ казармъ своихъ къ штабу и съ появленіемъ ея государь изволилъ перейти на средину площади (гдѣ теперь колонна) сопровождаемый дворцовымъ карауломъ, и Преображенскимъ баталіономъ прибѣжавшимъ съ Милліонной въ шинеляхъ и фуражкахъ, заряжая на маршѣ ружья. Изъ подъ арки бѣжали и примыкали къ нимъ Саперы. Съ Гороховой улицы шелъ Московскій полкъ къ сенату. Когда же показались Семеновскій и Егерскій, то Саперы пошли на дворцовой дворъ и тотчасъ заняли всѣ выходы, а государь съ отрядомъ, предшествуемый конною гвардіею, отправился къ сенату.

Нашедши въ комнатахъ совѣта фракъ свой уже привезеннымъ, вышелъ я по Салтыковскому подъѣзду (противъ адмиралтейства) на бульваръ и пробиваясь между чернію и разнаго состоянія людьми, старался развѣдать: что такое дѣлается? Одни отвѣчали: *не знаемъ* и сами добиваемся толку,—другие—*говорятъ* что бунтъ, Боже сохрани! и съ такими отвѣтами дошелъ я до Исакіевской церкви. Здѣсь увидѣлъ государя на лошади лицемъ къ адмиралтейству и гвардію расположенную отъ дому Крюковской (угольный на площади въ Гороховую улицу) до Исакіевскаго моста; артиллерія стояла у

мосту, на Англійской набережной, позади конногвардейскаго манежа, и на углу адмиралтейства ко дворцу. Около сената же гауптвахта обыкновенная и впереди ея какія-то сборныя команды гвардейскихъ полковъ, но по воротникамъ большею частію Московскаго; площадь около самаго монумента Петра І-го была свободна и по ней безпрепятственно переходили съ бульвара къ сенату и обратно не только люди всякаго званія, но и солдаты изъ фронта. Здѣсь увидѣлъ я идущаго отъ сената статскаго совѣтника Грабе-Горскаго и узнавши отъ него болѣе, нежели ожидалъ (о чемъ скажу послѣ), отправился обратно во дворецъ, надѣлъ мундиръ и пустился въ осмотръ. Отъ фонарика на площади пусто было, войска густыми колоннами стали около Исакіевской церкви, лѣстницы во Дворцѣ набиты были солдатами съ ружьями, а на дворѣ дворцовомъ устроилось каре распоряженіемъ коменданта Башуцкаго. страннымъ до того, что глядя съ верху понять нельзя было о прямомъ его намѣреніи: поминутно солдаты тѣснились и растягивались, выходили на крыльца и въ ворота и возвращались. Какъ теперь смотрю, что въ этой суматохѣ Башуцкій переводитъ съ правой стороны одинъ какой-то баталіонъ въ шинеляхъ на лѣвую, гдѣ стоящій баталіонъ не можетъ осадить потому, что припертъ къ самой платформѣ гауптвахты; это мѣсто очищалъ Башуцкій лейбъ гренадерскому баталіону предводимому однимъ мальчикомъ офицеромъ, за которымъ бѣжалъ флейщикъ, и еще хвостъ неустроился, какъ маль-

чикъ тотъ повелъ обратно батальонъ со двора на площадь, а Башуцкій опять принялся за распоряженіе какъ занять оставленную пустоту. Послѣ извѣстно сдѣлалось, что батальонъ этотъ подъ командою поручика или капитана Панова приходилъ занять крѣпость, но найдя ворота запертыми, бросился во Дворецъ, гдѣ также найдя принятыя мѣры, отправился на площадь и, въ глазахъ государя и гвардіи, прошелъ мимо ихъ около бульвара прямо къ сенату и соединился съ бунтующими солдатами Московскаго полка.

Между тѣмъ время сблизилось къ двумъ часамъ и дворецъ наполнился пріѣхавшими по повѣсткѣ для поздравленія. Дамы всѣ были разряжены, но мужское одѣяніе представляло пестроту, ибо многіе бывъ оповѣщены на службѣ, чтобы не опоздать, прямо проѣхали во дворецъ въ черныхъ панталонахъ. Военные всѣ уходили на площадь и въ залѣ оставались только двое: Князь Лобановъ по старости и не принадлежности къ арміи, и графъ Аракчеевъ по трусости, какъ говорило тогда можетъ быть злословіе; но на него жаль было смотрѣть: ни одна душа не останавливалась промолвить съ нимъ слово и онъ радъ былъ усѣвшись на диванчикъ съ пріѣхавшимъ во дворецъ Княземъ Лопухинымъ. Видя меня разговаривавшаго съ А. Ѳ. Орловымъ, который неоднократно присыланъ былъ съ площади къ императрицамъ,— графъ Аракчеевъ подошелъ ко мнѣ сначала съ просьбою: не могу ли я по старой пріязни подарить ему экземпляръ ма-

нифеста, * а потомъ: "что батюшка, есть ли утѣшительныя вѣсти?" Я ему сказалъ, что число строптивыхъ увеличивается переходящими изъ полковъ солдатами къ шайкѣ у сената стоящей, и что государь, не рѣшаясь на крайнюю мѣру, надѣется убѣжденіями образумить заблуждающихся, заботясь болѣе о бѣдномъ графѣ Милорадовичѣ, за жизнь котораго не ручаются доктора. Аракчеевъ съ ужасомъ отошелъ отъ меня, услыхавъ въ первой разъ о ранѣ нанесенной Милорадовичу, хотя это несчастное приключеніе часа два уже всѣмъ извѣстно было. Сдѣлалось темно, зажгли свѣчи и полковникъ Чихачевъ пробѣжалъ чрезъ залу, вскорѣ возвратился и за нимъ шелъ Митрополитъ Серафимъ въ полномъ облаченіи, съ поддіаконами. Государь вытребовалъ его изъ церкви на площадь, но слова Митрополита заглушены были крикомъ и угрозами мятежниковъ и онъ чрезъ полчаса воротился во дворецъ. Вслѣдъ за симъ услышали мы пушечные выстрѣлы, послѣ которыхъ не болѣе какъ чрезъ ¼ часа изволилъ и государь пройти чрезъ залу, не останавливаясь къ императрицамъ. Тутъ узналъ я, что послѣ двухъ или трехъ выстрѣловъ картечью, мятежники разсыпались по Галерной улицѣ, Англійской набережной и Васильевскому острову, что они бросаютъ ружья и что ихъ захватываютъ кавалергарды и конная гвардія и при-

* Я послалъ своего курьера съ полтинникомъ въ Сенатскую типографію и чрезъ полчаса вручилъ Аракчееву просимый экземпляръ. Онъ чувствительно благодарилъ и пожалъ мнѣ руку. Это было послѣднее явленіе въ нашей драмѣ и я не встрѣчался уже съ Аракчеевымъ въ остальные годы жизни его.

водятъ въ сенатское зданіе, гдѣ сидятъ для допросу генералъ-адъютанты: Васильчиковъ и Кутузовъ, изъ коихъ послѣднему велѣно исправлять должность военнаго генералъ-губернатора.

Еще прошло ¼ часа и государь съ императрицами изволилъ выйти изъ внутреннихъ комнатъ, поклонился бывшимъ въ залѣ и прошелъ прямо въ церковь. Отслушавши тамъ молебенъ, стали разъѣзжаться и я воротился домой почти въ 6 часовъ вечера. Войска разложили огни и остались на ночь кругомъ дворца, занявъ всѣ проѣзды и мосты ведущіе на дворцовую и сенатскую площади.

На завтра (15-го Декабря) заѣхалъ я въ канцелярію, но больше ничего узнать не могъ, кромѣ смерти графа Милорадовича и что всю ночь то приводили, то сами являлись къ дежурному генералъ-адъютанту Левашеву разнаго рода люди, которыхъ водилъ онъ къ государю. Это были соучастники заговора и показанія ихъ, наипаче же добровольно являвшихся съ повинною, представили такую цѣпь, что учредили слѣдственную коммиссію, занимавшуюся день и ночь въ крѣпости. Къ чести государя сказать должно, что въ составѣ коммиссіи не было ни одной злой души, которая могла бы превратить ее въ инквизицію, и потому привлеченныя къ дѣлу не только невинные, но и маловиновные немедленно отпускаемы были на свободу. Въ послѣдствіи узналъ я что царь, поговоря съ преступникомъ, найдя раскаяніе, тутъ же прощалъ однихъ, или удалялъ на житье и для выслуги, и такимъ образомъ ста два человѣкъ и преданы суду не

были; но больше и меньше знали о томъ въ городѣ по родству и знакомству. Столица дорого цѣнила правило принятое императоромъ—и общее мнѣніе слилось въ одинъ вопросъ: что бы было, если бы сидѣли въ коммисіи Аракчеевъ и Клейнмихель? разумѣя подъ симъ непотачку злодѣямъ, которыми всякой мерзѣлъ, но преслѣдованіе личное, мщеніе и жадность къ злодѣйству. Клейнмихель показалъ себя достойнымъ ученикомъ Аракчеева, чувствовавшаго приближеніе старости и потому приготовлявшаго заранѣе преемника себѣ. Уже погашены были въ немъ чувства родственныя, дружба и любовь къ ближнему составляли для него пустой наборъ словъ,—по примѣру Аракчеева разстался и съ женою (хотя по страсти увезъ ее отъ матери изъ церкви), и Аракчеевъ утѣшался, видя, какъ дрожатъ предъ нимъ всѣ на военныхъ поселеніяхъ. Царь зналъ молодца и приведеніе военныхъ поселеній къ присягѣ поручилъ не ему, а своимъ генераламъ. Отъ этого Аракчеевъ и Клейнмихель не могли дѣйствовать и коль скоро присяга на поселеніи кончилась, они отправились изъ столицы подъ предлогомъ встрѣчи тѣла покойнаго государя. Такимъ образомъ спаслось Русское дворянство отъ бѣды неизбѣжной, если бы слѣдственная коммиссія попалась въ руки Аракчеева и Клейнмихеля.

Вышедши 15 Декабря изъ канцеляріи на площадь, встрѣтилъ я умилительное зрѣлище: бунтовавшіе вчера солдаты съ слезами приняли прощеніе и присягали подъ открытымъ небомъ. Потомъ

вынесенныя изъ Дворца знамена гвардейскаго морскаго экипажа и лейбъ-гренадерскаго баталіона государь самъ возвратилъ этимъ раскаявшимся отрядамъ и они съ крикомъ ура! отправились въ свои казармы.

Горскаго узналъ я въ 1814 г. въ Парижѣ. Избитой, на костыляхъ, артиллерійской офицеръ, явился онъ ко мнѣ ошибкою и я узнавши, что у него нѣтъ знакомыхъ въ главной квартирѣ, имѣлъ случай сдѣлать ему услугу; въ 1817 году изъ благодарности пріѣхалъ онъ ко мнѣ въ С. Петербургъ, будучи уже статскимъ совѣтникомъ; потомъ ѣздилъ на Кавказъ вице-губернаторомъ и по возвращеніи оттуда опять сталъ ходить; я же изъ вѣжливости приглашалъ его иногда обѣдать, но самъ у него никогда не былъ. По слухамъ жилъ онъ хорошо и имѣлъ состояніе по женѣ (гр. Ворцель). Долго не видавши его и встрѣтивъ 14-го Декабря на бульварѣ въ мундирѣ и шляпѣ съ плюмажемъ, спросилъ я о причинѣ такого парада и вотъ отвѣтъ его: " я занемогъ горячкою и три недѣли не выходилъ изъ дому; вчера объявляетъ мнѣ квартальной требованіе печальной коммиссіи чтобы представить меня, если не явлюсь самъ сего дня въ коммиссію и тутъ только узнаю, что я наряженъ туда отъ герольдіи и что мнѣ было двѣ повѣстки, которыхъ никогда не получалъ. Сего дня закутанный, въ каретѣ, пріѣзжаю въ коммиссію, но мнѣ сказано, что присутствія не будетъ по

случаю присяги и что объ оной есть объявленіе полиціи; почему и я велѣлъ ѣхать къ Спасу на сѣнной, дабы присягнуть и воротиться домой. У каменнаго моста остановили меня войска и знакомый князь Щепинъ вытащилъ изъ кареты; не смотря на сопротивленіе, я долженъ былъ итти съ его ротою до сената и тутъ услышалъ, что они не хотятъ присягать изъ опасенія измѣнить Константину Павловичу, который гдѣ-то задержанъ. Можетъ быть и правда, Богъ знаетъ! только расказы солдатъ привлекаютъ много товарищей и черни; я хотѣлъ уйти, но не пускаетъ Щепинъ; отдѣлался на честное слово, что ворочусь, лишь отъищу своего извощика; теперь нашелъ у манежа, да жандармъ не пускаетъ и толку не добьюсь, кто приказалъ не трогаться каретѣ съ мѣста; дожидаюсь Шульгина (оберъ-полицеймейстера), чтобы сдержать только слово и уѣхать домой, ибо что-то нехорошо. Тамъ мнѣ не сказали, а здѣсь говорятъ, что Московцы не просто вышли изъ казармъ и чуть ли не убили кого-то, да и командиру полка досталось. И такъ уже сомнительно показалось мнѣ шептанье съ приходящими къ Щепину людьми и какая-то тревога послѣ того какъ ранили Милорадовича. Боюсь еще, чтобы не перепились солдаты, ежели не запрутъ ближняго кабака, тогда несладятъ съ ними; я хорошо ихъ знаю. Прощайте, совѣтую и вамъ не оставаться здѣсь."

IX.

ЗАПИСКА О СИБИРИ ШТЕЙНГЕЛЯ.

Иркутская губернія воспріяла свое отдѣльное отъ Сибирской губерніи существованіе съ 1765 года, и съ того времени управляли ею губернаторы по наказу Петра Великаго, имѣя при себѣ одно присутственное мѣсто—губернскую канцелярію. Изъ сихъ губернаторовъ два оставили по себѣ память: Нѣмцовъ и Кличка. Первый не былъ настоящимъ губернаторомъ и въ самыхъ бумагахъ назывался: "со властію губернаторскою бригадирскаго ранга Нѣмцовъ." Онъ прославился здѣсь особенно по случаю арестованія сумазброднаго Нарышкина, возмутившаго Нерчинскій край: обстоятельство, описанное съ довольною точностію въ романѣ г. Калашникова "Дочь купца Жолобова." Не останавливаясь на семъ, я упомяну только мимоходомъ, что разсказы о Нарышкинѣ имѣютъ связь съ преданіями о несчастномъ митрополитѣ Арсеніѣ Ростовскомъ, погребенномъ въ Верхнеудинскѣ. Кличко, Францъ Николаевичъ, былъ, если не ошибаюсь, послѣдній губернаторъ, предъ открытіемъ намѣстничества. Онъ оставилъ по себѣ память какъ человѣкъ умный, благонамѣренный и весьма дѣятельный. Существующій въ Нерчинскѣ кличкинскій рудникъ въ честь его получилъ это названіе.

Въ 1783 г. послѣдовало въ Иркутскѣ открытіе намѣстничества. Первымъ намѣстникомъ Иркутскимъ и Колыванскимъ былъ Якоби, генералъ поручикъ; губернаторомъ при немъ Ломбъ, генералъ маіоръ. По странной, конечно, игрѣ случая, и тотъ и другой—Иванъ Варѳоломѣевичъ. Можетъ быть, не найдете лишнимъ, если я припомню, что губернія въ это время раздѣлена была на четыре области: Иркутскую, Нерчинскую, Якутскую и Охотскую, и въ каждую назначенъ комендантъ области—полковникъ, а въ Иркутскую—оберъ-комендантъ генералъ маіоръ, помню и фамилію: Блюмъ. Все это чиноначаліе просто господствовало. Объѣзды Охотскаго коменданта, Козлова-Угренина, по своей области долго вспоминались въ Камчаткѣ подъ именемъ собачьей оспы. Самъ Якоби былъ сатрапъ-сибаритъ. Одно осталось по немъ въ памяти Иркутянъ: "пышно, весело жилъ!" Конецъ вы его знаете; чуть не десятилѣтнее томленіе подъ судомъ. Дѣло кончилось ничѣмъ, но зачернило Сибиряковъ въ мнѣніи правительства, и чуть не въ мнѣніи всѣхъ Россіянъ. Слова высочайшаго указа слишкомъ были громки, разительны. Онъ такъ начинался: "Читано передъ нами нѣсколько тысячь листовъ, подъ названіемъ Сибирскаго Якобіевскаго дѣла, изъ коего мы ничего иного не усмотрѣли, кромѣ ябеды, сплетенъ и кляузъ, а потому и проч." Словами этими положено клеймо на Сибиряковъ, за которое они впослѣдствіи дорого заплатили; кто знаетъ, можетъ быть и теперь поплачиваются. Горе отдаленной провинціи, ежели пра-

вительство между ею и собою поставить оплотъ предубѣжденія! Какая истина, какая невинность можетъ быть увѣрена, что гласъ ея за такимъ оплотомъ не покажется ухищреннымъ воплемъ ябеды?... Но не наше дѣло, притомъ же, это вѣдь давнопрошедшее. Ламбъ оставилъ по себѣ воспоминаніе, какъ человѣкъ добрый, честный и безкорыстный; Вмѣсто Якоби поступилъ Иванъ Алферьевичъ Пиль, также генералъ-поручикъ. Ламба смѣнилъ Михаилъ Михайловичъ Арсеньевъ. Сей послѣдній былъ добрый москвичь-хлѣбосолъ, но губернаторъ слабый. имѣлъ большое семейство и кончилъ жизнь въ Иркутскѣ въ 1792 году. Мѣсто его занялъ генералъ-маіоръ Нагель, только-что окончившій переговоры съ Китайцами на Кяхтѣ, по случаю бывшаго тогда съ ними разрыва. Здѣсь позвольте мнѣ сдѣлать небольшое отступленіе. Обстоятельство это напоминаетъ мнѣ человѣка, котораго память должна быть близка сердцу каждаго благороднаго человѣка.

Разрывы съ Китайцами были очень часты, такъ что съ 1744 по 1792 годъ, въ теченіи 48 лѣтъ, Кяхтинская торговля десять разъ была прекращаема, по причинамъ совершенно вздорнымъ, чтобъ не сказать болѣе, и если счесть время безторжія, оно составитъ 15 лѣтъ и 7 мѣсяцевъ съ днями. Съ Нагелемъ въ послѣднемъ согласіи съ Китайцами участвовалъ чиновникъ коммерцъ-колегіи Вонифитьевъ, который и остался директоромъ Кяхтинской таможни. Съ того времени ворота Кяхтинскія уже не запирались. Вонифотьевъ пробылъ директоромъ 24 года, умеръ въ

Москвѣ, оставивъ по себѣ двѣнадцать съ полтиною: вещи-сами по себѣ объясняются.

Пиль былъ человѣкъ строптивый, капризный и вообще въ Иркутскѣ не любимый, имѣлъ своихъ тварей и допускалъ неправосудіе, однимъ словомъ память его не совсѣмъ чиста. По восшествіи на престолъ Павла I съ уничтоженіемъ намѣстничества, онъ былъ смѣненъ и на мѣсто его присланъ уже военный губернаторъ Штрандманъ, добрый старикъ, и какъ военный человѣкъ—незнаменитый и какъ администраторъ: дѣла однако же шли, какъ это и часто бываетъ. Съ Нагелемъ былъ другой конецъ. Вслѣдствіе какого-то доноса за нимъ прискакалъ фельдъегерь: названіе это только тогда сдѣлалось извѣстнымъ Россіи и наводило ужасъ. Можете легко представить состояніе бѣднаго Нагеля, везомаго на перекладныхъ въ С. Петербургъ. Привезли, представили государю; онъ ждалъ разрушенія. Не то судьба ему готовила. Государь гнѣвно, но, пристально взглянувъ на него, спросилъ: "Не тотъ ли ты Нагель, который въ такомъ-то году служилъ въ такомъ-то гусарскомъ полку?" Услышавъ утвердительный отвѣтъ, онъ бросился на него, обнялъ и сказалъ: "я знаю тебя, ты честный человѣкъ, на тебя солгали;" поздравилъ генералъ-лейтенантомъ и назначилъ военнымъ губернаторомъ въ Ригу, а при разставаніи на дорогу пожаловалъ орденъ св. Александра Невскаго. Въ Иркутскѣ на мѣсто его губернаторомъ присланъ былъ Николай Ивановичъ Репьевъ, человѣкъ честный и весьма добрый.

Старикъ Штрандманъ, помнится, не пробылъ и двухъ лѣтъ въ Иркутскѣ; на смѣну къ нему пріѣхалъ генералъ отъ инфантеріи Борисъ Борисовичъ Леццано, переведенный изъ Архангельска.

Леццано былъ человѣкъ гордый, надменный и сухъ въ обращеніи; но былъ честенъ, добръ и безкорыстенъ въ полномъ значеніи слова. Онъ облегчалъ участь несчастныхъ, которые толпами тогда ссылались въ Иркутскъ, и въ послѣдстіи при перемѣнѣ правительства былъ за нихъ ходатаемъ, и что всего важнѣе, ходатаемъ не безъуспѣшнымъ: черезъ него многіе увидѣли свой кровъ родной! Вы удивитесь, вѣроятно, ежели вдругъ вамъ скажу что Леццани дурно кончилъ: онъ выѣхалъ изъ Иркутска, чтобъ предстать предъ судомъ Сената! Для объясненія сей странности необходимо знать обстоятельства того времени.

Въ царствованіе государя Павла I въ Иркутской губерніи, какъ почти и во всей Россіи, происходило необыкновенное движеніе. По проэкту князя Гагарина послѣдовалъ высочайшій указъ: собрать со всей Россіи въ зачетъ рекрутовъ десять тысячъ человѣкъ и послать въ Сибирь для заселенія.* Повелѣніе исполнили прежде, нежели приведено было въ извѣстность: гдѣ и какъ и чѣмъ селить. Губернія

* Начало такъ называемыхъ семейскихъ: они составляютъ теперь часть пограничныхъ казаковъ, богатыхъ чрезъ контрабанду; селенгинскихъ поселянъ, существующихъ извозомъ и ямщиковъ по р. Ленѣ, умирающихъ съ голода, по милости Генерала Броневскаго.

наполнилась негодяями—нищими, начались воровства, убійства, разбои. По другому высочайшему повелѣнію въ Иркутскѣ сформированъ Сомова гарнизонный полкъ и отправленъ въ Камчатку для защиты отъ мнимаго нападенія Испанцевъ.* Это обстоятельство повлекло за собою усиленіе дѣйствій по коммиссаріатской и провіантской частямъ, чрезвычайныя доставки въ подкрѣпленіе Охотскаго порта и раззореніе Якутовъ. Въ это же время положено въ Иркутскѣ основаніе казенной суконной фабрики, зависящей отъ коммиссаріата, коей начальникомъ былъ генералъ маіоръ Новицкій, человѣкъ умный, грамотный и тонкій, чтобъ не сказать пронырливый. Въ этомъ положеніи дѣлъ застала Леццано катастрофа, изумчившая всю Россію. Онъ обратился къ новому правительству съ представленіями. Въ избѣжаніе затруднительнаго продовольствія Камчатскаго полка, онъ далъ мысль сдѣлать изъ него Ланд-милицію: это апробовано, назначены суммы, начались доставки земледѣльческихъ орудій и скота; возились еще съ этимъ лѣтъ шесть и бросили; онъ требовалъ особаго чиновника для разселенія присланныхъ въ зачетъ рекрутовъ, прислали тотчасъ генералъ-маіора Лабу, который только-что высмотрѣлъ мѣста и не поселилъ ни одного человѣка. Для устраненія побѣговъ и разбоевъ, Леццано представилъ, чтобы суконную Тельминскую фабрику перенести на ост-

* По поводу разрыва съ Англіею послѣдовавшаго 5 Сентября 1800 г.; но приготовленія начались въ Сибири въ концѣ 1798 года.

ровъ Ольхонъ. Новицкій протестовалъ противъ этого и дозволилъ себѣ весьма неосторожныя выходки на счетъ управленія Леццано вообще. Въ тоже время по проэкту вице-адмирала Ѳомина замышляли перенести Охотскій портъ на рѣку Алданъ, и потому прокладывали дорогу, посредствомъ каторжныхъ, которые бѣгали и грабили купеческія караваны, идущіе въ Охотскъ. Одинъ изъ нихъ по прозванію Баратаевъ, бывшій нѣкогда княземъ и офицеромъ, съ шайкою занялъ и разбилъ городокъ Жиганскъ и уже во льдахъ, по устью Лены, застигнутый воинскою командою, палъ отъ осьми ранъ, какъ герой. Донесеніе объ этомъ не могло быть пріятно правительству, и какъ обыкновенно все надобно чему нибудь приписывать, это приписали слабости. Къ довершенію граждане Иркутскіе жаловались на Леццано: имъ не нравилось, что онъ воспретилъ сѣять въ городѣ табакъ, и велѣлъ перенести табачныя плантаціи на городскую землю въ окрестности города, а внутри дозволилъ и даже поощрялъ разводить огороды съ овощами, и сверхъ того приказалъ лучшіе проспекты въ Иркутскѣ обсадить березками. Послѣднее обстоятельство было представлено въ видѣ отяготительнаго налога для жителей. Результатъ всего этого былъ тотъ, что прислали сенатора Селифантова обревизовать Иркутскую губернію и разобрать Леццано съ Новицкимъ.

Для васъ, надѣюсь, весьма будетъ понятно, если скажу коротко, что Селифантовъ не сошелся съ Леццано, и взялъ сторону Новицкаго. Въ первое вос-

кресенье, при собраніи всѣхъ чиновниковъ и лучшихъ гражданъ, Новицкаго позвали въ кабинетъ сенатора и черезъ десять минутъ Селифантовъ самъ вывелъ Новицкаго въ анненской лентѣ и велѣлъ поздравить кавалера. Случай рѣдкій, если не единственный, по крайней мѣрѣ въ царствованіе Александра. Это обстоятельство понято было всѣми, какъ объявленіе явной войны Леццано, и тогда лѣнивый только на него не жаловался. Селифантовъ представилъ, что Иркутская губернія въ такомъ бѣдственномъ положеніи, что безъ слезъ взирать на нее не возможно. Разумѣется, что Леццано тотчасъ былъ удаленъ отъ должности и мѣсто его поручено временно генералъ-лейтенанту Лебедеву. *

Между тѣмъ въ Иркутскѣ вмѣсто Репьева давно уже былъ другой губернаторъ Толстой, человѣкъ самый незначительный.

Селифантову велѣно было представить: какими мѣрами думаетъ онъ исправить положеніе Сибири. Его мнѣніе состояло въ томъ, чтобы раздѣливъ Сибирь на три губерніи, соединить ее подъ управленіемъ одного генералъ-губернатора, облеченнаго особенною высочайшею довѣренностію. Теперь настоялъ вопросъ, кого же облечь этою довѣренностію? Отвѣтъ самъ собой представился: кого же лучше, какъ не того, кто плачетъ о Сибири? И такъ

* Лебедевъ любилъ пуншъ и вино "и вся яко къ тому лѣпо есть." Въ то время посѣщалъ Иркутскъ умный Генералъ Шпренгпортенъ съ Бенкендорфомъ, своимъ адъютантомъ, теперешнимъ Графомъ. Первый изумился, какимъ людямъ иногда ввѣряютъ отдаленныя провинціи!

Селифантовъ былъ назначенъ генералъ-губернаторомъ и повелѣно открыть Томскую губернію. Это происходило въ 1803 году. Губернаторъ для Иркутска данъ былъ на выборъ: онъ привезъ съ собою Картьелина. Въ инструкціи, высочайше данной Селифантову, одинъ пунктъ особенно замѣчателенъ; въ немъ сказано, что "по духу ябеды издавна (вспомните Якоби) замѣчательному между Сибирскими жителями, ему дается полная власть всѣхъ тѣхъ, которые, имѣя безпокойный характеръ, вліяніемъ своимъ на общество могутъ препятствовать благонамѣреннымъ дѣйствіямъ правительства, ссылать въ отдаленнѣйшія мѣста, гдѣ безпокойство ихъ не можетъ быть вредно." Разумѣется, что копія съ этой инструкціи прежде была получена всѣми мѣстными начальствами и присутственными мѣстями во всей Сибири, нежели узнали о выѣздѣ Селифантова изъ Петербурга. Явился онъ, какъ вице-рой: все пало ницъ и безмолствовало. Чувствую, что любопытство ваше подстрекается скорѣе узнать: какъ начали поправлять бѣдственную Иркутскую губернію. Въ самомъ дѣлѣ это чрезвычайно интересно, и вы сейчасъ узнаете. Но позвольте напередъ сказать нѣсколько словъ о пріѣздѣ Селифантова въ Иркутскъ и о жизни его тутъ, которая была истиннымъ соблазномъ. Сначала онъ пріѣхалъ одинъ съ сыномъ своимъ Павломъ Ивановичемъ, но вскорѣ, въ самое то время, когда жена его прибыла съ прочимъ семействомъ въ Тобольскъ, и по его распоряженію осталась тамъ жить, наперсница его мадамъ Бойе съ дочерью пріѣхали черезъ Ишимъ въ Иркутскъ и

остановились въ генералъ губернаторскомъ домѣ. Отношенія сей матери и дочери къ отцу и сыну не долго оставались двусмысленными. Тотчасъ догадались, черезъ кого надобно обдѣлывать дѣла и обдѣлывали, что хотѣли и какъ хотѣли. Вотъ вамъ и поправленіе. Мало этого, я добавлю: Селифантовъ привезъ съ собою правителя канцеляріи коллежскаго совѣтника Бакулина, сибирскаго и, если не ошибаюсь, Ишимскаго уроженца, человѣка весьма дѣловаго. Бакулинъ захотѣлъ хозяйничать въ губерніи и съумѣлъ это сдѣлать. Всю Сибирь они раздѣлили на частныя коммиссарства; опредѣленіе коммиссаровъ предоставили себѣ и поставили ихъ въ прямое соотношеніе съ генералъ губернаторомъ, подъ предлогомъ отдаленности мѣстъ, требующей скорѣйшихъ распоряженій. Обезпечивъ такимъ образомъ зависимость коммиссаровъ, они безъ околичностей назначали сколько слѣдуетъ заплатить за опредѣленіе въ такое или другое коммиссарство и не забывали смѣнять тѣхъ, кои думали отдѣлываться однимъ кушемъ. Въ это время случилось, что одинъ изъ секретарей Селифантова, Бѣльмовскій, человѣкъ смышленый и большой проказникъ, котораго я послѣ лично узналъ, когда онъ былъ въ Новгородѣ губернскимъ прокуроромъ, написалъ къ одному изъ коммиссаровъ: "государь мой, покорно васъ прошу на прилагаемыя при семъ *якобы* деньги купить для меня и прислать какъ можно поспѣшнѣе хорошую кунью или рысью шубу и пр." Шутливое было время! однакожь оно не понравилось Картьелину.

Селифантовъ въ немъ ошибся: онъ не поладилъ съ его Бакулинымъ и попросилъ увольненія на первыхъ, такъ сказать, порахъ. На губернаторство пріѣхалъ честный морякъ Корниловъ, лично извѣстный по Галерной гавани, въ коей онъ былъ начальникомъ, государю. Вы вѣрно догадаетесь, что и этотъ не сошелся съ Бакулинымъ и слѣдовательно съ Селифантовымъ. У нихъ доходило до публичной разбранки и конечно Корнилову было бы дурно, если бы не поспѣло посольство графа Головкина.

Вамъ конечно извѣстно, что графу Головкину поручено было въ проѣздъ до границъ Китая обращать вниманіе на состояніе губерній, по тракту лежащихъ и доносить правительству, что замѣтитъ дурное. Какъ Леццано, по надменности своей, не хотѣлъ кланяться Селифантову, такъ точно этотъ въ качествѣ полномоченнаго вицероя, не оказалъ пріѣзжему гостю должнаго уваженія. Съ первой встрѣчи замѣтили между ними сухость. Корниловъ старался привлечь на свою сторону не только посла, но и его свиту. Жена Корнилова Александра Ефремовна, рожденная фонъ-деръ-Флитъ, была весьма любезная, ловкая, гостепріимная женщина. Вообще семейство Корнилова показалось посольству весьма любезнымъ и кавалеры, какъ говорили въ Иркутскѣ, живмя жили въ губернаторскомъ домѣ. Послѣ, когда Корниловъ выѣхалъ изъ Иркутска съ долгами, повторяли, что онъ прожился на посольство. Какъ бы то ни было, вѣрно то, что Александра Ефремовна успѣла передать свитѣ графа, какъ говорится, всю подноготную о Селифантовѣ и графъ всякое утро получалъ вѣр-

ный отчетъ обо всемъ, что тамъ слышали. Послѣдствіе оказалось вскорѣ. Едва графъ Головкинъ отправился въ Китай, Селифантовъ поѣхалъ для свиданія съ семействомъ въ Тобольскъ, давъ обѣщаніе Иркутянамъ вскорѣ возвратиться. Проживъ нѣсколько мѣсяцевъ въ Тобольскѣ, онъ и дѣйствительно думалъ уже о возвратномъ пути, какъ вдругъ послѣдовалъ высочайшій указъ объ увольненіи его отъ службы и о запрещеніи ему въѣзда въ столицы.

Вы, вѣроятно, знаете, что Селифантовъ не вдолгѣ кончилъ жизнь въ своихъ Ярославскихъ деревняхъ вслѣдствіе паралича. Не буду дѣлать сужденій, но вы конечно при семъ случаѣ обратились мыслью къ поступку его съ Леццано. Послѣдовало назначеніе новаго генералъ-губернатора И. Б. Пестеля, съ тою же инструкціею, но еще съ большею существенной довѣренностію. Это случилось въ началѣ 1806 года.

Пестель, какъ онъ самъ разсказывалъ, не соглашался принять это порученіе иначе, какъ съ условіемъ, чтобы Трескина дали ему губернаторомъ Иркутска. По Московскому почтамту онъ имѣлъ его своимъ помощникомъ и узналъ его, какъ думалъ, совершенно. Корниловъ представлялъ въ этомъ затрудненіе; но доложили, что онъ самъ просится въ Тобольскъ и потому государь согласился и на переводъ Корнилова и на опредѣленіе Трескина. По пріѣздѣ въ Иркутскъ, при первой встрѣчѣ съ чиновниками, Иванъ Борисовичъ разсказалъ имъ, вмѣсто привѣтствія, слѣдующее: "Государю императору когда угодно было назначить меня въ Сибирь

генералъ губернаторомъ, то первая моя всеподданнѣйшая просьба была, что бы перемѣнить здѣсь бѣлые воротники. Я былъ въ Вяткѣ на слѣдствіи, тамъ тоже бѣлые воротники и всѣ на-голо ябедники —хе, хе, хе!" Онъ имѣлъ привычку язвительно смѣяться нѣсколько въ носъ. Слышавшіе смекнули дѣломъ и почесали только въ затылкахъ. Вы знаете здѣшнее: что станешъ дѣлать? Это было для нихъ прелюдіею будущей драмы, которую готовились разыграть на Сибирской сценѣ. Пестель побывалъ въ Кяхтѣ и обозрѣвъ Нерчинскій край, отправился въ 1807 году въ Тобольскъ и зимою на 1809 годъ уѣхалъ въ С. Петербургъ, откуда уже не возвращался. Въ Иркутскѣ онъ оставилъ дѣйствовать Трескина, на основаніи инструкціи своей съ полною свободою и властію. Разставшись въ Тобольскѣ съ губернаторомъ Корниловымъ и вице-губернаторомъ Штейнгейлемъ какъ нельзя лучше, по пріѣздѣ въ Петербургъ на обоихъ сдѣлалъ представленіе, вслѣдствіе котораго они преданы суду сената. Мѣсто Корнилова получилъ зять Пестеля, фонъ-Бринъ. Поступокъ вообще не весьма честный. Корниловъ и Штейнгейль впослѣдствіи оправдались, но огорченія свели послѣдняго въ гробъ прежде времени. Въ это же время преданъ суду генералъ маіоръ Куткинъ, начальникъ Тобольскаго провіантскаго депо. Съ нимъ поступили съ неимовѣрною жестокостію: содержали подъ стражею, лишивъ сообщенія съ семействомъ; имѣніе прежде начета все описали; дочь его отъ слезъ ослѣпла и онъ умеръ подъ стражею. Жалоба Куткина министру юстиціи, ходила въ спискахъ по всей Россіи.

Когда дѣло Куткина при всѣхъ натяжкахъ кончилось, оказалось, что онъ подлежитъ взысканію 275 рублей, за неправильную выдачу прогонныхъ денегъ одному коммиссіонеру. На провіантскихъ и коммиссаріатскихъ чиновниковъ по всей Сибири открыто было гоненіе, какъ на жидовъ, и продолжалось до тѣхъ поръ, пока обѣ части не сдѣлались подчиненными гражданскому начальству и когда на всѣ мѣста посадили, какъ говорится, своихъ. Вы скажете: "и это не чисто!" не буду спорить. Дѣла сами говорятъ.

Въ Иркутскѣ отдали подъ судъ бывшаго предсѣдателя уголовной палаты Гарновскаго, человѣка умнаго, философа по образу жизни, имѣвшаго многихъ почитателей въ городѣ: это называлось партіею и всѣ, принадлежащіе къ партіи, терпѣли равное гоненіе. Борьба съ Гарновскимъ кончилась его смертію. Его не могли сломить. Для планированія улицъ началась ломка обывательскихъ домовъ. Граждане заговорили. Тогда въ обществѣ купеческомъ въ Иркутскѣ первыми считались домы Сибирякова и Мыльникова. Первый былъ головою и крѣпко стоялъ за общество, за бѣдныхъ. Осмѣлился жаловаться министру на притѣсненія; жалоба отослана къ Пестелю, а отъ него къ Трескину. Кончилось тѣмъ, что, на основаніи того пункта Инструкціи, о коемъ я вамъ выше упомянулъ, Сибиряковыхъ, одного брата сослали въ Нерчинскъ, другаго въ Жиганскъ, а Мыльникова въ Баргузинъ. Два изъ нихъ были первостатейными купцами: это не помѣшало. Всѣ они вскорѣ въ ссылкѣ этой

умерли. Преслѣдовали также купца Киселева, человѣка умнаго и пылкаго, довели до сумашествія, т. е. посадили въ сумашедшій домъ, изъ котораго онъ безъ вѣсти пропалъ; это осталось загадкою, которую въ прочемъ не нашлось Эдипа разгадать. Управившись съ головами Иркутскаго неугомоннаго общества, заставили выбрать головою Савватѣева, который былъ уже покорнѣйщимъ слугою. По Сибири, во время Селифантова, былъ знаменитъ откупщикъ, коммерціи-совѣтникъ Передовщиковъ; при торгахъ на четырехлѣтіе съ 1807 года, онъ взялъ пол-Россіи и всю Сибирь на откупъ. Объ окончаніи торговъ долго не получали свѣдѣнія, а годъ приходилъ къ окончанію; это заставило губернатора (по частнымъ свѣдѣніямъ, что откупъ останется за Передовщиковымъ) рѣшиться допустить къ торгамъ въ казенной палатѣ уѣздныхъ откупщиковъ, на основаніи прежней довѣренности, какую имѣлъ отъ Передовщикова его повѣренный. Только-что это успѣли сдѣлать, пріѣхала съ новою полною довѣренностію жена Передовщикова. Руководимая купцомъ Киселевымъ, о судьбѣ котораго я поспѣшилъ вамъ сказать, она формально протестовала противъ дѣйствій губернатора. Отсюда ссора и вражда непримиримая. Ее однакожъ принудили подтвердить заключенныя въ палатѣ условія, заставивъ уѣздныхъ откупщиковъ сдѣлать надбавку и не прежде выпустили изъ Иркутска. Какъ женщина, она выѣхала съ угрозами, хвалясь связями своего мужа. Трескинъ не захотѣлъ дожидаться ихъ

нападенія. Представился случай *, полетѣлъ нарочный въ С: П.бургъ, и Передовщикова подъ строжайшимъ арестомъ привезли въ Иркутскъ, гдѣ содержали еще строже и судили въ палатѣ (въ которую для сего прикомандированы были особые члены, довѣренность заслуживающіе) по ночамъ, начиная засѣданіе съ 9 и 10 часовъ вечера. При первомъ приступѣ начали на него 600-т, короче: статью обработали такъ хорошо, что Перидовщиковъ изъ суда прямо поѣхалъ въ каторжную работу въ Нерчинскъ. Подробности этого преинтереснаго эпизода заняли бы столько же листовъ, сколько я исписалъ уже, и потому умолчиваю объ нихъ; скажу только; для романиста онѣ сущій кладъ. Во время этихъ гоненій, которыя продолжались лѣтъ шесть, попали также на одного ничтожнаго чиновника *,* бывшаго при Селифантовѣ гдѣ-то коммиссаромъ. Его описали и на основаніи сподручнаго пункта инструкціи безъ суда сослали въ Туруханскъ. Жена его, молодая женщина, въ отчаяньи ходила къ губернатору, была почти выгнана; жаловалась не только людямъ, стѣнамъ; но тѣ и другія равно были невнимательны. Не стоило бы упоминать объ этомъ дѣлѣ, если бы послѣдствіе не заслуживало особеннаго вниманія. Пѣтуховъ былъ грамотей и слѣдовательно, при первыхъ его жалобахъ министрамъ, былъ пред-

* Обрѣтеніе, какъ нѣкіихъ мощей, книгъ откупщичьихъ въ кирпичныхъ сараяхъ. За недѣлю предъ тѣмъ онѣ были выкрадены изъ конторы откупщика.

** Пѣтуховъ.

ставленъ отъ мѣстнаго начальства какъ обыкновенный Сибирскій ябедникъ. Не смотря на это, онъ нашелъ случай изъ Туруханска написать къ Балашеву, министру полиціи, и тотъ жалобу его представилъ государю. Что же вышло? Вообразите, что правительство признало справедливымъ взять Пѣтухова подъ свою защиту отъ притѣсненій Пестеля, и чтобы избавить его отъ дальнѣйшихъ преслѣдованій высочайше повелѣно дать Пѣтухову мѣсто въ Архангельскѣ. Но бѣдный Пѣтуховъ отъ долговременнаго страданія немножко свихнулся: занялся исчисленіемъ съ удивительною подробностію пространства вмѣстительности Ноева ковчега, и этотъ гигантскій трудъ, съ планомъ, посвятилъ государю, "яко дань вѣрноподданнической благодарности за избавленіе отъ Пестеля." Кажется онъ умеръ въ ожиданіи великой награды и славы. Въ 1824 году видали его въ Москвѣ и онъ былъ истинно жалокъ.

Ужасными мѣрами уничтоженія непокорныхъ, при неограниченной довѣренности высшаго правительства къ представителямъ Пестеля, или все равно, Трескина, въ Иркутскѣ, наконецъ всѣ части попали, если не въ формальную по крайней мѣрѣ въ политическую зависимость губернатора. Не исключается изъ сего даже военная часть. Начальникъ гарнизона, начальникъ артиллеріи, инженерные офицеры, всѣ сдѣлались покорные слуги. Вы, можетъ быть, скажете, —по крайней мѣрѣ духовная часть осталась независимою? Нѣтъ, и ее держали въ рукахъ. Вотъ какъ это случилось. По поводу весьма соблазнительной

исторіи, какую Иркутскіе семинаристы сдѣлали съ своимъ ректоромъ, Архимадритомъ Іоакинфомъ *, извѣстнымъ нынѣшнимъ оріенталистомъ, онъ перессорился съ Архіереемъ Веніаминомъ и написалъ на него доносъ; обвинялъ его въ симоніи *. * Это случилось еще при Селифантовѣ. Святѣйшій Синодъ Архимандрита Іоакинфа перевелъ въ Тобольскъ и наложилъ на него запрещеніе, а поступокъ Архіерея предоставилъ изслѣдовать духовно-гражданской коммиссіи, иначе сказать отдалъ пастыря на судъ овцамъ. Исполненіе этого подоспѣло ко времени Трескина. Какъ человѣкъ умный, онъ не упустилъ случая дать Архіерею замѣтить, что отъ него зависитъ смять его и удержать на ногахъ. Трексинъ назначилъ въ коммиссію съ гражданской стороны дѣловыхъ людей и точныхъ исполнителей своей воли. При открытіи коммиссіи они потребовали и настояли, чтобы Архіерей явился въ присутствіе, какъ отвѣтчикъ. Смѣшно было видѣть, какъ тогда сами же чиновники разсказывали, что священники, которые при входѣ Архіерея сидѣли какъ наиголкахъ, показывали ему, что рады бы встать; но угрозы гражданскихъ членовъ коммиссіи удерживаютъ ихъ. Для Архіерея это было крайнее униженіе. Онъ смирился и Трескинъ надъ нимъ сжалился, но за то нещадно показывалъ, какое вліяніе на него имѣетъ. Въ торжественный день, напримѣръ, Архіерей вышлетъ говорить проповѣдь, а Трескинъ пошлетъ городничаго въ алтарь сказать: "не надо," и налой тотчасъ унесутъ: все это видятъ и

* Нашъ Оріенталистъ Бичуринъ

* * Продажа духовныхъ должностей недостойнымъ.

дивятся. И чего онъ съ нимъ не дѣлалъ! За то коммиссія слѣдственная дѣйствовала уже такъ медленно, что бѣдный Веніаминъ успѣлъ умерѣть прежде, нежели дождался обвиненія или оправданія.

Говоря о гоненіяхъ, я съ намѣреніемъ умолчалъ о смѣнѣ и арестованіи Камчатскаго коменданта Киселева и Охотскаго начальника Бухарина, ибо это сдѣлано было истинно ко благу тѣхъ отдаленныхъ странъ. Оба эти начальники просто неистовствовали въ ввѣренныхъ имъ областяхъ, а послѣдній къ тому грабилъ безъ зазрѣнія совѣсти. Бухарина генералъ-губернаторъ рѣшился самъ смѣнить, ибо на всѣ его отношенія къ морскому министру,Чичаговъ находилъ, что нѣтъ достаточныхъ причинъ утруждать государя императора всеподданнѣйшимъ докладомъ ; а это значило просто, что Устимовичь, правитель канцеляріи министра былъ съ руки Бухарину.

Изо всего, что я сказалъ, вы ясно видите, что Пестель и Трескинъ строго держались истины : "кто не за насъ, тотъ противъ насъ, а кто противъ, того надобно душить," и душили, какъ говорится, въ гробъ. Все, что съ этой стороны можно сказать въ ихъ извиненіе, такъ развѣ одно то, что въ нихъ было нѣкотораго рода предубѣжденіе, на благонамѣренности основанное ; они боялись, что безъ сильныхъ мѣръ и безъ введенія во всѣ мѣста людей преданныхъ, и какъ говорится, надежныхъ, не успѣютъ ничего нужнаго сдѣлать для Сибири. По крайней мѣрѣ я неоднократно слышалъ подобное сужденіе объ этомъ изъ устъ Трескина. Ни Пестеля, ни Трескина нельзя назвать злыми людьми. Они, кажется, по совѣсти

думали, что душатъ негодяевъ, злодѣевъ, ябедниковъ— для блага цѣлаго края. Еще болѣе можно бы было имъ въ этомъ повѣрить, если бы люди ими избираемые и покровительствуемые были строго честны и благонамѣренны, или если бы въ противномъ случаѣ, они и ихъ равно не щадили; но вотъ бѣда, что въ этомъ отношеніи приходится Крылова вспомнить:

. . . . . Все знаю я сама,
Да эта крыса мнѣ кума!

Теперь время взглянуть на Трескина, какъ на администратора. По внутреннимъ безпорядкамъ онъ засталъ губернію точно въ томъ же положеніи, въ какомъ была при Леццано: шатающіеся повсюду посельщики; вездѣ и въ самомъ Иркутскѣ грабежи, убійства; по дорогамъ разбой, въ судахъ медленность; по присутственнымъ мѣстамъ крайнее запущеніе дѣлъ; большой московской трактъ походилъ на проселочную дорогу; въ Нижнеудинскомъ округѣ проѣзжающаго лѣсомъ сучья били по глазамъ. Въ первый самый годъ онъ очистилъ Иркутскъ отъ всѣхъ, праздношатающихся, поставивъ полицію на самую лучшую ногу. Онъ тотчасъ распредѣлилъ всѣхъ посельщиковъ въ Нерчинскій уѣздъ и въ Верхнеудинскій. Въ семъ послѣднемъ они отработали прекраснѣйшую дорогу и потомъ выстроили по ней огромныя селенія. Къ этимъ-то селеніямъ приставленъ былъ знаменитый Лоскутовъ *, который строгостію довелъ до того, что выроненный проѣзжимъ на дорогѣ

* Истинно великій человѣкъ, какъ Исправникъ, онъ былъ жестокъ и принадлежитъ къ благодѣтелямъ края.

кошелекъ никто не смѣлъ утаить. Притомъ сдѣлалъ изъ воровъ хлѣбопашцевъ и хозяевъ, такъ что они теперь благословляютъ его память. Я это слышалъ, будучи въ желѣзахъ, и слѣдовательно слышалъ непритворный гласъ. Въ Иркутскѣ Трескинъ завелъ вновь почти всѣ заведенія приказа общественнаго призрѣнія, особенно прекрасно учрежденный рабочій домъ и городовую больницу; самый городъ вычистилъ, выхолилъ: это самое послѣднее. Самъ онъ слѣдовалъ за каждымъ и зналъ, гдѣ какое дѣло и на чемъ остановилось. "Смотри же живо!" было всѣмъ и каждому его любимое выраженіе. Истинно не видалъ человѣка съ большею наружною и существенною дѣятельностью. Онъ только за обѣдомъ не былъ занятъ. Когда надобно бывало сдѣлать какое-либо распоряженіе къ улучшенію мѣстному, и тамъ гдѣ онъ не былъ, онъ соберетъ бывалыхъ, чиновникъ ли то, купецъ, мѣщанинъ, кресгьянинъ, Бурятъ, Якутъ ему все равно: онъ выпроситъ всю подноготную чтобы лучше въ этомъ успѣть, слушаетъ ихъ споры, сводитъ показанія, въ коихъ они не согласны, и тогда уже дѣлаетъ свое заключеніе. Такимъ образомъ онъ исправилъ Охотскую дорогу, уничтоживъ безконечную работу Алданской, увѣрившись, что самое предположеніе о перенесеніи туда порта есть вздорное; представилъ объ уничтоженіи Камчатской области и о введеніи морскаго управленія, показавъ, что мысль о ландъ-милиціи была химерическая. Тельминскую суконную фабрику онъ довелъ до того, что она стала снабжать всѣ Сибирскія войска сукнами. Запасные хлѣбные магазины держалъ въ исправности. Къ ми-

неральнымъ Тупкинскимъ водамъ велѣлъ проложить дорогу и выстроить потребныя для больпыхъ зданія; опредѣлилъ смотрителя и медицинскаго чиповника: теперь все это, сказываютъ, въ запустѣпіи. Однимъ словомъ ни одна часть пе осталась у него безъ вниманія, и онъ крѣпко держалъ бразды правленія въ своей губерніи. По крайней мѣрѣ вы видите, что, при безпристрастномъ сужденіи, если Трескинъ съ одной стороны достоинъ сильнаго порицанія, то съ другой есть чѣмъ это уравновѣсить. Смѣло сказать, что со стороны достоинствъ административпыхъ собственно, Иркутскъ не имѣлъ другаго губернатора подобнаго.

Чувствую, что вы готовите мпѣ вопросъ: "да былъ-ли онъ человѣкъ безкорыстный?" — Г-мъ! вещь не легкая отвѣчать рѣшительно. Раскажу факты -судите сами. Когда душили Передовщикова, съ его стороны пе пожалѣли бы Богъ знаетъ чего, чтобъ замять дѣло. Кунецъ Губинскій, родственникъ его, былъ хорошъ съ Трескинымъ: было кому дѣло сладить; но однакожъ всѣ покушенія остались тщетны. Тоже скажу о Сибиряковѣ и Мыльниковѣ: семейства ихъ не постояли бы за сотни тысячъ, чтобы ихъ возвратить: сынъ перваго даже вошелъ въ милость у Трескина, но для отца ничего не успѣлъ. Было нѣсколько явныхъ примѣровъ, что у него не шло на деньгу. Подозрѣвали —замѣтьте, кого не подозрѣваютъ!—подозрѣвали однакожъ, что заготовленіе хлѣба въ запасные Иркутскіе магазины и для винокуренныхъ казенныхъ доводовъ, производимое чрезъ исправниковъ и комиссаровъ, доставляло ему знат-

ный доходъ. Указывали на смотрителя Иркутскаго магазина, извѣстнаго плута изъ разжалованныхъ, коего онъ вывелъ въ офицеры, и принималъ его, какъ человѣка, съ которымъ есть что переговорить на единѣ. Все это догадко; но вотъ что было явно. Онъ не отказывалъ въ такъ называемой хлѣбъ-соли, кои приносили на имянины, Довольно странно бывало видѣть въ передней сидящаго лакея, фаворита барыни самой, записывающаго кто что принесъ, и толпу купцовъ съ кульками, со свертками, съ цибиками, съ анкерами и тому подобнымъ. Это бывало на канунѣ имянинъ и рожденій его, жены, дѣтей. Кто приносилъ, тотъ получалъ назавтра приглашеніе на балъ, или просто на вечеръ, Приносы на имянины тоже состояли большею частію изъ матерій, канфъ, канчей и т. п., а это не бездѣлица! это распоряженіе приписывали самой губернаторшѣ, въ дѣла которой мужъ ни въ какомъ отношеніи не вмѣшивался. Агнесса (Агнея) Өедоровна, такъ ее звали, дочь извѣстнаго Сенатора Ө. И. Ключарева, была женщина домовитая и весьма притомъ не строгихъ правилъ, Къ ней отправлялся смѣло всякій, кто хотѣлъ давать. Исправники, коммиссары безъ доклада могли входить въ уборную, въ спальню даже. Былъ претекстъ "все свои дѣти"—такъ она ихъ называла. Въ самомъ дѣлѣ эти мѣста подъ конецъ всѣ были заняты чиновниками, привезенными Пестелемъ и Трескинымъ изъ Москвы, только вышедшими изъ студентовъ. Они, такъ сказать, взросли на ея глазахъ.

Другая явственность въ этомъ отношеніи: отправленіе ежедневное обозовъ въ Москву. Братъ Трескина,

помощникъ начальника Московскаго почтамта, человѣкъ честный и прямой, мнѣ самъ сказывалъ, что все присланное братомъ до 1812 года сгорѣло во время пожара и сгорѣло не мало! но послѣ онъ продолжалъ присылать тюки на храненіе брату. Будучи уже въ несчастіи онъ успѣлъ пристроить двухъ дочерей; а этого нельзя сдѣлать безъ денегъ, особливо, когда онѣ у него нетолько не красавицы, но даже дурны собою. Недвижимаго у него не было. Теперь судите.

Съ моей стороны скажу, что если бы не было у Трескина жены, Агнессы Өедоровны и секретаря Бѣлявскаго, онъ былъ бы, какъ говорится, со всѣмъ другой человѣкъ. Замѣтьте: это не тотъ проказникъ Бѣлявскій, о которомъ я говорилъ выше. Этотъ былъ родомъ изъ Нѣжинскихъ Грековъ, человѣкъ умный, неутомимый, даже честный, коли хотите, но человѣкъ холерическій и злобный. Онъ безпрестанно твердилъ Губернатору: "что ихъ щадить, Ваше Превосходительство, все бездѣльники; въ бараній рогъ надобно согнуть!" И подлинно гнули!...Этотъ человѣкъ бѣдственнымъ образомъ кончилъ жизнь свою. Бывъ свидѣтелемъ ужасной кончины губернаторши, которою онъ сопровождалъ на Громнинскія воды, онъ тутъ же лишился разсудка; вскорѣ пришелъ въ бѣшенство и въ цѣпяхъ привезенъ въ Иркутскъ, гдѣ не вдолгѣ умеръ.

Вы видите, я не пощадилъ Трескина, при всемъ томъ, что отъ него, кромѣ добра, ничего не видалъ. На-примѣръ, когда послѣ моего сговора, въ Кяхтѣ, меня перевели въ С. Петербургъ и мнѣ надобно было для женитьбы возвратиться, то онъ мнѣ далъ къ Пестелю

письмо. Пестель принялъ меня сухо, но когда прочелъ письмо, подошелъ ко мнѣ съ веселымъ лицомъ и сказалъ: "Вы согласитесь: я васъ не зналъ. Николай Ивановичь пишетъ такъ много хорошаго о васъ, что я совершенно въ вашихъ повелѣнiяхъ; что вамъ угодно, чтобъ я для васъ сдѣлалъ,—я сдѣлаю." И сдѣлалъ: выпросилъ меня къ себѣ по особымъ порученiямъ и отправилъ въ Иркутскъ. Вообще я старался говорить какъ мертвецъ смотрящiй съ того свѣта на дѣла людей, безъ всякаго лицепрiятiя, и въ этомъ отношенiи не безъ насилiя для себя. Признаюсь: люблю, даже увижаю Трескина. Пестель мнѣ всегда менѣе нравился. Въ немъ я всегда видѣлъ что-то фальшивое, хитрое, уклончивое. Мое уваженiе къ нему особенно потерпѣло подрывъ съ того времени, когда я нашелъ въ Архивѣ канцелярiи Московскаго Генералъ-Губернатора его секретныя донесенiя Прозоровскому съ копiями распечатанныхъ въ почтамтѣ писемъ. За всѣмъ тѣмъ, когда меня не однажды даже здѣсь спрашивали: "Бралъ ли Пестель взятки?"— "Нѣтъ," отвѣчаю "рѣшительно нѣтъ." Пестель съ этой стороны былъ чистый, честный человѣкъ. Подозрительные, а гдѣ ихъ нѣтъ, думали, что Трескинъ дѣлиться съ Пестелемъ. Неправда, не тѣ были отношенiя. Трескинъ очень зналъ, что долженъ былъ въ глазахъ Пестеля играть роль человѣка безкорыстнаго, и этимъ языкомъ только онъ могъ съ нимъ говорить смѣло. Какъ бывшiй членъ Россiйско-Американской коммиссiи, я видѣлъ письмо Пестеля къ Директорамъ. самое унизительное, объ отсрочкѣ только длгоа 10-т, рублей, этого кажется довольно.

X.

ПИСЬМО БАРОНА ШТЕЙНГЕЛЯ

къ Императору Николаю.

Августѣйшій Монархъ!
Всемилостивѣйшій Государь!

Изъ мрачной темницы моей, возносясь духомъ любви къ отечеству, духомъ вѣрно-подданническаго къ В. И. В. усердія, припадаю къ священнымъ стопамъ Вашимъ.

Умоляю В. В. благомъ многихъ милліоновъ людей, коихъ Вы нареклись отцомъ, умоляю собственною Вашею славою и самою безопасностію, удостойте прочесть все ниже слѣдующее до послѣдней строки, прежде нежели произнесете строгій судъ о свойствѣ и самой цѣли настоящаго моего письма. Дерзаю представить обнаженную истину; она должна быть доступна престолу мудраго Монарха, воспріявшаго бразды правленія, съ намѣреніемъ жить для отечества.

Въ Высочайшемъ манифестѣ о восшествіи вашемъ на престолъ, какъ-бы въ утѣшеніе народу, сказано: что ваше царствованіе будетъ продолженіемъ предъидущаго — о, Государь! Ужели скрыто отъ васъ, что эта самая мысль страшила всѣхъ, и что одна только увѣренность общая въ непремѣнной перемѣнѣ порядка вещей говорила въ пользу Цесаревича.

Истина, не подверженная ни малѣйшему возраженію; что въ Бозѣ почивающій Монархъ обладалъ въ совершенствѣ даромъ привлекать къ себѣ сердца всѣхъ тѣхъ, кои имѣли счастіе съ нимъ встрѣтиться, и что его поведеніе въ званіи Наслѣдника, его дѣйствія и намѣренія въ началѣ царствованія твердость его при всеобщемъ бѣдствіи 1812 года, его кротость въ блескѣ послѣдовавшей за тѣмъ славы, человѣколюбіе его во время послѣдняго наводненія, равно какъ многіе другіе, извѣстные свѣту и народу въ особенности, случаи, въ коихъ онъ явилъ высокія свойства души своей, сдѣлали особу его любезною и священною для Россіянъ современниковъ. Но по непостижимому для насъ противорѣчію, которое къ изумленію грядущихъ вѣковъ, можетъ быть объяснитъ одна только безпристрастная исторія, царствованіе его, ежели разумѣть подъ симъ словомъ правленіе, было во многихъ отношеніяхъ, для Россіи пагубно, подъ конецъ же тягостно для всѣхъ состояній, даже до послѣдняго изнеможенія. Противорѣчіе сіе поставило средній и нисшій классы въ недоумѣніе; Государь всюду являлся ангеломъ и сопровождался радостными восклицаніями, но въ тоже время отъ распоряженій правительства, именемъ его, разливались повсюду неудовольствія и ропотъ. Народъ приписывалъ сіе лицамъ, то Сперанскому, то Гурьеву, то Аракчееву и вообще думалъ: "министры обманываютъ нашего добраго Государя, гдѣ ему батюшкѣ все знать." Но тѣ, которые просвѣщеннѣе, смотрѣли и разсуждали иначе; результатъ общій: Государь встрѣченный

на престолѣ со всеобщимъ безпримѣрнымъ восторгомъ, сопровожденъ во гробъ едва-ли не всеобщимъ равнодушіемъ. О, Государь! если это съ моей стороны дерзновеніе, то въ совѣсти моей вопіющій гласъ, убѣждаетъ меня, что оно въ милліонъ разъ полезнѣе В. В. моему Всемилост. Монарху, нежели та лесть, которою если возносятъ владыкъ земныхъ до небесъ, то это для того, чтобы они не видѣли—что на управляемой ими землю дѣлается.

Не смѣю безъ особаго соизволенія изобразить всего хода дѣлъ въ послѣднее царствованіе, но цѣль меня одушевляющая заставляетъ сказать, хотя ту только истину, что Правительство отличалось не постоянствомъ, и въ управленіи Государствомъ не было никакого положительнаго плана.

Сначала былъ періодъ—мистицизма, наконецъ. противныхъ мнѣній тому и другому. Вначалѣ всему дано новое направленіе учрежденіемъ министерствъ Чрезъ шесть лѣтъ разрядъ министровъ измѣнился съ учрежденіемъ совѣта, въ новомъ его образованіи издано министерство полиціи. Силы министровъ уступили силѣ государственнаго секретаря. Министерство коммерціи уничтожено. Отсутствіе Государя дало поводъ къ учрежденію коммитета Г Г. министровъ, за тѣмъ смерть Вязмитинава произвела новую перемѣну въ порядкѣ министровъ. Министерство полиціи уничтожено; сдѣлано вновь министерство духовныхъ дѣлъ въ соединеніи съ просвѣщеніемъ, но и то на нѣсколько лѣтъ. При первыхъ министрахъ много начато

полезнаго, по крайней мѣрѣ обнаружено намѣреніе готовить государство къ воспріятію конституціонныхъ началъ. . . .Послѣ Тильзитскаго мира прибытіе Коленкура ко двору и выше упомянутая перемѣна въ министерствѣ пресѣкла дѣятельность правительства, оно до самаго 1812 года видимо тяготилось прихотливымъ деспотизмомъ Наполеона. Вліяніе Сперанскаго на дѣлѣ ознаменовалось учрежденіемъ коммисіи погашенія долговъ, началомъ изобрѣтенія новыхъ налоговъ, обложеніемъ купцовъ усугубленною податію съ капиталовъ, установленіемъ торговыхъ книгъ, учрежденіемъ о торгующихъ крестьянахъ, которымъ подорванъ кредитъ внутренней торговли, и новымъ образованіемъ коммисіи составленія законовъ, которая до сихъ поръ издала гражданское и уголовное уложеніе и оба не могли быть приведены въ дѣйствіе. Въ 1810 и 11-мъ годахъ примѣтно уже было неудовольствіе противъ правительства. Указъ 1811 года о непроизведеніи въ чинъ гражданскихъ чиновниковъ 9-хъ классовъ, которымъ многіе заслуженные и опытные люди оскорблены были, много разливалъ сіе неудовольствіе. 1812-й годъ соединилъ всѣхъ къ одной цѣли-защитѣ отечества и престола.

Насталъ ожидаемый миръ! Монархъ, отъ всѣхъ благословляемый, возвратился къ всеобщей радости. Все ожидало эпоху, отъ которой начнется внутреннее благоустройство. Ожиданіе не сбылось. Роздано нѣсколько милліоновъ Москвѣ, Смоленску и частію нѣкоторымъ другимъ городамъ сихъ губерній; но симъ пособіемъ не столько воспользова-

лись совершенно разорившіеся, сколько имущіе, ибо оно раздавалось въ видѣ ссуды подъ залогъ недвижимости. Если Москва, такъ сказать, стряхнула пепелъ съ головы своей въ новомъ селеніи, то не столько помогла тому сія помощь, сколько состояніе внутренней коммерціи и промышленности, оживотворенныхъ тарифомъ 1810 года, который изданъ былъ при увѣщательномъ манифестѣ, чтобы всѣ обращали капиталы свои не въ пользу чужеземной роскоши, но въ пользу отечества. Внезапно сей самый тарифъ измѣненъ въ пользу Австріи и Пруссіи изданіемъ новаго манифеста на 12 лѣтъ. Комерціянты могли по крайней мѣрѣ располагать свои спекуляціи на сіе императорскимъ словомъ опредѣленное время, но въ этомъ ошиблись; въ 1819 году послѣдовало новое всеобщее разрѣшеніе ввоза иностранныхъ товаровъ, коими вскорѣ наводнили Россію.

Многіе купцы обанкрутились, фабриканты въ конецъ разорились, и народъ чрезъ то лишился способовъ къ пропитанію и уплачиванію податей. Вскорѣ увидѣли ошибку, и справили ее новымъ тарифомъ 1823 года; но причаненный вредъ не возвратенъ, знатныя суммы серебра и золота, вышедшія чрезъ Одесскій портъ, при выгодной хлѣбной торговлѣ 1815, 16 и 17 годовъ, исчезли; слѣдовало новое дополнительное постановленіе о гильдіяхъ; за всѣмъ тѣмъ мѣстныя начальства принуждены были представлять о невозможности его выполнить; ибо у бѣдныхъ мѣщанъ и особенно у жителей малыхъ городовъ, отнять послѣдній способъ къ пропитанію. Такимъ образомъ комерція наша находится въ

паралитическомъ состояніи, тогда какъ у всѣхъ народовъ преуспѣваетъ и разцвѣтаетъ, особенно во Франціи, которая въ 1815 году была едва ли не въ худшемъ состояніи, нежели Россія. Къ крайнему изумленію всѣхъ, дѣйствія министерства финансовъ въ послѣднія 10 лѣтъ, были можно сказать, ужасныя. Въ 1815 правительство убѣдило откупщиковъ винныхъ, при славномъ посредствѣ Гурьева и Пестеля, сдѣлать весьма важную наддачу. Естественнымъ сего слѣдствіемъ была несостоятельность и они разорились въ конецъ, особенно *Злобинъ*, оказавшій многія услуги отечеству и *Перецъ*. Въ преслѣдованіи сихъ откупщиковъ и потомъ поставщиковъ провіантскихъ, были случаи, что они представляли къ расчету свои на казну претензіи;—но министръ предписывалъ съ нихъ взыскивать, а имъ предоставить видаться особо—распоряженіе, имѣющее характеръ полнаго насилія и несправедливости. Съ откупщиками многіе разорились. Уничтоживъ откупы, министерство финансовъ ввело новый образъ винной продажи, источникъ чрезмѣрно гибельнаго народнаго разврита и разоренія; нарушены нѣкоторыя коренныя права; унижено званіе вице-губернаторовъ, дотолѣ весьма почтенное. Явленъ примѣръ соблазна для чиновниковъ, ибо способъ наживаться стали предпочитать понятіямъ о чести, и тѣ, кои при началѣ считали за униженіе надзирать за питейными домами, увидя, что на сихъ людей обращается вниманіе министра и вмѣстѣ съ обогащеніемъ даются чины и кресты, стали искателями

сего рода службы. Размножены повсюду трактиры, герберги, харчевни, портерныя лавочки и питейные дома, временныя выставки, изъ коихъ нѣкоторыя съ бильярдами, музыкою и другими разными для черни приманками. Возвышена на вино цѣна для винопродавцевъ, стѣснительныя и разорительныя правила; за то злоупотребленія устронены отъ надзора полиціи. Вице-губернаторамъ даны предписанія стараться какъ можно о большей распродажѣ вина подъ опасеніемъ отвѣтственности. Съ такими мѣрами первые годы приносли точно прибыль, но вскорѣ оказалось, что она была временная, ибо въ послѣдніе годы не добирались уже многихъ милліоновъ. Когда такимъ образомъ съ одной стороны народъ поощрали пропивать потовымъ трудомъ наживаемыя деньги, съ другой умноженіе податей съ паспортовъ; возвышена цѣна на первую потребность—соль, приняты строжайшія мѣры къ взысканію недоимки; предписано за недоимку помѣщиковъ отдавать въ опеку, а съ казенныхъ крестьянъ взыскивать хотя бы то было съ пожертвованіемъ послѣдняго имущества. Начали у нихъ продавать домашній скотъ, лошадей и самые домы, а какъ съ такихъ уже обобранныхъ взять нечего, то за неимущихъ взыскивать съ общества. Въ нѣкоторыхъ губерніяхъ выбить, выколотить недоимку, сдѣлалось технологическимъ словомъ между тѣмъ въ однѣхъ губерніяхъ, какъ-то Бѣлорусской, Тверской, Псковской, Вологодской и Ярославской по нѣскольку лѣтъ былъ неурожай, помѣщики не получали дохода и кормили крестьянъ. Въ другихъ, напротивъ,

хлѣбъ былъ ни почемъ отъ неимѣнья сбыта, и деревни тоже не давали дохода.

Обстоятельства сіи уподобляютъ Россію тому состоянію, въ которомъ была Франція во время Генриха III, когда сборщики податей обирали послѣднія у земледѣльцевъ. О, Государь! извольте послать довѣренную особу инкогнито, въ видѣ частнаго человѣка, и вы откроете можетъ быть гораздо горестнѣйшее положеніе народа, нежели каковымъ я его представляю. Безпрестанные выгоны крестьянъ на дороги, въ рабочую пору довершали ихъ разореніе и притомъ отъ частныхъ перемѣнъ въ платѣ, и отъ непрочной работы, повинность сія сдѣлалась безконечна; между тѣмъ—какъ въ академическомъ календарѣ въ хронологическомъ показаніи, печатается: "отъ изданія манифеста, коимъ народъ освобождается отъ дѣланія дорогъ столько-то лѣтъ."

Умножая доходы крайними мѣрами, хотя три года тому назадъ сдѣлано сокращеніе расходовъ по всѣмъ министерствамъ, сколько еще есть предметовъ, на которые дѣлаются напрасно издержки? Сколько чиновниковъ едва имѣющихъ занятія, получаютъ большіе оклады въ двухъ и трехъ мѣстахъ? Сколько также получаютъ пансіоны? По одному коммиссарству расходится до 3-хъ милліоновъ на однѣ цыновки, веревки и вообще на укупорку и развозку вещей отъ коммисіи до мѣстъ пребыванія полковъ, тогда какъ однимъ распоряженіемъ въ разсужденіи сей доставки можно бы сей расходъ уничтожить.

По флоту такая же экономія; по адмиралтейскому

регламенту Петра I-го едва корабль заложится на верфи должно раздавать по всѣмъ мастерствамъ пропорціи; дабы ко дню спуска, всѣ принадлежности по вооруженію онаго были бы въ готовности. Во все министерство маркизе де Траверсе, сего не наблюдалось, корабли ежегодно строились, отводились въ Кронштадтъ и нерѣдко гнали, не сдѣлавъ ни одной компаніи, а теперь болѣе 4-хъ, или 5-ти кораблей, которыхъ нельзя вывесть въ море, ибо мачты для сего переставляютъ съ одного корабля на другой; прочіе—хотя число ихъ не малое; не имѣютъ вооруженія. И такъ переводится послѣдній лѣсъ, тратятся деньги, а флота нѣтъ! Но въ царствованіе блаж. памяти родители вашего въ 1797 году выходило 27 кораблей, всѣмъ снабженныхъ, а въ 1801 году готовилось 45!

Можно сказать, что прекрасное твореніе В. Петра Маркизъ де Траверсе уничтожилъ совершенно. Теперь на случай войны некого и не съ чѣмъ выслать въ море; кромѣ вновь принятаго Сенявина и контръ-адмирала Рошпова, ни одного адмирала, нѣсколько капитановъ и весьма не много офицеровъ изъ тѣхъ, кои были въ экспедиціяхъ. Между тѣмъ какъ у сосѣдняго государства сія часть въ совершенной исправности всегда была и теперь существуетъ.

По части управленія губерній во всѣ 25 лѣтъ не сдѣлали ничего особеннаго къ улучшенію; едва въ 1822 г. дозволено Генералъ-губернатору Балашову произвести опытъ преобразованія. Начатый безъ свѣдѣнія Сената опытъ сей принимался обывателями

съ негодованіемъ на новыя тягости и на умноженіе инстанцій, а о пользѣ, которая изъ того произойти можетъ, никто еще не говоритъ. Подобнымъ образомъ жалуются на преобразованіе Сибири, гдѣ въ обширномъ, но мало населенномъ краѣ, въ которомъ приличнѣе бы было сокращать администрацію, прибавлена лишняя губернія и данъ образъ управленія совѣщательно-аристократическій, не свойственный монархическому. Къ сему присовокупить должно и недостатки въ судопроизводствѣ вообще: безконечное продолженіе тяжебныхъ дѣлъ аппеляціями и обращеніе ихъ въ нисшія инстанціи; не правосудіе и повсемѣстное злоупотребленіе; послѣднее было строго преслѣдуемо, но отъ полумѣръ осталось неизцѣлимымъ: посылаемые сенаторы производили изслѣдованія, тысячами бѣдныхъ чиновниковъ отдавали подъ судъ и опредѣляли новыхъ, а тѣ принимались за тоже, только смѣлѣе, ибо обыкновенно на мѣста поступали съ протекціей. Сколько и теперь есть губернаторовъ,состоящихъ подъ безконечнымъ судомъ.

Въ царствованіе великой бабки вашей, Государь, была по всѣмъ частямъ наблюдаема подготовка людей столь много полезная: чиновники, хотя медленно, но доходили отъ нисшихъ степеней до высшихъ, каждый по своей части; оттого были опытные дѣльцы. Въ предшествовавшее вашему царствованіе сего во все не наблюдалось: всякій, при министрѣ служащій или нашедшій покровительство ко всему считался годнымъ. Такъ и дѣла шли. Извѣстно, что великая Екатерина съ полковничьяго чина начинала обращать особенное на людей вниманіе, и тѣ, кои

не имѣли отличныхъ дарованій и способностей, не шли далѣе бригадировъ въ отставку. Въ послѣднее же время всякому продолжающему службу, особенно военную, дорога къ высшимъ степенямъ сдѣлались отверзтою. Въ одной губерніи былъ губернаторъ выслужившійся фельдфебель, и въ губерніи онъ поступалъ какъ въ ротѣ. Не могъ конечно быть терпимъ, но жители губерніи не менѣе отъ того терпѣли. Вообще гражданская часть, сей краугольный камень въ зданіи государственнаго благоденствія, были въ нѣкоторой какъ бы опалѣ. Государь изволилъ видѣть зло, но считалъ его не исцѣлимымъ, пограничивался тѣмъ, что не скрывалъ своего отвращенія. Энгельгартъ, имѣвшій счастье часто разговоривать съ государемъ, сказывалъ мнѣ, что однажды при случаѣ, когда Е. В. любовался устройствомъ войскъ, онъ осмѣлился замѣтить, что время приняться за устройство гражданской части, но государь, взявъ его за руку и пожавъ ее крѣпко, со слезящими глазами произнесъ: "Ахъ, я это очень, очень чувствую, но ты видишь, кѣмъ я возмусь?" Если это истинно, что за благоустройство въ государствѣ гдѣ монарху не кѣмъ взяться, то посудите, Всемилостив. Государь, въ какомъ несчастнѣйшемъ положеніи наше любезнейшее отечество, коего судьба воспріята вами на рамена свои. Вашему генію предлежитъ подобно Петру и Екатеринѣ, найти людей, вложить въ нихъ душу и сдѣлать сопричастниками будущей вашей славы; да прейдетъ она до позднѣйшаго потомства! Насильственная система такъ называемаго водворенія военнаго поселенія, принята была съ изумленіемъ и

ропотомъ, какъ-то и В. В-ву должно быть весьма извѣстно и не могло быть иначе. Послѣ отечественной войны, въ которой всѣ состоянія участвуя, оказали равную вѣрность и усердіе къ отечеству и престолу, когда всякій ожидаетъ въ мирѣ вождѣленнаго спокойствія, внезапно войти въ селеніе, военною рукою взять домы мирныхъ земледѣльцевъ, все дѣдами или самыми или нажитое, да и ихъ въ общій составъ новаго воинства; едва-ли исторія представляетъ что либо подобное. Къ сему присовокупить вынужденную уступку и покупку сосѣдственныхъ земель и помѣстій, ибо одна несправедливость естественно раждаетъ другую. Возникли съ одной стороны —отчаянное сопротивленіе, особенно на гогѣ, съ другой — сторогія мѣры укрощенія. Всей Россіи сдѣлались извѣстны сцены, которыхъ никто не могъ полагать возможными въ царствованіе Государя столь кроткаго и человѣколюбиваго. Общее негодованіе разрѣшалось одномъ лицемъ Гр. Аракчеева; оно во всѣхъ подобныхъ дѣйствіяхъ служило экраномъ для монарха. Цѣль поселенія объявлена послѣ: освобожденіе Россіи отъ тяжкой рекрутской повинности. Осмѣливаюсь, Государь, представить, что уменьшеніе сроко службы, по примѣру Пруссіи отъ 8 или 12 лѣтъ, удовлетворило бы сей цѣли справедливѣе, прочнѣе и безопаснѣе, ибо тогда во всей Россіи въ 25 лѣтъ разлился бы духъ военный, и крестьяне сколь же легко стали бы разставаться съ дѣтьми, а теперь они сами везутъ ихъ какъ на смерть. Возвратившіеся въ семейство могли бы жениться, крестьянскимъ бытомъ, и наживая дѣтей, воспитывали бы ихъ зара-

нѣе быть солдатами, сами же были бы готовые ландштурмы.

Мысль о поселеніи войскъ не новая. Минихъ представлялъ Императрицѣ Аннѣ Іоановнѣ о заселеніи границъ Турецкихъ, Польскихъ и Шведскихъ войсками, съ тѣмъ, чтобы они пріучились къ этому роду войны, который съ сими непріятелями приличенъ. Поселеніе на границѣ можетъ быть дѣйствительно оплотомъ; но внутри государства— другія слѣдствія возможны. При разныхъ мнѣніяхъ о семъ иностранцевъ, извѣстенъ короткій отзывъ Велингтона; я слышалъ его изъ устъ Гр. Ростопчина: "видно, что русское Правительство не боится штыковъ."

По симъ краткимъ очеркамъ дѣйствій Правительства, въ отношеніи хозяйственнаго управленія и настоящаго положенія дѣлъ въ государствѣ слѣдующія черты представляются въ характеристикѣ правленія: Правительство считало все прежнее худымъ, много начинало вновь, отмѣняло и вообще ничего не докончило, разстроивъ все. Правительство отдѣляло себя отъ государства и казалось вѣрило, что оно можетъ быть богато и сильно, хотя всѣ сословія государственныя и особенно народъ въ изнеможеніи. Правительство имѣло кажется правиломъ, что развратнымъ и бѣднымъ народомъ легче управлять, чѣмъ имѣющимъ гражданскія добродѣтели и въ довольствѣ живущимъ. А потому, не прислушиваясь къ народному мнѣнію и не входило въ его нужды, повелѣвало и требовало безусловнаго повиновенія, хотя бы отъ того все раззорилось. Въ семъ отношеніи Правитель-

ство дозволило себѣ даже спекуляцію: послѣдняя распродажа рекрутскихъ квитанцій—разительный тому примѣръ. Должно ли послѣ того удивляться, что Правительство потеряло довѣренность и сердечное уваженіе и возбудило единодушное, общее желаніе перемѣны порядка вещей. Всемилостивѣйшій Государь! раскрывъ передъ взоромъ вашимъ, по крайнему моему разумѣнію, причины неудовольствія противу правительства, я осмѣливаюсь приступить къ настоящей моей цѣли—представить истинный источникъ, обнаружившагося, при восшествіи Вашемъ на престолъ, злоумышленія.

Дѣятельное просвѣщеніе въ Россіи началось при Екатеринѣ Великой. Одинъ частный человѣкъ, Новиковъ, съ обществомъ своимъ старавшійся о распространеніи чтенія полезныхъ книгъ и для сего имѣвшій свою типографію, сдѣлалъ едва-ли не болѣе, чѣмъ всѣ училища. Молодые люди съ талантами посылались на счетъ общества вояжировать и дѣйствительно многіе обязаны стали ему послѣдующею своею извѣстностью. Открылась революція; масонскія ложи сдѣлались подозрительными и Новиковъ пострадалъ. Блаженной памяти родитель вашъ даровалъ ему и сотоварищамъ его свободу. Изъ сего разсадника люди первые явились на сцену, когда при началѣ царствованія умершаго Государя, открылось вождѣленное намѣреніе его—просвѣтить Россію и уничтожить въ ней рабское состояніе. При учрежденіи министерствъ, взяты быстрыя мѣры къ распространенію образованія, учреждены новые университеты, умно-

жены училища, преобразованы гимназіи, ослаблена цензура предоставленіемъ оной гражданскимъ губернаторомъ и управамъ благочинія въ столицѣ; поощрены переводы печатаніемъ съ высочайшаго позволенія книгъ, дающихъ понятіе о новыхъ идеяхъ относительно основанія государственнаго блага; такъ напечатаны: Конституція Англіи Делольма; творенія Монтескьё, Бентама и другихъ. Съ тѣмъ вмѣстѣ появились: Пиѳагорово путешествіе, Антенорово путешествіе, Фоблазъ, и Кумъ Матвѣй—непосредственно развивающія другія понятія и развращающія нравы. При такомъ началѣ просвѣщенія, Государь изволилъ прекратить раздачу крестьянъ въ крѣпостное состояніе. Незабвенный рескриптъ его герцогу Виртембергскому, по случаю утвержденія аренды на 50 лѣтъ, сдѣлался извѣстнымъ всѣмъ. Потомъ открыто новое состояніе свободныхъ хлѣбопашцевъ; нѣкоторые вельможи отпустили въ оные цѣлыя селенія. Изданы указы поощрительные, къ отъискиванію изъ крѣпостнаго состоянія свободы; нѣсколько разъ повторены, наконецъ составлены правила для перехода крестьянъ помѣщичьихъ въ свободное состояніе, въ Остзейскихъ губерніяхъ повсюду распубликованы. Присоединеніе Псковской губерніи къ округу ихъ провинцій подало поводъ къ заключенію, что на ней сдѣлается первый опытъ приложенія сихъ правилъ къ великороссійскимъ губерніямъ.

Во время вліянія на дѣла Сперанскаго для образованія духовнаго юношества, приняты новыя правила. Учреждены новыя духовныя Академіи и комитеты училищъ; для преподаванія курса богословія выпи-

санъ былъ извѣстный профессоръ Феллеръ изъ Германіи, но по протесту программѣ его, поданному отъ Архіепископа Ѳеофилакта, допущенъ до преподаванія не былъ. Но тѣмъ не менѣе новое образованіе духовенства воспріяло тотъ уже духъ, который видѣнъ былъ прежде. Въ послѣдніе годы методу ученія паки перемѣнили на старую. Общее бѣдствіе 1812 года наклонило умы и сердца къ набожности.

Отселѣ начался періодъ мистицизма. Началось изданіе Сіонскаго вѣстника, удостоенное потомъ высочайшей награды; явились сочиненія Штилинга, внушающія мысль о ненадобности духовенства и наружныхъ обрядовъ церкви, потомъ переводы Гюйонъ, Дежума и пр. изъ коихъ многіе напечатаны на казенное иждивеніе.

Открылось Библейское общество. Магницкій, при открытіи отдѣленія онаго въ Симбирскѣ, сказалъ весьма соблазнительную рѣчь, и она была напечатана во всѣхъ публичныхъ листкахъ, какъ образцовая, хотя болѣе имѣла видъ тонкой сатиры, нежели истинной набожности. Библейскія засѣданія представили картину истиннаго толеранса. Изданіе новаго завѣта, Евангелія, которое въ мнѣніи народа казалось неприкосновеннымъ волнующимъ умъ, подало поводъ толкамъ на счетъ несходства; такъ на пр. въ посланіи къ Коринѳянамъ VII глав. ст. 21. Славянскій текстъ говоритъ: *Рабъ ли призванъ былъ еси, да не нерадиши, но ещв и можешн свободенъ быти, больше поработи себя* напротивъ въ Русской: "рабомъ ли ты призванъ, не безпокойся, но ежели можешь сдѣлаться

свободнымъ, тѣмъ больше воспользуйся". Хотя ближе такой переводъ къ еврейскому тексту, тѣмъ не менѣе онъ подрываетъ народное довѣріе къ одной изъ священнѣйшихъ книгъ, читаемыхъ въ церквахъ, довѣріе черезъ два почти вѣка неприкосновенное. Какой притомъ соблазнъ для раскольниковъ.

Между тѣмъ какъ все сіе происходило, высшее заведеніе для образованія юношества, Царскосельскій лицей далъ нѣсколько выпусковъ; оказались таланты въ словесности; но свободомышленіе, внушенное въ высочайшей степени поставило ихъ въ совершенную противоположность со всѣмъ тѣмъ, что они должны были встрѣтить въ своемъ отечествѣ при вступленіи въ свѣтъ. Тотъ же самый духъ разлитъ во всѣхъ, кто обрзовался въ университетахъ, въ училищѣ Іезуитовъ и во всѣхъ другихъ заведеніяхъ, кромѣ корпусовъ. Отличительныя свойства вновь образованныхъ людей, съ нѣкоторымъ исключеніемъ суть: непризнаваніе ничего святымъ, нетерпѣніе подчиненности, скорое стремленіе къ наслажденію жизнію, скучаніе всѣмъ и безпечность ко всему настоящему: имъ кажется, что для ихъ ума имъ тѣсно въ Россіи и нѣтъ ничего достойнаго ихъ дѣятельности; потому многіе, чтобы быть чѣмъ нибудь, ищутъ только считаться при комъ нибудь. Должно-ли послѣ сего удивляться, что предпріимчивость нѣкоторыхъ опытныхъ людей захотѣла воспользоваться такимъ расположеніемъ умовъ и основать тайныя общества, подобно Прусскимъ и Германскимъ.

Существованіе массонскихъ ложъ долженствовало еще болѣе тому способствовать. Правительство не

подозрѣвало ихъ. Въ 1816 г. 30 Августа въ Москвѣ была открыта ложа съ высоч. дозволенія. Государь изволилъ сказать Тормасову: "Я не даю явнаго позволенія, но смотрю сквозь пальцы; опытомъ дознано, что въ нихъ нѣтъ ничего и потому предоставляю на твою волю." Въ рѣчи своей на Варшавскомъ сеймѣ, Государь изволилъ упомянуть, что готовитъ для Россіи подобное состояніе. Рѣчь была напечатана въ публичныхъ листахъ и польстила надеждѣ либераловъ. Внезапное происшествіе въ Испаніи и Піемонтѣ, съ совершеннымъ возстаніемъ Грековъ, произвели рѣшительный переломъ въ намѣреніи Государя, какъ между тѣмъ воспламенились умы въ мечтателяхъ о свободѣ Россіи. Греки оставлены своей судьбѣ, связь единовѣрства, восемь вѣковъ ненарушимо существовавшая, которой всегда страшилась Порта и опасалась Европа, вдругъ разрушена. Греки въ Россіи, особенно въ Москвѣ находящіеся, шопотомъ произносили жалобу свою и сообщали знакомымъ о несправедливостяхъ поступка съ ними. Отъ того радость ихъ при объявленіи Цесаревича Императоромъ была чрезвычайна. Они отыскивали медали, выбитыя на рожденіе Е. Выс. съ изображеніемъ церкви св. Софіи; видя уже себя обладателями Царь-града и вдругъ восхитительная надежда исчезла, унылость на лицахъ ихъ.

Внезапное уничтоженіе массонскихъ ложъ послужило къ тайному огорченію многихъ. Между тѣмъ просвѣщеніе, хотя цензура постепенно сдѣлалась строже, но въ тоже время явился феноменъ не бывалый въ Россіи, IX томъ Исторіи, Россійскаго госу-

дарства, смѣлыми, рѣзкими чертами изобразившій всѣ ужасы неограниченнаго самовластія, и одного изъ великихъ царей открыто наименовавшій тираномъ, какому подобнаго мало представляетъ исторія! Непостижимо какимъ образомъ въ то самое время какъ строжайшая цензура внимательно привязывалась къ словамъ ничего не значущимъ, какъ-то: ангельская красота, рокъ и проч. пропускала статьи подобныя Волынскому, исповѣди Наливайки и братьевъ-разбойниковъ и пр. Предъ самымъ восшествіемъ Вашимъ на престолъ, въ 22 N Сѣв. Архива, показалась статья о избраніи Годунова на царство.

Все сіе не есть ли дѣйствіе одного и того же духа? Происшествіе съ переводомъ пастора Гаспера дало поводъ къ немалому волненію умовъ. Удаленіе Кн. Голицына отъ мин. просвѣщенія и уничтоженіе мин. духовныхъ дѣлъ, сдѣлалось эпохою изложенія мистицизма и соблазна. Представилось соблазнительное торжество извѣстнаго Фотія представляющаго Св. ревнителя и въ тоже время обирающаго именитую свою покаянницу. Обнародовавъ оскорбительный для Кн. Голицына рескриптъ къ новому министру просвѣщенія, по случаю дозволенія напечатать книгу Сташевича, за пропущеніе коей пострадалъ духовный цензоръ Иннокентій, между тѣмъ какъ читавшіе въ публикѣ книгу сію, увѣряли, что она ни той ни другой чести не заслуживаетъ. Объявлено запрещеніе и самая конфискація тѣхъ книгъ, кои прежде напечатаны съ Высочайшаго дозволенія; пріостано-

вленъ даже катехизисъ Архіепископа Филарета, на заглавномъ листѣ коего обозначено было, что онъ С.. Синодомъ разсмотрѣнъ, одобренъ и съ Высоч. соизволенія напечатанъ. Надо было видѣть дѣйствіе такого запрещенія: въ два-три дня въ Москвѣ выкупили всѣ экземпляры за тройную цѣну; съ такою жадностью желали всѣ узнать, что могъ написать Архипастырь, добродѣтельною жизнью славящійся, противнаго духу христіанской религіи? Въ тоже время послѣдовало два указа на счетъ священниковъ и духовенства вообще, первый, распубликованный отъ гражд. Губернатора чтобы міряне не поили до пьяна священниковъ; а второй данный С. Синоду, чтобы отличить женъ и дочерей священно и церковнослужителей особымъ одѣяньемъ. Тотъ и другой оскорбили духовенство и сдѣлали оное предметомъ разныхъ сарказмовъ въ публикѣ. Если все это дѣлалось безъ скрытой пружины, то по крайней мѣрѣ производило одно дѣйствіе: возбудило умы противъ правительства и поощрило къ желанію чего либо лучшаго. Достопочтенный министръ просвѣщенія между тѣмъ въ рѣчи своей открылъ намѣренія правительства остановить успѣхи превратнаго просвѣщенія—новый поводъ къ неудовольствію свободномыслящимъ. Еще продолжалось о семъ различное мнѣніе, какъ вдругъ происшествіе въ Грузіи представило глазамъ публики не менѣе всѣхъ поразившій. Броженіе умовъ и ожиданіе предшествовало важнѣйшему событію. О, Государь, удостойте обозрѣть все выше изложенное и вы изволите увидѣть и убѣдиться, что истинный корень республиканскихъ

правилъ скрывается въ самомъ просвѣщеніи и образованіи, которое правительство въ теченіи 24 лѣтъ само давало юношеству. Оно само питало ихъ, какъ млекомъ, либеральными идеями, между тѣмъ какъ вступая на дѣятельное поприще жизни, они на каждомъ шагу встрѣчали поводъ къ достиженію той цѣли, къ которой ведетъ подобное образованіе. Преслѣдовать теперь за свободомысліе, не тоже ли будетъ значить, что бить слѣпаго, у котораго трудною операціею сняты катаракты и которому показанъ свѣтъ, за то что различаетъ предметы. Когда вы изволите быть въ Москвѣ, то увидите въ ней въ миніатюрѣ изображеніе русскаго юношества, возросшаго въ XIX вѣкѣ, это училище—обществомъ сельскаго домоводства для помѣщичьихъ крестьянскихъ дѣтей учрежденное. Директоръ сего училища, почтенный профессоръ Павловъ, назидая надъ ихъ воспитаніемъ, обходится съ ними со всею деликатностію и къ тому же пріучаетъ къ взаимному обхожденію. Между тѣмъ съ преподаваніемъ наукъ, развивающихъ высшія понятія, возвышающихъ душу—они дѣлаются людьми выше своего состоянія, и за чѣмъ все это? Что бы по окончаніи курса отдать помѣщику, который при первомъ капризѣ можетъ сего образованнаго юношу послать въ конюшню для тѣлеснаго наказанія. Не есть ли это тоже, что точить на себя ножъ ожесточенія?...

Всемилостивѣйшій Государь! сколько бы ни оказалось членовъ тайнаго общества, или вѣдавшихъ про оное; сколько бы многихъ по оному преслѣдованію ни лишали свободы, все еще останется гораздо множай-

шее число, раздѣляющее тѣже идеи и чувствованія. Россія уже такъ просвѣщена, что лавочные сидѣльцы читаютъ газеты, а въ газетахъ пишутъ, что говорятъ въ палатѣ депутатовъ въ Парижѣ. Не первая ли мысль родится въ головѣ каждаго? Большая часть профессоровъ, литераторовъ, журналистовъ должны душевно принадлежать къ желателямъ конституціоннаго правленія, ибо свобода тисненія сопряжена съ личною ихъ выгодою. Книгопродавцы тоже, купцы тоже. Наконецъ всѣ тѣ, кои бывали въ иностранныхъ государствахъ, а иные и образовались тамъ; всѣ тѣ, кои служили въ гвардіи и теперь служатъ, не того же ли образа мыслей? Кто изъ молодыхъ людей, нѣсколько образованныхъ, не читалъ, не увлекался сочиненіями Пушкина, дышущаго свободой? Кто не цитировалъ басни Дениса Давыдова —*голова и ноги*? Можетъ быть въ числѣ тѣхъ, кои окружаютъ васъ, есть таковые. О, Государь! чтобы истребить корень свободомышленія, нѣтъ другаго средства, какъ истребить цѣлое поколѣніе людей, кои родились и образовались въ послѣднее царствованіе, но если сіе невозможно, то остается одно: препобѣдить сердца милосердіемъ и увлечь умы рѣшительными явными пріемами къ будущему благоденствію Россіи. Въ семъ отношеніи дозвольте обратить вниманіе В. В. на два коренные устава Россіи, кои приносятъ неприметный, но дѣйствительный вредъ *табель о рангахъ и городское положеніе*. По первому быстро-умножается классъ личнаго безпотомственнаго дворянства, подобно Польской шляхтѣ, которое всякій трудъ и ремесло

почитаетъ низкимъ, живетъ различными изворотами и вообще составляетъ родъ людей, который при переворотахъ можетъ надѣяться что нибудь выигратѣ, а потерять ничего не можетъ. Недавно одинъ такой чиновникъ посаженъ былъ въ городскую тюрьму по взысканію за повышеніе чина. По городовому положенію, собственно гражданами нашихъ городовъ почитаются одни купцы и мѣщане, съ такою при томъ особенностію въ отношеніи къ первымъ, какая едва ли есть въ другихъ государствахъ, а именно то, что права, облагороживающія особу гражданина, даны не лицу, а капиталу; отъ этого происходитъ двоякое слѣдствіе, богатый честный купецъ, невинно раззорившійся, потеря богатства есть само по себѣ несчастіе великое, но законъ вмѣсто утѣшенія, утѣшаетъ его иначе: отнятіемъ всякихъ правъ, отличающихъ его отъ нисшаго класса; съ другой стороны—будь гражданинъ Сократъ добродѣтелью, и онъ подверженъ тягостямъ низкаго званія, если не богатъ; будь напротивъ заявленъ въ безчестныхъ правилахъ, онъ получаетъ права равныя дворянству, самымъ пріѣздомъ ко Двору. По истинѣ гибельный соблазнъ гражданской добродѣтели, а безъ нея никакое государство не можетъ быть благополучно. Государь! Вы воспріяли скипетръ Россіи въ самыхъ затруднительныхъ обстоятельствахъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ сколько предстоитъ Вамъ предметовъ на пути къ истинной неувядаемой славѣ, къ не мерцающему безсмертію. Воскресите въ своей особѣ благодушнаго Генриха IV, котораго желаніе видѣть въ воскресный день курицу въ супѣ каждаго кре-

стьянина пребудетъ прочнѣйшимъ памятникомъ въ сердцахъ позднѣйшаго потомства. Великій Генрихъ принялъ Францію въ бѣдственнѣйшемъ положеніи, но пожелавъ видѣть ее счастливою, избралъ честнѣйшаго Сюлли и въ 9 лѣтъ все измѣнило свой видъ. Вамъ предстоитъ подобное: даровавъ духовенству нравственное образованіе, подкрѣпить упавшее и 24 лѣтнимъ займомъ вконецъ раззоренное дворянство, воскресить комерцію и промышленность незыблемыми уставами, водворить правосудіе учрежденіемъ лучшаго судопроизводства, преобразовать города введеніемъ гражданскихъ правъ, подобныхъ другимъ государствамъ; дать другое постепенное для всѣхъ состояній просвѣщеніе юношеству; улучшить состояніе земледѣльцевъ, уничтожить унизительную для націи продажу людей, (къ сему средства я имѣлъ счастіе представить покойному Государю), воскресить флотъ, поощрить къ мореплаванію частныхъ людей, къ чему призываютъ Америка и Гаити. Но мнѣ ли исчислять всѣ отрасли государственнаго блага, которыя должны отъ васъ произойти Августѣйшій Монархъ! въ послѣднемъ порывѣ любви къ отечеству дерзнулъ я, не желая уподобиться Евангельскому рабу, сокрывшему свой талантъ въ землю, представить все то, что по бытности моей при дѣлахъ и по обращеніи въ среднемъ состояніи, мнѣ извѣстно относительно настоящаго положенія Россіи, которую я имѣлъ случай видѣть отъ Камчатки до Польши и отъ Петербурга до Астрахани. Я исполнилъ сіе, сколько то растерзанное сердце горестью и необходимость пи-

сать на бѣло мнѣ дозволили, имѣвъ счастіе прочесть благость во взорахъ вашихъ; я скорблю объ одномъ, что Вы, Государь, не сердцевѣдѣцъ; а если бы вы изволили видѣть какими чувствами исполнена душа моя, можетъ быть удостоили бы меня вашимъ состраданіемъ. Но да совершится воля неисповѣдимаго въ путяхъ своихъ провидѣнія; съ благоговѣніемъ повергаюсь къ стопамъ вашимъ, Всемилост. Государь, Вашего И. В.

Баронъ Владиміръ сынъ Штейнгель, отставной подполковникъ, заключенный въ Петропавловской крѣпости.

Января 11
1826 года.

XI.

СИМАШКО, ФИЛАРЕТЪ И НИКОЛАЙ.

Секретно-конфиденціональное отношеніе Синодальнаго Члена Іосифа, Митрополита Литовскаго и Виленскаго, къ Оберъ-Прокурору Святѣйшаго Синода Графу Протасову, отъ 10 Января 1855 за N. 40.

Какъ вѣрноподданный, какъ сынъ Отечества, какъ Членъ Православныя церкви, и какъ возсоединенный Архіерей, обязанный нѣкоторою отвѣтственностію предъ возсоединенными и за возсоединенныхъ, долгомъ считаю обратить еще разъ вниманіе Правительства на обстоятельства края, съ которымъ связано мое служеніе.

Кажется, послѣ благословеннаго Богомъ возсоединенія Уніатовъ съ Православною церковью, вскорѣ забыто: что они были для Поляковъ и Римскихъ Католиковъ и авангардомъ и оплотомъ противу Русской Народности и Православія; что возсоединеніе было для Латино-Польской партіи самымъ чувствительнымъ ударомъ; что эта партія должна быа искать новыхъ условій для обезпеченія своего положенія; и что соотношенія оной къ возсодиненнымъ должны были принять характеръ не только недоброжелательства, но и мести. Кажется также Латино-Польскую партію сочли слабою, забывая что она

кромѣ собственныхъ силъ, имѣетъ опору въ общей иновѣрной и иностранной партіи, по видамъ религіознымъ и политическимъ. Кажется не обращено также вниманія, что страдательное совершенно положеніе, въ которомъ поставлены возсоединенные со времени слитія съ Православною церковью, должно было и облегчить и осмѣлить Латино-Польскую партію въ ея дѣйствіяхъ.

Не знаю, приходилось ли кому измѣрить и оцѣнить вполнѣ, что сдѣлано въ пользу этой партіи въ послѣднія десять или пятнадцать лѣтъ. Здѣсь не намѣренъ я распространяться о дѣйствіяхъ на пользу Латинской Іерархіи. Это дѣло прошлое и уже не исправимо. Тутъ не главное Конкордатъ—мѣра политическая, можетъ быть необходимая. Но вообще предшествовавшія, сопровождавшія и послѣдовавшія за оною учрежденія и распоряженія клонились къ тому, чтобы упрочить и усилить противу прежняго Римско-Католическую въ Россіи Іерархію. Теперь Православному Духовенству въ Западныхъ Епархіяхъ едва ли всѣхъ силъ достаточно, чтобы бороться съ однимъ только Римско-Католическимъ Духовенствомъ. Но еще разъ—я не намѣренъ распространяться о семъ духовенствѣ, а обращу вниманіе на другое, постепенно въ здѣшней странѣ устроенное орудіе Латино-Польской партіи—Гражданское Чиноначаліе.

Обстоятельствами вынужденъ я былъ собрать въ прошломъ мѣсяцѣ по секрету свѣдѣнія, о числѣ чиновниковъ Православнаго и иновѣрнаго исповѣданія по губерніямъ Виленской и Гродненской, въ кото-

рыхъ число народа, исповѣдующаго Православную и Римско-Католическую вѣру, не много разнствуетъ. И вотъ что оказывается изъ сихъ свѣдѣній.

Извѣсто, что Православные въ сказанныхъ двухъ губерніяхъ состоятъ почти изъ однихъ крестьянъ, а почти всѣ помѣщики принадлежатъ Римско-Католическому вѣроисповѣданію и такъ называемой Польской кастѣ. Слѣдовательно Православные вполнѣ зависятъ, по крѣпостному праву, отъ сихъ иновѣрныхъ и инородныхъ помѣщиковъ. Чтобы въ подобное положеніе поставить и казенныхъ крестьянъ, чиновники по вѣдомству Государственныхъ Имуществъ назначены преимущественно изъ иновѣрцевъ. Въ обѣихъ Палатахъ Виленской и Гродненской, изъ 14 Членовъ, только 4 Православныхъ; изъ 37 дѣлопроизводителей и другихъ чиновниковъ, только 5 Православныхъ; изъ 12 Столоначальниковъ только 2 Православныхъ; изъ 41 Окружныхъ Начальниковъ, ихъ помощниковъ, Лѣсничихъ и Люстраторовъ, только 8 Православныхъ; то есть изъ 104 старшихъ чиновниковъ только 19 Православныхъ. Если къ сему прибавить, что по сказаннымъ двумъ губерніямъ, всѣ 18-ть Губернскіе и Уѣздные предводители Дворянства иновѣрцы а—въ числѣ ихъ письмоводителей только одинъ православный: то ясно, что всѣ православные обѣихъ губерній состоятъ въ полной зависимости отъ иновѣрцевъ, въ ближайшихъ и необходимыхъ условіяхъ своего быта.

Чтобы уравновѣсить это преобладаніе иновѣрной ближайшей власти надъ Православными, едва ли достаточно было бы всей попечительности мѣстныхъ

гражданскихъ Начальствъ, въ самомъ лучшемъ и надежномъ составѣ. Но вотъ каковъ на дѣлѣ этотъ составъ.

При Генералъ-Губернаторѣ: Правитель Канцеляріи старшіе и младшіе Секретари, помощники Секретарей и прочіе Чиновники Канцеляріи въ числѣ 21, всѣ иновѣрцы, за исключеніемъ одного помощника Секретаря—Православнаго; только въ числѣ Адъютантовъ, Дежурныхъ Офицеровъ и Чиновниковъ Особыхъ Порученій, есть шесть Православныхъ на пять иновѣрцевъ. При обоихъ Гражданскихъ Губернаторахъ, въ числѣ Правителей Канцелярій, Чиновниковъ Особыхъ Порученій, а также Старшихъ и младшихъ Помощниковъ, Правителей Канцелярій, 9 православныхъ на 20 иновѣрцевъ. Въ обоихъ Губернскихъ Правленіяхъ, въ числѣ Членовъ, Секретарей, прочихъ чиновниковъ и Столоначальниковъ, есть 39 иновѣрцевъ, а только 11 православныхъ. Такимъ образомъ высшее управленіе двухъ губерній состоитъ изъ 27 только православныхъ, и изъ 84 иновѣрныхъ старшихъ чиновниковъ.

Въ такой же пропорціи находится власть по уѣздамъ. Въ числѣ Городничихъ и Земскихъ Исправниковъ, которые должны быть кажется, по положенію, въ здѣшней странѣ Русскіе и Православные, уже третья ихъ часть по Виленской и Гродненской губерніи изъ иновѣрцевъ. Письмоводителей при Городничихъ 5 православныхъ, а 11 иновѣрцевъ. Засѣдателей и Секретарей по Земскимъ Судамъ 10 православныхъ, а 40 иновѣрцевъ. Становыхъ При-

ставовъ 9 православныхъ а 57 иновѣрцевъ. То есть, на 165 старшихъ уѣздныхъ чиновниковъ исполнительной власти—только 47 православныхъ.

Судебная часть еще менѣе благопріятна для православныхъ, нежели правительственная и исполнительная. По 4-мъ палатамъ гражданскаго и уголовнаго суда Виленскимъ и Гродненскимъ: въ числѣ 18-ти членовъ, только 5 православныхъ; въ числѣ 26 секретарей и другихъ чиновниковъ, только 1 православный; въ числѣ 20 столоначальниковъ, нѣтъ ни одного православнаго. По всѣмъ уѣзднымъ судамъ обѣихъ губерній 2 православныхъ, а 59 иновѣрныхъ членовъ, и тоже 2 секретаря православныхъ, а 14 иновѣрныхъ. То есть, изъ 141 старшихъ чиновниковъ по судебной части, только 10 православныхъ.

Такимъ же образомъ замѣщены старшія мѣста и по другимъ вѣдомствамъ. Изъ числа 107 членовъ обѣихъ казенныхъ палатъ, ихъ секретарей и чиновниковъ особыхъ порученій, ихъ бухгалтеровъ, контролеровъ, столоначальниковъ и другихъ чиновниковъ, а также уѣздныхъ казначеевъ съ ихъ помощниками, бухгалтерами и журналистами—православныхъ всего на все только 8. Изъ числа 18 членовъ, секретарей, старшихъ чиновниковъ и столоначальниковъ обоихъ приказовъ общественнаго призрѣнія—православныхъ только 4. Изъ числа 30 членовъ, секретарей, инженеровъ, архитекторовъ, землемѣровъ и другихъ старшихъ чиновниковъ по обѣимъ строительнымъ и дорожнымъ коммисіямъ—

тоже православныхъ только 4. Изъ числа 26 членовъ и старшихъ чиновниковъ по окружному управленію III Округа корпуса инжéнеровъ военныхъ поселеній—православныхъ только 8. Изъ числа 25 губернскихъ и уѣздныхъ почтмейстеровъ съ ихъ помощниками—только 6 православныхъ. Изъ числа 21 губернскихъ и уѣздныхъ прокуроровъ и стряпчихъ только 4 православныхъ. Изъ числа 26 членовъ человѣколюбиваго общества и управляющихъ семью Виленскими Богоугодными заведеніями—только 2 православныхъ. Изъ числа же 53 членовъ врачебныхъ управъ, а также уѣздныхъ и другихъ штатныхъ врачей нѣтъ ни одного православнаго.

Всѣхъ же старшихъ чиновниковъ вышепоименованныхъ, по Виленской и Гродненской губерніямъ, изъ иновѣрцевъ 723, изъ православныхъ же 140, то есть менѣе шестой части всѣхъ чиновниковъ. Между иновѣрцами едва десятая часть приходится на Протестантовъ и Магометанъ, остальные всѣ Римскіе католики. Въ низшемъ слоѣ чиноначалія эта пропорція еще менѣе благопріятна православнымъ.

Но эта ариѳметическая пропорція, между православными и иновѣрными чиновниками, далеко еще не представляетъ дѣйствительнаго преобладанія сей послѣдней массы.

Тѣми же способами, которыми Латино-Польская партія съумѣла замѣстить, по преимуществу, своими людьми должностныя мѣста, она умѣетъ управлять назначеніемъ или устраненіемъ самыхъ правосла-

вныхъ чиновниковъ, по своимъ видамъ; а небольшое число самостоятельныхъ, ей легко вводить въ заблужденіе, задобривать или устрашать. Ясно, что при подобномъ составѣ чиноначалія самые благонамѣренные и прозорливые начальники, едва ли могутъ устоять противу общаго теченія.

Такимъ образомъ православное населеніе Виленской и Гродненской губерній, числомъ почти въ 700-т. народа, зависитъ почти совершенно отъ произвола Римлянъ, господствующихъ надъ онымъ, посредствомъ помѣщиковъ и посредствомъ мѣстныхъ правительственныхъ и судебныхъ властей. Духовенство православное въ такой же зависимости и посредствомъ своихъ прихожанъ и по необходимымъ житейскимъ потребностямъ. Нужно дѣло особенной ясности, чтобы можно его вести съ успѣхомъ; иначе оное замнутъ или происками, или ябедою или проволочкою. Самое дѣло выигранное оффиціально, обращается обыкновенно не въ пользу выигравшаго и не въ пользу православія. Выигравшему возместятъ косвенными средствами; а дѣло самое чистое представятъ въ общемъ мнѣніи, въ видѣ неблагопріятномъ православію и православному духовенству, такъ что самое благоразуміе требуетъ по большей части молчанія и долготерпѣнія. Естественно, что въ такомъ положеніи дѣлъ могутъ быть покойны тѣ только изъ православнаго духовенства, которые потворствуютъ видамъ преобладающей Латино-Польской партіи; усердные жъ подвижники и исполнители своего долга необходимо должны быть

предметомъ недоброжелательства и происковъ той партіи.

Я не говорю о себѣ—участь свою уже предалъ я на волю провидѣнія. Но кажется, всякая мѣстность, гдѣ бы 700-т. православныхъ находились въ подобномъ положеніи, должна бы обратить вниманіе; а что жъ Литовская Епархія, которая находится въ исключительномъ положеніи во всѣхъ отношеніяхъ? Въ другихъ Западныхъ Епархіяхъ масса православнаго народонаселенія господствуетъ надъ малочисленнымъ иновѣрнымъ населеніемъ; въ Литовской 700-т. православныхъ разбросаны по тремъ губерніямъ, среди полутора милліона однихъ Римскихъ католиковъ. Въ другихъ Епархіяхъ, число возсоединенныхъ немногочисленно въ сравненіи съ древне-православными, а слѣдовательно удобно можетъ быть направляемо и охраняемо; въ Литовской вся паства почти исключительно состоитъ изъ возсоединенныхъ. Самые возсоединенные въ другихъ Епархіяхъ не столько бы отступили отъ Русской народности и постановленій Восточныя Церкви, какъ въ Литовской, бывшей преимущественно подъ продолжительнѣйшимъ вліяніемъ иновѣрчества и иноземства. Очевидно, что я имѣю и большее право и большую обязанность просить правительство о преимущественномъ охраненіи Литовской паствы отъ вліянія господствующихъ здѣсь чуждыхъ элементовъ. Мнѣ одному это не по силамъ.

Но не одно положеніе православной паствы въ здѣшней странѣ, заставило меня изъяснить теперь все прописанное. Я не разъ о томъ представлялъ,

и боюсь, не наскучилъ ли уже. Не забота также о Русской народности въ сей странѣ меня къ тому побудила. Какъ ни больно, что десять милліоновъ Русскаго и Литовскаго народа въ Западныхъ губерніяхъ, подчиняются вновь болѣе и болѣе преобладанію сорока или пятидесяти тысячь такъ называемыхъ Польскихъ семействъ, а тѣмъ самымъ и Польской партіи, посредствомъ Латинскаго духовенства, посредствомъ помѣщиковъ и посредствомъ чиноначалія: но это со временемъ измѣнилось бы, при первомъ вѣрномъ взглядѣ Правительства.

Теперь дѣло ни о православіи ни о народности Западныхъ губерній, но о настоящемъ политическомъ положеніи Государства, и молчаніе съ моей стороны, объ указанномъ выше, было бы преступно. Не мнѣ одному извѣстно, что уже наканунѣ послѣдняго Польскаго мятежа, еще не вѣрили людямъ, предостерегавшимъ объ ономъ. Кто же можетъ увѣрить, что Латино-Польская партія не имѣла въ виду нынѣшнихъ событій, при устройствѣ какъ выше видно, столь сильнаго своего преобладанія въ здѣшней странѣ. Я не говорю, чтобы эта партія сама собою была теперь столько сильна матеріально, дабы слишкомъ безпокоить Правительство. Но въ случаѣ движенія на Россію всего Запада—не приготовлено ли въ здѣшней странѣ для враговъ самое благопріятное управленіе? и не лишено ли Правительство нужныхъ орудій для полезнаго въ ней дѣйствія, во все теченіе могущихъ продолжаться военныхъ происшествій и въ случайныхъ обстоятельствахъ? Объ

этомъ, кажется стоитъ подумать. Стоитъ подумать и о томъ, что гражданское Управленіе не формируется такъ скоро и удобно, какъ переформированъ Литовскій корпусъ въ 1830 году. Мнѣ случилось слышать, будто поддерживающіе Латино - Польскую партію указываютъ на Финляндію и Остъ-Зейскія губерніи. И смѣшно и больно! Нужно слишкомъ много доброй воли, или слишкомъ малаго познанія здѣшней страны, чтобы находить между сими мѣстностями какое либо соотношеніе.

Сохрани Господи, чтобы все прописанное выше перетолковано было во вредъ и недоброжелательство къ здѣшнимъ чиновникамъ изъ Поляковъ и Латинянъ. Они не менѣе другихъ могутъ служить Государству, съ честію и пользою, въ рядахъ Русскаго воинства и въ числѣ гражданскихъ чиновниковъ по областямъ. Но въ здѣшней странѣ они связаны личными соотношеніями, связаны общественнымъ мнѣніемъ, которое указываетъ не на Россію, а на Польшу: и по необходимости должны (разумѣется не безъ исключеній) быть орудіями видовъ Латино-Польской партіи и Римскаго духовенства.

Пишу это Вашему Сіятельству, не какъ Оберъ-Прокурору Святѣйшаго Синода, но какъ ближайшему слугѣ Государя Императора. Здѣсь уже дѣло не объ участи какого нибудь Митрополита Іосифа, или 700-т. возсоединенныхъ. Теперь не въ томъ дѣло: пріятнѣе ли и удобнѣе здѣшнимъ правителямъ держаться партіи сильной, богатой, и съ вліяніемъ, но въ томъ, чтобы 10-ти милліонную массу Русскаго и

Литовскаго народа въ Западныхъ губерніяхъ обеспечить на пути долга, при всякихъ могущихъ возникнуть случайностяхъ, и охранять ее отъ чуждаго вліянія. Ссылаюсь на совѣсть каждаго не предубѣжденнаго: можетъ ли онъ иначе, какъ я, смотрѣть на постепенное усиленіе въ здѣшней странѣ Латино-Польской партіи? Впрочемъ можетъ статься, Правительство во всѣмъ этомъ имѣло въ виду особыя цѣли и обстоятельства мнѣ неизвѣстныя. Въ семъ предположеніи мысли свои я представляю секретно-конфиденціально, чувствуя, что исполнилъ долгъ свой по совѣсти и по крайнему моему разумѣнію.

Прошу покорнѣйше Ваше Сіятельство увѣдомить меня о полученіи сей бумаги.

Весьма секретно

Его Императорское Величество Высочайше повелѣть соизволилъ:

1) Поручить Министрамъ сообщить Генералъ Губернаторамъ Западныхъ губерній, чтобы во ввѣренныхъ имъ губерніяхъ всѣ должности по Полиціямъ: земской, городской и вѣдомства Государственныхъ Имуществъ, были непремѣнно замѣщены чиновниками изъ Русскихъ; если же таковыхъ не будетъ, то лицами, имъ вполнѣ извѣстными и за благонадежность коихъ они должны отвѣчать.

2) По примѣру тому, какъ было въ Юго-Западныхъ губерніяхъ Имперіи и доселѣ еще существуетъ въ Царствѣ Польскомъ, назначить отсюда, въ пособіе

Губернаторамъ, Военно-уѣздныхъ начальниковъ въ Западныя губерніи, если и не во всѣ, то по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыя, куда по соображеніямъ Министра Внутреннихъ Дѣлъ признано будетъ необходимѣйшимъ.

3) Всѣмъ Министрамъ и Главноуправляющимъ отдѣльными частями подтвердить секретно, къ непремѣнному исполненію, послѣдававшее въ 1831 году Высочайшее Его Императорскаго Величества повелѣніе о замѣщеніи въ Западныхъ губерніяхъ должностей, въ томъ повелѣніи поименованныхъ, по возможности чиновниками Русскаго происхожденія. Должности сіи суть: Губернаторы, Вице-Губернаторы, Прокуроры, Члены Губернскихъ присутственныхъ мѣстъ, Уѣздные стряпчіе и Почтъ-Экспедиторы (что нынѣ Почтмейстеры).

4) Поручить Министрамъ и Главноуправляющимъ принять зависящія отъ нихъ мѣры къ постепенному, по возможности, замѣщенію и прочихъ должностей въ тѣхъ губерніяхъ чиновниками изъ Русскихъ и переводу туземцевъ въ Великороссійскія губерніи.

и 5) Постановить непремѣннымъ правиломъ, чтобы никто изъ уроженцевъ Западныхъ губерній, кромѣ однако исповѣдующихъ Православную вѣру, не могъ быть тамъ опредѣляемъ на службу, ежели не прослужилъ прежде десяти лѣтъ въ Великороссійскихъ губерніяхъ, или въ войскахъ въ офицерскихъ чинахъ, да и тогда тѣхъ только переводить, которые оказались совершенно благонадежными.

Подписалъ князь А. Чернышевъ.

Виленскому Генералъ-Губернатору Назимову.

Секретно-конфиденціально

Ваше Превосходительство,

Милостивый государь,

До меня дошло отношеніе преосвященнаго Іосифа митрополита литовскаго къ графу Протасову, о неблагопріятномъ для блага отечества состояніи управленія литовскаго края.

Предметъ сей не принадлежитъ къ кругу дѣлъ возложеннаго на меня служенія, но долгъ вѣрности престолу заставляетъ меня не иначе, какъ съ крайнею заботою помышлять о томъ, извѣстно ли сіе Государю Императору.

Отношеніе писано 10 Генваря 1855 года. Нѣтъ причины сомнѣваться въ томъ, что графъ Протасовъ представилъ оное въ бозѣ почившему государю. Но какъ сіе было не задолго до его кончины, то принято ли это въ разсужденіе? Извѣстно ли оно нынѣ царствующему государю императору? Вотъ о чемъ забота.

Назначеніе Вашего Превосходительства въ управленіе литовскимъ краемъ, открываетъ мнѣ случай исполнить возможнымъ для меня образомъ долгъ вѣрности престолу, препровожденіемъ къ вамъ списка вышеозначеннаго отношенія и успокоить мою заботу вашею вѣрностію престолу и ревностію о благѣ отечества.

Усердно призывая на васъ благословеніе Божіе, съ совершеннымъ почтеніемъ и преданностію имѣю честь быть Вашего Превосходительства, покорнѣйшій слуга,

ФИЛАРЕТЪ
митрополитъ московскій

Въ Москвѣ, Декабря 15, 1855 года.

XI.

РѢЧЬ

Кіевскаго Военнаго, Подольскаго и Волынскаго Генералъ-Губернатора, Генералъ-Адъютанта, Дмитрія Гавриловича Бибикова къ помѣщикамъ Кіевской губерніи 8 *мая* 1851 *года.*

Милостивые Государи!

Четырнадцать лѣтъ я нахожусь въ этомъ краѣ и уже нѣсколько разъ имѣлъ честь быть съ вами во время выборовъ дворянскихъ. Я хочу съ вами пройти весь періодъ моего управленія, отъ самаго пріѣзда моего съ 1838 года до настоящаго времени.—Я хочу сдѣлать это, милостивые Государи, не въ видѣ отчета, ибо Генералъ-Губернаторъ Западныхъ губерній отдаетъ отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ только одному, котораго тронъ на Сѣверѣ, который владѣетъ пространствомъ отъ Вислы до Байкала, отъ Ахалцыха до Ледовитаго моря, кому повинуется 60 милліоновъ людей. Мы всѣ должны М. м. Г.г. ежедневно и въ каждую минуту, и во всѣхъ помыслахъ нашихъ, молиться Всемогущему о долгой жизни, спокойствіи и счастіи нашего добраго, Великаго Государя для нашего счастія и спокойствія Европы. Я хочу разсмотрѣть съ вами мои дѣйствія въ финансовомъ, административномъ, политическомъ и судебномъ отношеніяхъ.

1838-мъ году пріѣхавъ сюда, засталъ я въ каждомъ уѣздѣ, въ каждомъ мѣстечкѣ демократическія общества, даже въ учебныхъ заведеніяхъ, въ Бердичевѣ въ женскомъ пансіонѣ, всѣ эти общества стремились къ одному: чтобы уничтожить всѣ законы, всѣ дворянскія права и преимущества, весь общественный порядокъ благоустроеннаго гражданскаго общества,—одна консисторія, которой имени не назову, дошла даже до того, что проповѣдывала во все услышаніе: будто Іисусъ Христосъ не есть Сынъ Божій, Матерь Божія простая женщина, а Папа—шарлатанъ. Я преслѣдовалъ ихъ со всею злостью, которая во мнѣ находится, и истребилъ зло въ самомъ его началѣ. Приступаю къ финансовой системѣ.

Пріѣхавъ въ этотъ край, я засталъ въ Бердичевѣ такъ называемую секцію Польскаго Банка, въ которой были въ заставѣ и въ залогѣ почти всѣхъ помѣщиковъ имѣнія. Эта секція привлекала только именемъ управлявшаго его; она брала не по 6 и 8, а по 11 и 14 процентовъ; въ послѣднее время были только въ курсѣ польскія облигаціи, а золотая и серебрянная монета совершенно исчезла—многіе помѣщики разорены въ пухъ; Фельдмаршалъ, по моему представленію послалъ курьера къ Государю Императору, и она уничтожена. Для денежныхъ оборотовъ помѣщиковъ и коммерческихъ операцій учреждена была въ Кіевѣ Контора государственнаго коммерческаго Банка. Кто на нее смѣетъ жаловаться? Кого тамъ притѣсняютъ? Кто замѣтилъ тамъ злоупотребленіе? скажите, кто?

Перехожу къ правамъ дворянства. Когда я пріѣ-

халъ, засталъ здѣсь, что всѣ были дворяне: помѣщикъ ѣхалъ въ каретѣ—дворянинъ, кучеръ на козлахъ—дворянинъ; лакей за каретою—дворянинъ, форейторъ—дворянинъ; сторожъ—дворянинъ; въ кухнѣ стряпалъ—дворянинъ; дворянинъ подавалъ ему сапоги, и когда онъ разсердясь, хотѣлъ взыскать съ него, тогда служитель отвѣчалъ ему: "не имѣешь права, я тебѣ равенъ". Государь Императоръ именуетъ себя первымъ дворяниномъ въ Россіи, спрашивается: можетъ ли онъ подать руку также дворянину повару или лакею? Была фабрика дворянскихъ документовъ въ Бердичевѣ, гдѣ продавались патенты по рублю серебромъ. Были коммиссіи для повѣрки дѣйствій депутатскихъ собраній, но не принесли никакой пользы. Я собралъ эти коммиссіи въ одну центральную, которая по разборѣ такъ называемаго дворянства исключила изъ этого благороднаго сословія 64-т.семействъ, не имѣвшихъ права оставаться въ ономъ; они приписались въ разныя податныя состоянія и сдѣлались на своемъ мѣстѣ полезными членами гражданскаго общества; когда Герольдія, утвердивъ уже многіе дворянскіе роды, окончитъ разсмотрѣніе дѣлъ дворянскихъ, то каждый изъ насъ Г г. будетъ увѣренъ, подавая руку подобному себѣ, что подаетъ руку такому же дворянину какъ онъ самъ.

Многіе въ этомъ краѣ возставали противъ законнаго правительства, желая ниспровергнуть религію и престолъ; они были преслѣдуемы по всей строгости законовъ и получили заслуженное наказаніе; нѣкоторые изъ нихъ уже прощены, другіе на

жительствѣ въ среднихъ губерніяхъ, а два только главные преступника не прощены, но и тѣмъ участь облегчена,—они уже не въ каторжной работѣ, а въ Сибири на поселеніи. — Я былъ строгъ, я долженъ былъ употребить всѣ мѣры для прекращенія и предупрежденія тѣхъ горестныхъ послѣдствій, которыя мы видѣли въ другихъ мѣстахъ.

Нашъ Великій Государь хочетъ, чтобы западныя губерніи были душею и тѣломъ возсоединены съ Россіею, потому и введено въ этомъ краѣ русское законодательство. Нѣкоторые хвалили статутъ Литовскій, а многіе-ли изъ васъ его читали? Нѣкоторые помѣщики мнѣ признавались, что они никогда его не читали, и никто не читалъ, и никто не знаетъ какое въ немъ законоположеніе, которое при нестройномъ смѣшеніи съ множествомъ противорѣчащихъ себѣ конституцій, устарѣло, неудобопримѣняемо къ настоящимъ гражданскимъ отношеніямъ и дѣламъ, замедляетъ ихъ только и умножаетъ до безконечности; да и отыскать его очень трудно,— я досталъ въ оригиналѣ два экземпляра. И такъ введены русскіе законы въ одинъ день, въ одинъ часъ, и теперь не гораздо-ли меньше дѣлъ, не проще-ли, не быстрѣе-ли дѣлопроизводство?

Случилось въ 1850 году, что два помѣщика Родомышльскаго и Овручскаго уѣздовъ имѣли одного крестьянина Іосифа, который въ недѣлю работалъ одному помѣщику 3 дня и другому 3 дня; спрашиваю я васъ, что же ему оставалось? Было много злоупотребленій помѣщичьей власти, — введены инвентаріи; много было недовольныхъ, судили

большія публичныя бѣдствія, сулили бунты, возмущенія, назначали день и часъ, когда начнется рѣзня, но Богъ милостивъ, зарѣзали ли кого нибудь изъ помѣщиковъ, или даже эконома? били ли кого? никогда; было-ли у насъ что-нибудь подобное тому, что въ Галиціи? Напротивъ, Милостивые Государи, инвентаріи, сдѣланные для блага помѣщиковъ, усилили ихъ власть, возвысили ихъ значеніе въ государствѣ, и опредѣливъ отношенія крестьянина къ владѣльцу, опредѣлили крестьянскія права и обязанности. Случались отступленія отъ нѣкоторыхъ правилъ, но не со стороны самихъ помѣщиковъ, а только отъ ихъ управляющихъ и экономовъ, поссесоровъ, или же отъ тѣхъ старыхъ бабъ, которымъ не платятъ, а которыя сами платятъ своимъ любовникамъ, во зло употребляющимъ помѣщичью власть. Послѣ введенія инвентарій, спрашиваю я васъ, пала-ли цѣна на имѣнія? Я имѣю оффиціальныя свѣдѣнія, которыя доказываютъ противное. Въ прошедшіе выборы, я имѣлъ честь вамъ сказать, что на мѣста, зависящія отъ выборовъ Дворянства, нынѣ замѣщаемыя чиновниками, поступятъ дворяне по вашему усмотрѣнію, когда ознакомятся съ русскимъ языкомъ и законодательствомъ; нынѣ, благодаря Бога, многіе познакомились съ Русскимъ языкомъ, но тѣмъ не менѣе я, въ настоящую минуту, поставленъ въ невозможность не назначать на эти мѣста чиновниковъ по опредѣленію отъ правительства; но это перемѣнится, и для этой цѣли я посылаю молодыхъ людей въ должность

стряпчихъ, чтобы они, привыкнувъ практически къ дѣло-производству, могли быть въ послѣдствіи времени полезны при дворянскихъ выборахъ, и тогда уже всѣ мѣста, согласно коренному закону, будутъ замѣщаемы дворянами, по выборамъ дворянства.

Нынѣ, по моей болѣзни и по милости нашего Великаго Государя, я для излеченія уволенъ въ отпускъ за границу на четыре мѣсяца; вмѣсто меня вступилъ въ управленіе тремя губерніями Князь Васильчиковъ; этотъ человѣкъ благороднѣйшихъ чувствъ, вы имъ будете довольны, коль исполнитъ всѣ тяжкія обязанности того тяжкаго бремени, которое я несу 14 лѣтъ.

Вашъ начальникъ губерніи исполняетъ свое призваніе отлично, онъ никому изъ васъ не сдѣлалъ зла, а многимъ сдѣлалъ добро, и вы не можете ему не отдать этой справедливости.

Популярности я не искалъ, любви я отъ васъ не имѣю, но вы меня уважаете,—позднѣйшія поколѣнія вспомнятъ мою службу въ этомъ краѣ,—ваши дѣти будутъ благодарны моимъ дѣтямъ,—я въ томъ увѣренъ.

Теперь вы приступили къ выборамъ; надѣюсь, что давнія службы найдутъ у васъ преимущество, что вы постараетесь оцѣнить по достоинству тѣхъ, которыхъ отличаетъ Государь, и которые всегда защищали право Дворянства и облегчали мнѣ то бремя, которое я такъ долго двигалъ.

Простите, прощайте; если я умру не поминайте лихомъ!

XII.

Священный союзъ и Австрійская политика.

Вступленіе на престолъ Александра II было встрѣчено по всей Россіи съ чувствами радости и надежды; тяжело становилось намъ жить подъ системой управленія, подавляющей всякое свободное движеніе человѣка; еще тяжеле было нести бремя войны, къ которой народъ не имѣетъ никакого сочувствія, и которой возбужденіе справедливо приписывали неосмотрительности правительства. Но виновникъ ея сошелъ въ могилу; воцарился новый государь, и всѣ вздохнули свободнѣе. Александръ не связанъ преданіями отцовской политики, онъ слыветъ въ народѣ человѣкомъ добрымъ и мягкимъ, и всѣ взоры обратились на него въ ожиданіи, что онъ распуститъ слишкомъ натянутыя бразды правленія и положитъ конецъ пагубной для Россіи войнѣ. При такомъ напряженномъ вниманіи малѣйшія дѣйствія новаго царя становятся предметомъ толковъ и размышленій. Всѣ съ жадностью освѣдомляются о подробностяхъ его быта, о каждомъ сказанномъ имъ словѣ, объ окружающихъ его лицахъ; всѣ стараются извлечь изъ этого надежды или опасенія для будущности Россіи.

Однимъ изъ первыхъ актовъ новаго царствованія были рѣчи, сказанныя государемъ петербургскому дворянству и дипломатическому корпусу. Какъ скоро онѣ стали извѣстными, всѣ бросились читать

ихъ, и надобно сказать, что вообще впечатлѣніе было благопріятное. Въ самомъ дѣлѣ, никто не можетъ отрицать, что въ этихъ рѣчахъ есть и достоинство и энергія, что въ нихъ выражается и сознаніе величія Россіи, и довѣріе къ народу. Можетъ быть въ рѣчи, сказанной Петербургскому дворянству, взятъ уже слишкомъ рѣшительный тонъ, можетъ быть слишкомъ уже велики данныя въ ней обѣщанія. Въ настоящихъ обстоятельствахъ трудно сказать, что мы не сдѣлаемъ ни шагу назадъ, да и самое общественное мнѣніе не требуетъ такой неуступчивости.

Дворянство вовсе не такъ воинственно, какъ это кажется съ перваго взгляда; пожертвованія и адрессы — оффиціальная комедія, на которую не поддается ни одинъ человѣкъ, сколько нибудь знакомый съ значеніемъ всѣхъ общественныхъ изъявленій въ Россіи. Въ самомъ же дѣлѣ дворянство горюетъ о своемъ раззореніи, не охотно выдаетъ деньги, и еще менѣе охотно идетъ въ ополченіе. Оно вовсе не требуетъ отъ правительства такого воинственнаго духа и не поставитъ ему въ вину, если Россія выйдетъ изъ этой войны съ нѣкоторыми потерями. Если покойнаго государя могли укорить въ томъ, что онъ навлекъ на насъ это бѣдственное положеніе, то новый царь ни въ какомъ случаѣ не можетъ подлежать этому упреку. Онъ принялъ правленіе при трудныхъ обстоятельствахъ и долженъ выпутываться изъ нихъ какъ только возможно. Россія желаетъ мира и готова сдѣлать много уступокъ, лишь бы онѣ не были для нея

слишкомъ постыдны и унизительны. Можно сказать не ошибаясь, что въ обществѣ нѣтъ такой готовности на борьбу, какая предполагается въ рѣчи Государя. Однакоже нельзя укорять его за то, что онъ въ оффиціальныхъ случаяхъ показываетъ твердость и мужество. Русскій царь не можетъ говорить иначе, не унижая своего достоинства, и Россія будетъ ему за это благодарна.

Но есть одна фраза въ рѣчи дипломатическому корпусу, на которую нельзя не обратить вниманія и которая, надобно сказать, произвела впечатлѣніе неблагопріятное. Вотъ она: "Я торжественно объявляю здѣсь передъ Вами, господа, что останусь вѣренъ чувствамъ одушевлявшимъ моего отца, и буду слѣдовать тѣмъ же политическимъ началамъ, которыя служили правиломъ для дяди моего, императора Александра и для отца моего. Эти начала суть начала священнаго союза, и если этотъ союзъ разрушенъ, то въ этомъ, конечно, виноватъ не покойный отецъ." Оставаться вѣрнымъ началамъ священнаго союза—это цѣлая политическая программа, въ которую мы должны глубоко вдуматься. Въ ней заключается непосредственная будущность Россіи, и каждый истинный сынъ отечества долженъ спросить себя: что такое священный союзъ? Какія его начала и что они намъ обѣщаютъ?

Извѣстно, что императоръ Александръ I въ продолженіи своего царствованія слѣдовалъ двоякой политикѣ. До 1815 года онъ былъ поклонникомъ либеральныхъ идей, онъ мечталъ о конституціи для Россіи и для Польши, онъ шелъ на освобожденіе Европы отъ

деспотическаго ига Наполеона, онъ настоялъ на томъ, чтобы Францiя получила правленiе конституцiонное и либеральное. Но съ 1815 года все измѣнилось: подъ влiянiемъ Австрiи состоялся священный союзъ, котораго явнымъ главою былъ Императоръ Александръ, но котораго тайнымъ и настоящимъ двигателемъ былъ Метернихъ. Союзъ имѣлъ цѣлью охраненiе существующаго порядка и поддержанiе монархическаго принципа, которому, будто бы, грозилъ либерализмъ. Повидимому къ такой коалицiи монарховъ не было никакого повода. Французская революцiя, вспыхнувшая вслѣдствiе упорнаго отклоненiя правительствомъ самыхъ необходимыхъ реформъ, и доведенная до крайности лживою политикою слабаго короля и вторженiемъ непрiятеля, потухла сама собою и предалась въ руки Наполеона. Въ продолженiи болѣе 15 лѣтъ не было въ Европѣ революцiонныхъ движенiй. Если существовали въ Европѣ революцiонныя тенденцiи, то онѣ имѣли въ виду вовсе не ниспроверженiе существующаго порядка вещей, а только побужденiе правительствъ къ политикѣ болѣе свободной и болѣе согласной съ требованiями просвѣщенiя. Между тѣмъ эти законныя стремленiя были осуждены соединенными монархами; правительства противупоставили себя народамъ, и когда послѣднiе, сдавленные консервативной системой, пытались отъ нея освободиться, тогда эти движенiя объявлялись порожденiемъ революцiоннаго духа и подавлялись всѣми возможными средствами. Пьемонтъ, Неаполь, Испанiя попробовали было воз-

стать противъ невыносимаго гнета тупыхъ правительствъ; тотчасъ посланы были войска, которыя все поставили на старый ладъ. Конгресъ слѣдовалъ за конгресомъ, и на каждомъ съѣздѣ утверждались новыя стѣснительныя постановленія, придумывались новыя средства держать народъ въ вѣчныхъ оковахъ. На европейскій міръ наложена была узкая рамка, изъ которой онъ не долженъ былъ выходить во вѣки вѣковъ.

Такая политика совершенно соотвѣтствовала интерессамъ австрійскаго правительства. Австрія, какъ и всѣ новыя европейскія государства, образовалась въ то время, когда элементы народной жизни были еще очень мало развиты. Правительства значили все; абсолютные монархи, считая себя частными владѣльцами подвластныхъ имъ земель, старались расширить ихъ всѣми средствами, не обращая ни малѣйшаго вниманія на возможность ихъ національнаго единенія. Присоединяемыя области разсматривались единственно какъ источники доходовъ и какъ средства для увеличенія государственныхъ силъ. Въ то время этотъ способъ распространенія владѣній имѣлъ свое значеніе: чрезъ это цари сдѣлались собирателями разрозненныхъ и раздробленныхъ областей, образователями могучихъ государствъ. Но эта предварительная работа собиранія земель совершалась подъ вліяніемъ частнаго воззрѣнія на государство и носила иногда характеръ чистой случайности. Внѣшнимъ образомъ соединились области, которыя не имѣютъ между собою ни какой внутрен-

ней связи, и потому не могутъ слиться вмѣстѣ и образовать единое тѣло. Въ такихъ случайныхъ соединеніяхъ нѣтъ прочныхъ жизненныхъ элементовъ, ибо тѣ только государства имѣютъ прочность и силу, которыя основаны на крѣпкой національности. Народъ даетъ силу правительству, въ немъ коренятся элементы государственнаго могущества, и какъ скоро народъ пробуждается къ дѣятельности онъ тотчасъ стремится къ самостоятельности, къ созданію національнаго единства. Это индивидуумъ, который хочетъ жить своею отдѣльною, независимою жизнію, и въ такой только жизни есть залогъ для будущаго, ибо она основана на опредѣленіяхъ самой природы, а не на произвольныхъ разграниченіяхъ человѣческихъ обществъ.

Наше время особенно замѣчательно стремленіемъ къ національности. Вездѣ пробуждаются народности, вездѣ онѣ стремятся къ самостоятельности, къ проявленію своихъ внутреннихъ силъ. Монархи соединили разрозненныя области и устроили внѣшнюю форму государства—такъ сказать оставъ жизни общественной, но эта форма останется мертвою, если она не будетъ оживлена жизнью народною, если между правительствомъ, стоящемъ во главѣ государства, и подданными, составляющими его тѣло, не будетъ единства національнаго духа. Оживляется эта форма внутреннею жизнью общества, которая состоитъ въ развитіи учрежденій, наукъ, искуствъ, нравовъ. Эти элементы общечеловѣческой жизни, будучи общимъ достояніемъ человѣчества, вмѣстѣ съ тѣмъ, у отдѣльныхъ народовъ получаютъ свой особенный характеръ.

Кажый народъ стремится положить на нихъ свой отпечатокъ, развить ихъ изъ самаго себя, и выразить въ нихъ свою особенность. Но для этого необходимо ему называемое положеніе, соединеніе въ отдѣльное политическое тѣло подъ правительствомъ, связаннымъ съ нимъ узами національности. Народъ, подчиненный другому, никогда не можетъ сочувствовать общему дѣлу; въ немъ не можетъ быть любви къ общему отечеству, а если пробуждается въ немъ патріотизмъ, это лучшее и естественнѣйшее чувство человѣка, онъ прежде всего проявляется въ стремленіи освободиться изъ подъ чужаго ига. Между тѣмъ эти законныя требованія народности часто не согласуются съ современнымъ устройствомъ европейскихъ обществъ. Многія государства образовались, какъ сказано, чисто случайнымъ образомъ, посредствомъ соединенія областей, лишенныхъ внутренняго единства. Народы подчинены правительствамъ имъ чуждымъ, которымъ они не могутъ сочувствовать и разумѣется, при такомъ положеніи, всякое развитіе народной жизни, вмѣсто того, чтобы придать новую силу правительству, становится для него опаснымъ. Къ числу такихъ государствъ принадлежитъ особенно Австрія. Она представляетъ соединеніе народностей, не имѣющихъ между собою никакой естественной связи, и постоянно стремящихся къ разъединенію. Нѣмцы, Чехи, Поляки, Хорваты, Сербы, Венгры, Итальянцы, собраны воедино и живутъ подъ скиптромъ одного монарха. Очевидно, что такой сборъ національностей, изъ которыхъ каждая довольно

сильна, чтобы жить отдѣльною жизнію, не можетъ имѣть прочности; очевидно, что неминуемое пробужденіе народной жизни должно вести къ распаденію Австріи. Не имѣя народной основы, Австрія держится только своимъ правительствомъ, или лучше сказать она состоитъ изъ одного правительства, искуственнымъ образомъ сплотившаго разнородныя тѣла, и содержащаго ихъ въ неестественномъ соединеніи. Каждое свободное движеніе, каждое измѣненіе существующаго порядка грозитъ Австріи паденіемъ; едва народъ получитъ голосъ, какъ тотчасъ окажется природное разногласіе частей. Австрія не имѣетъ будущности; основанная на противуестественныхъ началахъ, она видитъ гибель передъ собою и можетъ держаться только нѣсколько времени упорною преданностью старинѣ и подавленіемъ всѣхъ живыхъ силъ человѣка.

Князь Метернихъ превосходно понималъ это положеніе Австріи и съ необыкновеннымъ искуствомъ основалъ всю свою политику на отрицаніи опаснаго для нея развитія внутреннихъ силъ народа. Но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ чувствовалъ, что внутри все непрочно, что надобно искать опоры во внѣ. Этого онъ достигъ установленіемъ священнаго союза; онъ умѣлъ и другимъ европейскимъ государямъ навязать охранительную политику австрійскую, соединивши ее съ поддержаніемъ монархическаго начала, которому будто бы грозили революціонныя и либеральныя стремленія новаго времени. Подчиняясь вліянію великаго человѣка, монархи вдругъ стали считать

себя въ опасности и составили союзъ правительствъ противъ народовъ; союзъ, который совершенно согласовался съ интересами вѣнскаго кабинета, но который всѣ другія правительства долженъ былъ рано или поздно уронить въ общественномъ мнѣніи и лишить народнаго сочувствія.

Въ самомъ дѣлѣ, охранительная система основана на совершенномъ непониманіи исторіи человѣчества. Общества не остаются вѣчно на одной точкѣ; они идутъ впередъ, ибо развитіе естественное условіе человѣческой жизни. Это законъ, вложенный въ человѣчество провидѣніемъ; это самая его природа, его внутренняя духовная сила. Его нельзя отрицать, ибо это значить отрицать самое естество человѣка, ему не льзя идти на перекоръ, ибо онъ необходимъ, какъ необходимы явленія природы физической. Безъ вѣры въ развитіе не возможна ни жизнь, ни дѣятельность общественная, ибо тотъ только можетъ посвятить себя общественному дѣлу, кто убѣжденъ, что трудъ его принесетъ пользу и останется прочнымъ улучшеніемъ жизни. Всѣ измѣненія, совершающіяся въ обществѣ, всѣ стремленія человѣческія имѣютъ безпрерывное усовершенствованіе быта, развитіе внутреннихъ силъ народа, которыя проявляются въ большемъ и большемъ распространеніи просвѣщенія, въ томъ, что большее и большее число людей начинаетъ мыслить, и сознавать не только свои частныя, но и общественныя нужды и потребности. Во время невѣжества правительство одно стояло во главѣ просвѣщенія; оно побуждало подданныхъ къ разви-

тію, и заставляло ихъ учиться, даже насильственными мѣрами. Но насажденное имъ сѣмя созрѣло: подданные начали усвоивать себѣ плоды наукъ и образованія, начали мыслить и разсуждать о дѣлахъ общественныхъ; пробудилась жизнь и умственная дѣятельность въ самомъ обществѣ, и это есть вѣрное ручательство за будущее развитіе, за улучшеніе общественнаго быта. Правительство не должно смотрѣть на это съ подозрѣніемъ, ибо это развитіе жизни народной придастъ ему новую силу, если оно съумѣетъ имъ воспользоваться Благоразумное правительство, сознающее себя призваннымъ къ осуществленію общаго блага, должно стоять въ уровень съ потребностями общества, должно прислушиваться къ его голосу и вести его сообразно съ новыми естественными условіями духовной его жизни. Тогда только оно имѣетъ прочность и силу, тогда только оно можетъ сохранить сочувствіе народа.

А между тѣмъ все это отрицается политикой охранительной. Она отрицаетъ развитіе, движеніе, она закрываетъ для себя будущее и обрекаетъ своихъ послѣдователей на неизбѣжное паденіе, ибо идетъ на перекоръ естественнымъ условіямъ человѣческой жизни. Въ особенности въ наше время пагубна подобная система. XIX-й вѣкъ, какъ сказано, характеризуется именно проявленіемъ силъ народныхъ, стремленіемъ къ національной самостоятельности, выработованіемъ элементовъ внутренней жизни человѣческихъ обществъ.

Теперь уже одна правительственная дѣятельность недостаточна; жизнь общественная достигла такой

высоты и такъ осложнилась, что она требуетъ свободнаго содѣйствія внутреннихъ силъ народа. Правительство пріобрѣтаетъ новую крѣпость, новую жизнь отъ народа, который оно образовало, и этотъ-то новый приливъ жизни отрицается охранительной системой. Она идетъ наперекоръ вѣку, и наперекоръ исторіи; она порожденіе временныхъ обстоятельствъ, временныхъ заблужденій; вмѣстѣ съ которыми исчезнетъ, не оставивъ слѣда. До образованія священнаго союза правительства не думали дѣлать изъ отрицанія прогресса политическую систему; напротивъ они сами шли во главѣ развитія и движенія. Отъ чего же они вдругъ сдѣлались консерваторами? Или они признаютъ свое дѣло конченнымъ? Или они чувствуютъ себя безсильными для дальнѣйшаго движенія?

Нѣтъ, ихъ дѣло не кончено, но оно должно измѣниться; прежде они образовали государства, теперь они должны помогать развитію народному. Просвѣщенное правительство пойметъ это, и слѣдуя за новыми потребностями, поведетъ народъ свой по новому пути; оно пойметъ, что законъ развитія и общее благо требуютъ, чтобы жизнь и дѣятельность не сосредоточивались въ одномъ правительствѣ, но чтобы была жизнь и дѣятельность въ самомъ обществѣ.

Охранительная политика глядитъ въ одно прошедшее, пренебрегая будущимъ и, вслѣдствіи этого, она осуждена на погибель. Она безплодна, потому что не хочетъ понять новыхъ потребностей обще-

ства, и упорно держится старины. Отказываясь отъ передоваго своего мѣста въ движеніи народной жизни, консервативное правительство предоставляетъ подданныхъ самимъ себѣ, но вмѣстѣ съ тѣмъ, сдерживая всѣ ихъ законныя и естественныя стремленія, возбуждаетъ въ нихъ ропотъ и негодованіе. Охранительная политика ведетъ къ разобщенію правительства и народа. Безъ сомнѣнія народъ тогда только и можетъ быть счастливъ, когда сочувствуетъ своему правительству и живетъ съ нимъ въ тѣсномъ единеніи. Но это единеніе не можетъ поддерживаться насильственными мѣрами и отрицаніемъ всякаго самостоятельнаго мнѣнія. Оно можетъ сохраниться только тогда, когда верховная власть внимаетъ общественному голосу, когда народу хорошо жить подъ своимъ правительствомъ, потому что ему предоставлена возможность развиваться и дѣйствовать свободно.

Насильственныя же мѣры, возстановляя оффиціальное единство, возбуждаютъ тайное несогласіе; сдержанное противорѣчіе дѣлается гораздо сильнѣе, и доходитъ до отрицанія не только административныхъ мѣръ и распоряженій правительства, но и самаго монархическаго начала. Охранительная система имѣетъ въ виду одни правительства, ихъ значенія и ихъ интересы; но цѣль всякой власти осуществленіе блага общественнаго, и если она не понимаетъ своего назначенія, если она все сосредоточиваетъ въ себѣ одной, народъ тайно отходитъ отъ нея и оставляетъ ее въ одиночествѣ. Между

ними образуется пропасть, которую правительство съ высоты своей часто и невидитъ, но которую видитъ всякій человѣкъ, знающій, что всѣ оффиціальныя изъявленія—ложь, когда не существуетъ возможности высказываться прямо и открыто. Разумѣется такое разобщеніе между правительствомъ и народомъ должно, рано или поздно, вести къ упадку монархическаго начала, и это есть плодъ охранительной системы. Она стремится къ утвержденію престоловъ, но употребляетъ для этого средства, прямо противорѣчащія цѣли. Правительство сильно только любовью народа, престолъ поддерживается только довѣріемъ, а охранительная система основана на страхѣ. Она предполагаетъ, что одни правительства обладаютъ разумомъ и стремленіемъ къ добру; что подъ ними находятся буйныя силы, которыя надо сдерживать всѣми средствами, чтобъ сохранить миръ и порядокъ въ государствѣ. Ослѣпленная страхомъ, она не видитъ, что народы вовсе не буйныя орды, что они прежде всего любятъ миръ и порядокъ, и тогда только возмущаются, когда находятся подъ властію правительствъ, упорно слѣдующихъ охранительной политикѣ, и не признающихъ законныхъ нуждъ и требованій общества. Охранительная система, желая предупредить революціи, напротивъ того возбуждаетъ ихъ. Революціи предупреждаются реформами; упорная преданность установленному порядку вещей возбуждаетъ сначала негодованіе, а потомъ и возмущенія. Она мирный путь превращаетъ въ бурный и насильственный Вмѣсто того, чтобы сдержать буйныя силы, охра-

нительная политика даетъ имъ ходъ, ибо сдерживаетъ стремленія мирныя и законныя. Она разбиваетъ правительство и народъ на два враждебные лагеря, изъ которыхъ одинъ до тѣхъ поръ притѣсняетъ другой, пока наконецъ не сдѣлается жертвою его возмущенія.

Вотъ система, установленная Метернихомъ, и ставшая основаніемъ священнаго союза. Наше правительство давно старается распространить мысль, что мы составляемъ отдѣльный отъ запада міръ, имѣющій свои условія, свое развитіе. Оно старается внушить намъ, что мы должны идти самостоятельнымъ путемъ, а между тѣмъ само усвоиваетъ себѣ политику, чисто подражательную, нисколько не соотвѣтствующую потребностямъ Россіи. Россія страна юная; она имѣетъ крѣпкую народную основу; она полна силъ, и глядитъ въ будущее. Ей прежде всего нужно развить эти силы, вызвать наружу спящіе элементы жизни народной, а ее вдругъ подчинили такой системѣ, которая годится только для дряхлой Австріи. Мы еще молоды, лѣнивы, неразвиты; насъ нужно подстрекать, а вмѣсто того насъ всячески старались сдерживать Въ насъ нѣтъ никакихъ революціонныхъ элементовъ, а между тѣмъ вся внутренняя политика основана была на страхѣ этихъ несуществующихъ элементовъ. Ничтожная, подражательная попытка 14 Декабря, сама вызванная новой системой Императора Александра, еще болѣе закрыла глаза правительству. Оно уподобило Россію Австріи, и стало смотрѣть на

вещи глазами австрійскихъ государственныхъ людей. Оно не хотѣло слушать общественнаго голоса въ убѣжденіи, что въ немъ выражаются революціонныя стремленія, которыя надобно подавлять, и тѣмъ возбудило противъ себя всеобщее неудовольствіе. Вездѣ слышенъ ропотъ, вездѣ господствуетъ уныніе, вездѣ видимъ совершенный разрывъ правительства съ народомъ, при оффиціальныхъ увѣреніяхъ въ преданности и любви.

Не менѣе вредна была охранительная система и для внѣшней политики Россіи. Священный союзъ соединилъ насъ съ Австріею и Пруссіею и, на нѣкоторое время, сдѣлалъ Россію первенствующею державою въ Европѣ. Все рѣшалось конгрессами трехъ государей; вездѣ народныя возстанія усмирялись ихъ войсками. Но временно подавленныя силы взяли свое, и тогда, какъ во время сдѣланныя уступки могли бы предупредить возмущенія,—охранительная политика повела къ уничтоженію самихъ правительствъ. Революція 1830 года исторгла Францію и, вмѣстѣ съ нею, всѣ тяготѣющія къ ней государства изъ подъ вліянія трехъ союзниковъ; Англія пошла по либеральному пути, и рядомъ съ старыми охранителями существующаго порядка вещей, явились новыя власти, основанныя на новыхъ началахъ и противоборствующія прежнему направленію. Священный союзъ, лишенный прежней своей силы, не могъ уже по произволу располагать европейскими дѣлами. Бельгія отдѣлилась отъ Голландіи и никто не воспротивился этому

революціонному движенію; даже во многихъ государствахъ Германіи вспыхнули возстанія, которыя остались безнаказанными. Россія лишилась своего преобладающаго положенія и лишилась его чрезъ охранительную политику. Будущее должно болѣе и болѣе ослабить ея вліяніе на Европу. Если сохранится священный союзъ, то главнымъ нашимъ союзникомъ будетъ, безъ сомнѣнія, Австрія, которая всегда составляла душу монархической коалиціи. Но Австрія очевидно обречена на погибель; лишенная народной основы, она, не смотря на все искусство ея государственныхъ людей, должна рано или поздно развалиться, и тогда мы останемся одни, безъ всякой опоры во внѣ, ибо на Пруссію надѣяться нельзя. Пруссія, волею или неволею, будетъ вовлечена въ новое движеніе, какъ уже это и было въ 1848 году. Очевидно, что Германія не можетъ долго оставаться въ настоящемъ своемъ положеніи; искуственное раздробленіе на мелкія части можетъ существовать только до тѣхъ поръ, пока не пробудилось народное сознаніе; но какъ скоро народъ почувствуетъ свою силу, всѣ эти мелкія государства должны разлетѣться, и отдѣльныя общества сольются въ единство Германской Имперіи. Это не пустая мечта, не революціонная мысль; нѣтъ, это потребность великаго народа, сознающаго свою національность. Франція соединилась въ единое тѣло, Россія соединилась въ единое тѣло, а между тѣмъ и та и другая были раздроблены на мелкія части, въ то время какъ Германія, съ глубины среднихъ вѣковъ сохраняла свое единство. Неужели въ новое время, когда вы-

ступаютъ всѣ національности, она одна осуждена на вѣчное раздробленіе? Этого быть не можетъ; въ 1848 году мы слышали уже голосъ великаго народа, требующаго государственнаго единства. Надобно быть совершенно ослѣпленнымъ, чтобы видѣть въ этомъ одно сумазбродное требованіе революціонной партіи. Послѣдняя подняла только знамя, покинутое правительствами, и это дало ей такое сочувствіе со стороны народа, котораго-бы она безъ того никогда не имѣла. Первая попытка была неудачна, но не далеко время, когда справедливое требованіе возбудится съ новой силой, и когда единство Германіи выйдетъ изъ области мечтаній и сдѣлается дѣйствительностью.

Это событіе совершится еще на нашихъ глазахъ; тогда мы потеряемъ всѣхъ своихъ союзниковъ и наживемъ опаснаго, близкаго врага. Германская имперія будетъ нашимъ врагомъ, потому что она будетъ основана на началахъ народныхъ и либеральныхъ, —началахъ, которыя отрицаются нашей полемикою. Мы будемъ всѣми силами противодѣйствовать образованію новой державы, и она отплатитъ намъ за это непримиримою враждою. Наживемъ мы себѣ враговъ и въ Славянскихъ и Греческихъ племенахъ, ибо эти племена стремятся къ освобожденію, къ независимости, къ самостоятельности народной, а все это отрицается охранительной системой. Мы необходимо останемся въ одиночествѣ и потеряемъ всякое значеніе въ Европѣ, потому что охранительная система идетъ наперекоръ всѣмъ новымъ стремленіямъ, всѣмъ народнымъ интересамъ. Въ наше время по-

литическое значеніе государства не можетъ уже, какъ прежде, основываться на личныхъ связяхъ царскихъ фамилій, на численныхъ выгодахъ государства, на расширеніе его владѣній, на насиліи на принужденіи; въ наше время политическое вліяніе державы можетъ быть упрочено только единствомъ народныхъ интересовъ, поддержаніемъ тѣхъ началъ, которыя развиваются внутри самыхъ обществъ. На поприщѣ исторіи явились новыя силы, съ которыми надобно считаться. Ихъ нельзя уничтожить, ибо онѣ суть плодъ естественнаго развитія человѣчества; отрицать же ихъ и остаться при прежнемъ направленіи—значитъ самаго себя осудить на безсиліе, отказаться въ будущемъ отъ всякаго значенія въ союзѣ государствъ и въ настоящемъ уронить себя во мнѣніи всей Европы, какъ западной, такъ и восточной. Такой личной, эгоистической политикой утратилось уже наше вліяніе на Турцію: основываясь на правилахъ охранительной системы, мы отвергали всѣ новыя либеральныя реформы Турецкой Имперіи, между тѣмъ какъ Франція поддерживала ихъ изо всѣхъ силъ. Это и повело къ тому, что ихъ вліяніе на Порту совершенно вытѣснило нашу. Такимъ же образомъ утратится, если уже не утратилось, наше вліяніе и на всѣ европейскія державы; держась охранительной системы, мы необходимо придемъ къ совершенному безсилію и одиночеству. Но не только въ будущемъ должны мы пожать печальные плоды ошибочной политики; уже настоящее показало намъ пагубныя ея послѣдствія. Единственная выгода, которую мы могли извлечь изъ охранительной

системы, была твердая увѣренность въ содѣйствіи Австріи и Пруссіи, а этого содѣйствія мы не нашли, когда оно сдѣлалось намъ нужнымъ. Въ первой разъ съ 1815 года, Россія въ Восточномъ вопросѣ стала дѣйствовать въ свою пользу безъ согласія другихъ, и здѣсь-то она въ Австріи нашла явнаго врага, а въ Пруссіи противника нерѣшительнаго, но тѣмъ не менѣе опаснаго. Иначе и быть не могло. Интерессы Австріи совершенно противуположны нашимъ: она болѣе всего боится нашего вліянія на Славянскія и Греческія племена и старается противодѣйствовать намъ всѣми силами. Можно сказать, что Австрія естественный врагъ Россіи, а мы подражаемъ началамъ ея политики, мы смотримъ на нее, какъ на лучшаго союзника и, въ угодность ей, жертвуемъ всѣми своими интерессами.

Охранительная система не принесла, слѣдственно, ожиданныхъ плодовъ; въ будущемъ обѣщаетъ еще худшіе. Новый государь, конечно, не захочетъ возвратиться на эту избитую колею. Священный союзъ разрушенъ и не можетъ болѣе возобновиться; послѣ настоящаго разрыва съ Австріею не льзя намъ снова сдѣлаться друзьями. Во всемъ русскомъ народѣ возбудилась противъ ней непримиримая ненависть, и всякое сближеніе съ дряхлою державой будетъ встрѣчено всеобщимъ неудовольствіемъ. Надобно думать, что въ рѣчи государя, Священный союзъ былъ упомянутъ единственно какъ укоръ австрійскому правительству, а не изъ желанія возобновить невозможную связь. Иначе, это было бы

великое несчастіе для Россіи, а Россія надѣется на Александра II и желаетъ видѣть въ его царствованіи возобновленіе временъ Александра I до тѣхъ поръ, пока онъ не подпалъ подъ вліяніе австрійской политики и не сдѣлался орудіемъ Метерниха.

UNIVERSAL PRINTING ESTABLISHMENT:
Zeno Swietoslawski, 178-179, High Holborn.—London.

ОГЛАВЛЕНІЕ.